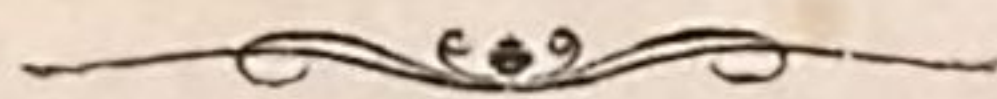

Всеволода Миллера.

ОСЕТИНСКІЕ ЭТЮДЫ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

МОСКВА.

Типографія Е. Г. Потапова, Старая Басманная, домъ Мараевой.

1887.

Дружеское

ОСЕТНИНСКІЕ ЭТЮДЫ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

НЗСЛРДОВАНИИ.

Изданіе Императорскаго Московскаго Университета.

Издатель Н. Т. Шевелевъ, Старая Басманная, домъ Шевелева.

1881.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

МАКСИМУ МАКСИМОВИЧУ

КОВАЛЕВСКОМУ,

моему товарищу по изслѣдованію

Осетинъ.

ПОСВЯЩЕНО

МАКОВУ МАКОВИЧУ

КОБАЧЕВУ

некий человек по имени

Осипов

Владимир Иванович Макарович

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе стр. I.

Историческія свѣдѣнія объ осетинахъ и вопросъ о происхожденіи этого народа.

Введеніе стр. 1—3.

ГЛАВА I. Территорія, населенная осетинами стр. 4. Границы ея 5. Сосѣди осетинъ 6. Численность осетинъ и дѣленіе ихъ на общества 6. Названія даваемыя осетинами сосѣднимъ народамъ 7. Древняя территорія осетинъ, занятая въ настоящее время тюркскими горскими обществами Кабарды 7—11. Разборъ культурныхъ словъ, свидѣтельствующихъ о сѣверномъ происхожденіи осетинъ и ихъ раннемъ бытѣ 11—15. Источники нашихъ свѣдѣній о прошломъ осетинъ 15. Оцѣнка грузинскихъ анналь Вахтанга 16. Взглядъ на нихъ проф. Патканова 16—18. Свидѣтельства анналь Вахтанга объ осетинахъ (оссахъ) 18—39.

ГЛАВА II. Доказательства тому, что имя кавказскихъ алановъ распространялось и на предковъ осетинъ 39—42. Свидѣтельства о территоріи алановъ 42—47. Извѣстія средневѣковыхъ писателей объ аланахъ 47. Діонисій географъ 48. Плиній 48. Іосифъ Флавій 48. Светоній 49. Діонъ Кассій 49. Амміанъ Марцеллинъ 50—53. Прокпій 53. Менаандръ 54—56. Теофанъ 56—58. Тюркскіе сосѣди осетинъ 59—66. Упомянутіе ясовъ въ русскихъ лѣтописяхъ 66—70.

ГЛАВА III. Вопросъ о времени поселенія предковъ осетинъ на сѣверѣ Кавказа стр. 70—74. Древность иранскаго элемента населенія на Дону и въ припонтійскихъ странахъ 74—75. Иранскія топографическія названія 76—78. Иранскія имена въ греческихъ надписяхъ изъ припонтійскихъ колоній 79—82. Доказательства тому, что иранскій языкъ, засвидѣтельствованный этими надписями, былъ предкомъ осетинскаго языка 82—84. Народность сарматовъ 84—96. Заключенія 96—101.

Экскурсъ о боларахъ и аланахъ въ новомъ спискѣ географіи, приписываемой Моисею Хоренскому стр. 102—116,

Экскурсъ о скивахъ стр. 116—136.

Грамматическіе экскурсы въ области осетинскаго языка: фонетика стр. 137—162. *Словообразование* стр. 162. *Склоненіе* 162—164. *Числительныя* 164. *Спряженіе* 164—167. *Новыя словопроизводства* 167—169.

Образцы южно-осетинскаго нарѣчія: 1. О безыменномъ сынѣ Урызмага стр. 170—174. *2. О Тамарѣ* стр. 174—176. *3. Человѣкъ и лиса* стр. 176—177. *Примѣчанія* стр. 178.

Осетинскія загадки стр. 180—182.

Дигорскія пословицы стр. 183—189.

Иронскія пословицы стр. 189—190.

Примѣчанія стр. 190—191.

Указатель именъ и предметовъ стр. 193—204.

Указатель осетинскихъ словъ стр. 205—215.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вслѣдствіе разныхъ занятій, отвлекавшихъ меня отъ обработки III-й части Осетинскихъ этюдовъ, она появляется слишкомъ черезъ 4 года послѣ II-ой, несмотря на то, что въ рукописи главы по исторіи осетинъ были готовы уже года два тому назадъ и ими уже пользовался М. М. Ковалевскій для своего труда „Современный обычай и древній законъ“. Входящія далѣе въ составъ этой части „Грамматическіе экскурсы въ области осетинскаго языка“ были написаны уже въ концѣ 1883 года, и въ рукописи сообщены профессору Гюбшманну, который воспользовался ими для своей книги: *Etymologie und Lautlehre der Ossetischen Sprache*, вышедшей въ Страсбургѣ въ началѣ текущаго года. Осетинскіе тексты, издаваемые въ приложеніи, были собраны мною во время путешествія по Кавказу въ 1883 году. Такимъ образомъ, къ послѣднимъ по времени работамъ принадлежать въ этой части: Экскурсъ о болгарахъ и аланахъ въ новомъ спискѣ географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, и экскурсъ о скиѣахъ.

Въ дополненіе библіографіи по осетинамъ, помѣщенной во 2-ой части „Этюдовъ“ (стр. III—VII), считаю нужнымъ упомянуть нѣсколько значительныхъ трудовъ, появившихся въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, оставляя въ сторонѣ нѣсколько мелкихъ этнографическихъ статей, напечатанныхъ въ кавказскихъ повременныхъ изданіяхъ. Къ такимъ трудамъ, кромѣ вышеназванныхъ работъ М. М. Ковалевскаго и Гюбшманна, должно отнести: Іосифа Епископа Владикавказскаго „Русско-осетинскій словарь съ краткою грамматикою“, (Владикавказъ 1884); Д. Лаврова — „Замѣтки объ Осетіи и Осетинахъ“, помѣщенные въ III выпускѣ „Сборника мате-

ріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, (Тифлисъ 1883) и книжку v. *Stackelberg'a* „*Beiträge zur Syntax des Ossetischen*“ (Strassburg 1886).

Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ выразить глубокую признательность профессору *Залеманну*, посвятившему „*Осетинскимъ Этюдямъ*“ критическую статью (помѣщ. въ *Literaturblatt für orientalische Philologie* (1883), и моимъ товарищамъ профессорамъ *Ф. Θ. Фортунатову* и *Θ. Е. Коршу*, сдѣлавшимъ мнѣ немало цѣнныхъ лингвистическихъ замѣчаній.

ВВЕДЕНІЕ.

Кавказскій хребетъ—эта „гора языковъ“—представляетъ капитальный интересъ для этнографіи. Нѣтъ другой мѣстности на земномъ шарѣ, гдѣ-бы, на сравнительно небольшомъ пространствѣ, скучивалась такая масса разноплеменныхъ и разноразныхъ народовъ. Если когда-нибудь предвидится возможность рѣшить хоть небольшое число запутанныхъ вопросовъ о національности разныхъ народовъ, нѣкогда смѣнявшихъ другъ друга въ древніе и средніе вѣка въ необозримыхъ равнинахъ южной Россіи, то только подъ условіемъ изученія этнографіи Кавказа. Да и не мудрено, что Кавказскій перешеекъ является ключомъ для разрѣшенія этнографическихъ вопросовъ: достаточно бросить взглядъ на географическую карту, чтобы понять значеніе Кавказа какъ азіатско-европейскаго *asylum*'а. Южно-русская равнина со стороны востока, на пространствѣ между сѣверной окраиной Каспія и послѣдними отрогами Уральскаго хребта, не представляла естественныхъ преградъ для народовъ, двигавшихся въ Европу изъ степей центральной Азіи. Переходя рѣки—Уралъ, Волгу, Донъ,—эти народы безконечной вереницей двигались въ южно-русскія степи и стремились далѣе на западъ въ среднія и южныя страны Европы. При взаимномъ столкновеніи, побѣжденные племена, тѣснимыя новыми „населенниками“ изъ Азіи, должны были искать убѣжища въ сторонѣ отъ обычнаго пути народовъ,—на сѣверѣ или на югѣ отъ него. Тѣ изъ нихъ, которыя искали такого убѣжища на югѣ, неминуемо были оттѣсняемы къ берегамъ Чернаго и Азовскаго моря или къ Кавказскимъ горамъ. Попадъ однажды на сѣверъ Кавказа, тѣснимыя народы были, такъ сказать, припираемы къ стѣнѣ и не имѣли выхода, будучи заперты со всѣхъ сторонъ. Съ

сѣвера тѣснили ихъ побѣдители, съ запада имъ пресѣкало путь побережье Азовскаго и Чернаго моря, съ востока берега—Каспія, съ юга—сплошной высокій хребетъ, перерѣзывающій весь перешеекъ длинной стѣною въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Тѣснимый отовсюду, народъ искалъ убѣжища въ горныхъ ущельяхъ, причемъ и здѣсь боролся съ другими народами раньше его загнанными изъ степи въ горы. Не трудно представить себѣ, какъ могли вліять новыя условія жизни на народы, загнанные изъ плоскости въ горы. Если народъ былъ способенъ выдержать борьбу съ природой и туземцами, онъ завоевывалъ себѣ новую родину; но во всякомъ случаѣ измѣнившіяся условія жизни и постоянная борьба, съ теченіемъ времени, сокращали его численность. Степнякъ-номадъ нелегко привыкаетъ къ горамъ: только необходимость заставляетъ его освоиться съ ними, и только чрезъ нѣсколько поколѣній вырабатывается изъ него типъ горца. То, что происходило на сѣверномъ Кавказѣ, происходило и на южномъ склонѣ. И съ юга, со стороны Колхиды, Иверіи, Арменіи, загонялись въ горы побѣжденные народы, не имѣя выхода ни на востокъ, ни на западъ. Понятно, что такимъ образомъ Кавказскій хребетъ становился „горю языковъ“ и что если въ настоящее время языки и нарѣчія считаются въ немъ десятками, то въ глубокой древности ихъ было еще болѣе, ибо многіе народы, истощаясь въ постоянной борьбѣ, гибли, и отъ языковъ ихъ не осталось и слѣда.

Кавказское языковѣдѣніе пришло къ заключенію, что между главными и древними группами языковъ сѣвернаго и южнаго склона Кавказа нѣтъ родства. Это указываетъ на то, что Кавказъ былъ дѣйствительно стѣною, раздѣлявшею народы и что естественныя бреши въ этой стѣнѣ рѣдко были открыты для передвиженія племенъ. Перевалы черезъ гигантскій хребетъ и въ настоящее время, при существованіи военно-грузинской и военно-осетинской дорогъ, трудны, а въ нѣкоторыя поры года почти невозможны. Въ глубокой же древности перевалы представляли еще болѣе естественныхъ трудностей, которыя усложнялись еще тѣмъ, что искони народы, сидѣвшіе у воротъ, (у Дарьяльскаго, Мамисонскаго ущелья, у Дербента и т. д.) чутко оберегали ихъ, видя въ этомъ для себя спасеніе. Только сильнымъ, многочисленнымъ и

воинственнымъ народамъ удавалось вторгаться съ сѣвернаго Кавказа въ южный и время отъ времени производить набѣги на плодородныя страны, прилежающія съ юга къ хребту.

Можно думать, что всѣ современные мелкіе народцы, доживающіе свой вѣкъ въ ущельяхъ Кавказскаго хребта, представляютъ скудные остатки болѣе крупныхъ народовъ, нѣкогда бродившихъ въ степяхъ и, быть можетъ, извѣстныхъ древнимъ и средневѣковымъ историкамъ и географамъ подъ иными именами. Горы и ущелья привлекательны своими романтическими красотами для культурныхъ людей: народъ же, ищущій себѣ выгодныхъ условій для существованія, поселяется въ нихъ только за неимѣніемъ лучшихъ, болѣе привольныхъ мѣстъ, только подъ давленіемъ необходимости. Въ силу естественныхъ условій цивилизація не могла развиться въ кавказскихъ ущельяхъ; напротивъ, даже заносимая туда съ плоскости, она вырождалась и гибла въ борьбѣ съ природою. Суровость зимы, трудность сообщеній по горнымъ тропинкамъ, которымъ зимою вѣчно угрожаютъ снѣжные завалы, а лѣтомъ осыпи, разобщенность поселеній, недостатокъ земли для хлѣбопашества, закоренѣлое разбойничество, облегчаемое самой природою—всѣ эти неблагопріятныя условія сгубили не мало мелкихъ народностей, забившихся въ горы, и повели къ ослабленію и измелчанію тѣхъ, которыхъ не могли сгубить окончательно. Къ такимъ остаткамъ болѣе сильныхъ и многочисленныхъ народовъ принадлежатъ и осетины, которые составляютъ предметъ нашего изслѣдованія. Какого племени этотъ народъ? Подъ какими именами былъ онъ извѣстенъ прежде? Откуда пришелъ? Какія существуютъ о немъ историческія свидѣтельства?—вотъ вопросы, которые мы постараемся разсмотрѣть въ слѣдующихъ главахъ.

Глава I.

Территорія, населенная осетинами. Границы ея. Сосѣди осетинъ. Численность осетинъ и дѣленіе ихъ на общества. Названія, даваемые осетинами сосѣднимъ народамъ. Древняя территорія осетинъ, занятая въ настоящее время татарскими горскими обществами Кабарды. Разборъ культурныхъ словъ, свидѣтельствующихъ о сѣверномъ происхожденіи осетинъ и ихъ равнемъ бытѣ. Источники нашихъ свѣдѣній о прошломъ осетинъ. Оцѣнка грузинскихъ анналь Вахтанга. Взглядъ на нихъ проф. Патканова. Свидѣтельства анналь Вахтанга объ осетинахъ (оссахъ).

Число осетинъ, по статистическимъ даннымъ 1881 года, приводимымъ г. Лавровымъ ¹⁾, простирается до 111,000 душъ обоюго пола. Они населяютъ главнымъ образомъ склоны и долины Кавказскаго хребта между $42^{\circ} 5'$, $43^{\circ} 20'$ с. шир. и $61^{\circ} 10'$, $62^{\circ} 20'$ восточ. долготы, т. е. почти середину Кавказскаго перешейка. Это пространство, на которомъ слышится осетинская рѣчь, заключаетъ въ себѣ около 205—210 квадр. миль. Но кромѣ этого главнаго района, осетинскія поселенія распространены въ сторонѣ отъ хребта—по среднему теченію Терека, близъ города Моздока. Разбросанныя здѣсь частью отдѣльно, частью совмѣстно съ поселеніями русскими, они обособляются отъ главнаго района 50-ти верстной полосой поселеній чеченскихъ и русскихъ и представляютъ какъ бы колонію около 4 тысячъ душъ населенія.

По общему рельефу своей поверхности осетинскій округъ представляетъ страну весьма гористую; низменные мѣста встрѣчаются въ немъ, лишь на сѣверной и южной окраинахъ, въ видѣ небольшихъ полосъ или точнѣе предгорныхъ равнинъ. Вообще же, весь районъ осетинскаго племени, какъ въ самомъ массивѣ хребта, такъ и въ окрестностяхъ г. Моздока (по среднему теченію Терека), представляетъ по высотѣ своей поверхности надъ уровнемъ моря *два* полосы: горную и равнинную. *Перзая* начинается съ сѣверныхъ и южныхъ окраинъ хребта, съ высоты приблизительно 3,000 футовъ, и

¹⁾ См. его изслѣдованіе „Замѣтки объ Осетіи и осетинахъ“, помѣщенное въ III Вып. Сборника Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изъ этого добросовѣстнаго изслѣдованія мы заимствуемъ нижеприводимыя географическія указанія.

восходитъ въ серединѣ хребта до средней высоты снѣжныхъ гребней—въ 11 тысячъ футовъ и отдѣльныхъ вершинъ въ 14, 15 и 16 тысячъ футовъ; она составляетъ около 0,75 всей поверхности осетинскаго района. *Вторая* полоса—равнинная, съ высотой ниже 3,000 футовъ—составляетъ не болѣе 0,25 всей поверхности округа или 50—52 квадр. мили. Одна половина этого пространства составляется Владикавказской равниной, а другая распредѣляется на двѣ неровныя части: болѣе большую—на южномъ склонѣ хребта, и меньшую—по среднему теченію Терека, въ окрестностяхъ Моздока. Главныя горныя вершины, выступающія на Кавказскомъ хребтѣ на пространствѣ Осетинскаго округа, слѣдующія: на самомъ востокѣ округа—Казбекъ (16,546 ф.); къ западу отъ него въ послѣдовательномъ порядкѣ выдѣляются: Джимара-хохъ (15,673 фут.), Сырхубэрзондъ (13,634 фут.), Тепли-хохъ (14,510 фут.), Адай-хохъ (15,244 фут.) и нѣсколько другихъ менѣе высокихъ пиковъ и конусовъ.

На *сѣверной* окраинѣ осетинскія поселенія граничатъ съ Кабардинскими на 75 верстномъ протяженіи, и далѣе перемежаются со станицами *казаковъ* и аулами *ингушей*. *Восточная* граница Осетіи начинается въ сѣверо-восточномъ углу Владикавказской равнины и направляется по ея восточной окраинѣ въ ущелье Военно-грузинской дороги. На сѣверномъ склонѣ хребта осетинскіе аулы отдѣляются отъ ауловъ *игнушъ* и *кистовъ* теченіемъ Терека; близъ перевала—они отклоняются отъ полотна дороги на 5—6 верстъ; на южномъ склонѣ восточной границей осетинскихъ поселеній служитъ р. Арагва. По ширинѣ перевала къ землѣ осетинъ примыкаютъ земли *хевсуровъ* и *пшазовъ*, въ бассейнѣ Арагвы аулы осетинъ перемежаются съ поселками *грузинъ*. Юго-восточной границей осетинъ можетъ быть названо восточное колѣно р. Арагвы, гдѣ она отходитъ отъ Военно-грузинской дороги, и городъ Душетъ. На южномъ склонѣ хребта поселенія осетинъ вообще значительно смѣшаны съ селами грузинскими; вслѣдствіе этого южная граница осетинъ представляетъ какъ бы широкую полосу, проходящую по предѣльнымъ осетинскимъ поселеніямъ и постепенно сливающуюся съ Грузіей. Начавшись близъ города Душета, эта полоса-граница проходитъ сначала у подошвы хребта, а потомъ направляется по правымъ притокамъ рѣки Лиахвы къ верховьямъ Ріона.

Западная граница Осетинъ тянется отъ истоковъ Ріона чрезъ Кавказскій хребетъ по горнымъ вершинамъ, окаймляющимъ съ лѣвой стороны теченіе р. Уруха и его верхнихъ притоковъ, до выхода Уруха изъ хребта на предгорную равнину.

На 85—90 верстномъ протяженіи своей западной границы осетинскій округъ примыкаетъ: въ верховьяхъ р. Ріона—къ землѣ имеретинъ и по теченію р. Уруха—къ землямъ горскихъ татаръ—балкарцевъ.—Такимъ образомъ осетины окружены со всѣхъ сторонъ племенами, съ которыми не имѣютъ ничего общаго по языку и происхожденію, а именно: кабардинцами, казаками, ингушами и кистами, пшавами и хевсурами, грузинами, имеретинами и горскими татарами (балкарцами).

Осетины по сую сторону хребта распадаются на нѣсколько обществъ по ущельямъ притоковъ Терека, которыя они занимаютъ. Такъ,—идя съ запада на востокъ,—ущелье р. Уруха и его притоковъ населено *диорцами*, сосѣдящими съ балкарскимъ обществомъ горскихъ татаръ. По долину Ардона и его притоковъ сидятъ *алаирицы* (уалаг-ір—верхніе Осетины); по ущельямъ Саудона и Фіагдона—*куртатинцы*, по Гизельдону и его притокамъ и по лѣвому берегу Терека сидятъ *тагаурицы*. Осетины, частью огрузинившіеся, на южномъ склонѣ хребта, сосѣдять съ Душетскимъ уѣздомъ Тифлисской и Рачинскимъ уѣздомъ Кутаисской губерніи и занимаютъ область извѣстную въ грузинской географіи подъ названіемъ *Двалети*. Сѣверные осетины называютъ ихъ общимъ именемъ *Туалтѣ*.

До покоренія Кабарды русскими, осетины жили исключительно въ горахъ. Кабардинцы, народъ гораздо болѣе сильный, чѣмъ они, не пускали ихъ съ горъ на плоскость, и объ этомъ бѣдственномъ положеніи, значительно сократившемъ численность осетинъ сохранились до сихъ поръ воспоминанія въ народѣ. Оттѣсняя Кабардинцевъ отъ горъ, русское правительство дозволило осетинамъ селиться на плоскости и съ тѣхъ поръ являются ихъ поселенія по Тереку, по лѣвому и правому его берегу, и даже выше, на западъ отъ Моздока (станицы Черноярская и Новоосетинская).

Для этнографіи важно иногда знать, какъ называетъ какой нибудь народъ своихъ сосѣдей. Часто бываетъ, напримѣръ,

что известное разъ установившееся названіе прикрѣпляется къ самому мѣсту и сохраняется за нимъ не смотря на то, что на томъ мѣстѣ уже сидитъ народъ другого происхожденія. Осетины называютъ кабардинцевъ касагами (кăсăġ) и ихъ равнину касажскимъ полемъ (кăсăġi будур по дигорски, кăсăġi бѹдур—по иронски), очевидно сохранивъ за черкесами то названіе, подъ которымъ ихъ знаетъ наша лѣтопись (касоги); ближайшихъ сосѣдей Дигоріи балкарцевъ, племя пришлое, вытѣснившее изъ этихъ мѣстъ осетинъ, они называютъ асами (Асіаг—балкарецъ, Асі — страна ими занятая), древнимъ именемъ, сохранившимся въ лѣтописи въ формѣ *ясы*. Нѣтъ сомнѣнія однако, что не балкарцы, пришедшіе въ свои тепершнія мѣста весьма поздно, а осетины были ясами нашихъ лѣтописей; но имя прикрѣпились къ мѣстности и осталось за нею, не смотря на смѣну народности. Чеченецъ называется по осетински цѣцѣнаг, ингушъ—мăġăл, ногоецъ—ноġајаг.

Въ настоящее время, какъ мы видѣли, осетинскія поселенія на сѣверо-западѣ оканчиваются верхнимъ теченіемъ Уруха, а далѣе на западѣ по верховьямъ Черека, Чегема и Баксана вплоть до Эльбруса расположены аулы горскихъ татаръ Балкарскаго, Хуламскаго, Бизенгійскаго, Чегемскаго и Урусбіевскаго обществъ. Однако личныя наши наблюденія типа горскихъ татаръ, изученіе ихъ преданій и обычаевъ а также топографическихъ названій—рѣкъ, переваловъ, ущелій, горъ и т. п.—вполнѣ убѣждаютъ насъ въ томъ, что татары не составляютъ въ этихъ мѣстахъ кореннаго населенія, но что они явились сюда съ сѣвера, съ плоскости, и смѣшались съ кореннымъ осетинскимъ населеніемъ, оказавшимъ вліяніе на ихъ типъ, обычаи и даже отчасти на ихъ языкъ.

Вотъ нѣкоторыя данныя, подтверждающія наше наблюденіе.

На всемъ пространствѣ отъ р. Уруха до Эльбруса, по всѣмъ горнымъ ущеліямъ, до сихъ поръ слышатся топографическія названія, представляющія нѣсколько измѣненныя осетинскія слова. Такъ въ названіяхъ рѣкъ и ручьевъ мы встрѣчаемъ осетинское слово *дон*—вода, рѣка—въ видѣ *донъ*, а иногда *данъ*, т. е. въ формѣ болѣе древней, изъ которой, по фонетическому закону осетинскаго языка, вышло современное *дон*; напримѣръ, *шау донъ* (черная рѣка) въ Балкаріи, *куранъ-данъ* осет. *курон дон* (мельничная рѣка) въ балкарскомъ

ущельѣ, при соединеніи хуламскаго Черека съ балкарскимъ, *Гаръ-донъ* (теплая вода) въ Чегемскомъ ущельѣ, *Шакъ-данъ* (оленья рѣка) = осет. сагг дон) тамъ-же, *Хуасъ-донъ* (травяная или лѣкарственная вода), *Донг-атъ*—изъ донг уат—водяное мѣсто, ложе (тамъ-же).

Перевалы во всѣхъ этихъ мѣстахъ носятъ искаженное осетинское названіе *афцѣг*—шея, перевалъ—въ формѣ *фчикъ*, на примѣръ: *Шау-фчикъ* (сау афцѣг) — черный перевалъ, *Джуаръ-фчикъ* (дѣуар афцѣг) — Крестовый перевалъ, *Зинки фчикъ* (зунг афцѣг) трудный перевалъ, *Шари-афцакъ* (Шари сванетск. аулъ). Отдѣльные камни носятъ осетинское (дигорское) названіе *дор*—камень; на примѣръ: *Гаги-доръ*, (Чегемск. ущелье), *Саг-доръ* — Олений камень — (тамъ-же), *Гиль-доръ* (*renis lapis*), *Стур-доръ*, *Арви-доръ* — *ныхишъ* = *Арвѣ дорѣ нѣхас*—площадка небснаго камня (выше а. Бизенги). Ущелья въ своихъ названіяхъ содержатъ осет. слово *ком* въ формѣ *камъ*; на примѣръ: *Шау камъ* = сау ком — черное ущелье (Чегемск.), *Асиакамъ* (осетинск. ущелье) въ ущельѣ Ликарги, *Фаза-камъ*—перевалъ въ Сванетію, *Мысты-камъ*—мышинное ущелье, *Даргамъ* т. е. *дарг ком*—длинное ущелье и друг.

Нерѣдко въ топографическихъ названіяхъ слышатся осетинскія слова: *сурх*—красный, *бор*—желтый, *орс*—бѣлый, *стур*—большой, *хум*—пашня, *бауат*—мѣсто, *уат*—ложе, мѣсто, *сѣр*—голова, *мѣсуг* — башня, *кѣзг*—дѣвушка, *бѣх* — конь, и друг. На примѣръ: гора *Сурхъ* (красная) на верховьяхъ Нальчика и Малки близъ Эльбруса, *Борсаинаг*—желтая скала въ Чегемскомъ обществѣ, *Орс-фандагъ* — бѣлая дорога, *Джель-бауатъ*, *Гештану-хумъ*, *Ком-саръ*, (голова, начало ущелья), *Шашъ-бауатъ* въ (Балкарскомъ ущельи), *Кизганъ-саръ* (*Кѣзган сѣр*—дѣвичья голова), *Доууатъ* (мѣсто скачки), *Стур-доръ* (въ Чегемск. ущел.), *Бахъ-малга* (конскій падежъ) и друг.

О нѣкогда существовавшемъ въ этихъ мѣстахъ христіанствѣ свидѣлствуютъ топографическія названія, представляющія имена святыхъ, на примѣръ: *Тотуръ-ташъ* (камень Тотура, т. е. св. Θεодора), *Аштотуръ* (св. Θεодоръ), названіе каменной часовни въ Чечемск. ущельѣ—*Аш-Эліа* (св. Иліа) срав. осет. *Уацѣлла*, *Баірамъ* (св. Марія), *Тотуръ* (въ Баксанск. ущельѣ), *Башиль* (св. Василій), *Жеорги* (св. Георгій) и др. Сюда же относятся такія названія какъ: *Хчаугенъ*,

Джуаръ (крестъ), Джуаргенъ, Хычау (Богъ) въ Баксанск. ущельѣ и друг.

Намъ лично не привелось записать топографическія названія на западѣ отъ Эльбруса въ Карачаѣ, гдѣ въ настоящее время, на верхней Кубани и ея притокахъ, живетъ татарское населеніе. Но, судя по картѣ, и здѣсь можно встрѣтить въ топографическихъ названіяхъ осетинскія слова: *камъ* (осет. ком—ущелье), *данъ* (осет. дон), наримъръ: *Улу-камъ*, *Загданъ* (долина на верховьяхъ б. Лабы).

Вліяніе туземцевъ—осетинъ на пришельцевъ татаръ сказывается и въ нѣкоторыхъ фактахъ языка послѣднихъ. Такъ, на ряду со своими числительными, горскіе татары ведутъ счетъ *парами*, причемъ употребляютъ осетинскія слова: *дуѣа*—пара, *чуппаръ* (Осет. цуппар)—четверка, *ахсаз*—шестерка, *аст*—восмерка, *дас*—десятокъ, *дуакас*—дюжина, *інсаі*—двадцать, *сәдә*—сотня.

Названія нѣкоторыхъ мѣсяцевъ у горскихъ татаръ доселѣ осетинскія и христіанскаго происхожденія; таковы, на примѣръ: *хучау ман т. е. хуцау бон* ¹⁾ (Божій день)—мѣсяць Пасхи, *Нікколай*—весенній мѣсяць (май), *Тотуръ* (св. Θεодора Тирона), *Бій Ашкерги* (св. Георгія), *Эліа* (св. Іліи) и друг.

Осетины внесли въ татарскій языкъ и нѣкоторыя культурныя слова, относящіяся къ земледѣлію, которому, можетъ быть, татары научились у нихъ, и скотоводству. Такъ для *копны*, *стога* татары заимствовали осетинское названіе *галлас*, отъ *гал*—воль и *лас-ун*—тащить; захудалая скотина, кормящаяся сѣномъ, а не травою, называется *хұасхәргә*—отъ *хұас*—сѣно и *хәргә*—*пдащій*; *хлѣбъ* или *чуреки* называются у горскихъ татаръ *ыржинъ*, по осет. *кәр-дун*. Можетъ быть, что степняки татары только по приходѣ въ горы научились каменнымъ постройкамъ: на это, кажется, намекаетъ татарское названіе для спеціального снаряда, посредствомъ котораго тащатъ камни для стройки—*дорласынъ*, отъ осет. *дор*—камень и *ласун*—тащить. Здѣсь можно кстати замѣтить, что вышеприведенныя осетинскія слова, вошедшія въ языкъ горскихъ татаръ, а также топографическія названія указы-

¹⁾ Звукъ б перешолъ въ м, какъ въ имени байрамъ=майрамъ; ср. также мурдор—основной камень, осет. бун-дор.

вають въ туземцахъ именно дигорцевъ, которые и до сихъ поръ—ближайшіе сосѣди Балкарскихъ татаръ; такъ дигорскую форму имѣютъ, напримѣръ, слова: орс (иронск. *ӯрс*.)—бѣлый, стур (ирон. *стүр*)—большой, дор (ирон. *дӯр*)—камень, дорбун (ирон. *дӯрбун*)—пещера, сурх (ир. *сүрх*)—красный, сәдә—сто: Тотур (ир. *Түтүр*)—Теодоръ, бауат (ирон. *бӯат*)—мѣсто, и др. Нѣкоторыя осетинскія слова, интересныя въ культурномъ отношеніи, находимъ и у карачаевцевъ, напримѣръ: *уаныг*, ос. *уәнуг*—*бычекъ*, *кырдыгъ*—ос. *кәрдәг*—*трава*, *чарх*, ос. *цалх*—*колесо*, *багуш*—ос. *фагус*—*навозъ*, *гебдеш*, ос. *кәвдәс*—*ясли*, *дорбун*, осет. *дорбун*—пещера и друг.

Такимъ образомъ рядъ топографическихъ названій, какъ мы видѣли, доводитъ предковъ нынѣшнихъ осетинъ, именно дигорской вѣтви осетинской народности, до подножія Эльбруса и даже далѣе на западъ къ верховьямъ Кубани и б. Лабы. Во всѣхъ долинахъ между Кубанью и Урухомъ, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ нынѣ живутъ горскіе татары—урусбиевы, чегемцы, хуламцы, бизенгійцы, балкарцы, — повидимому, осетинъ помнятъ еще ихъ ближайшіе древніе сосѣди черкесы—кабардинцы, если придавать значеніе кабардинскимъ адатамъ, приложеннымъ Шора-Бекмурзинъ-Ногмовымъ къ его исторіи адыгейскаго народа. Здѣсь, въ перечисленіи горскихъ народностей, находящихся въ зависимости отъ кабардинцевъ, упоминаются горскіе татары разныхъ обществъ, причемъ они называются осетинами. Такъ мы читаемъ въ § 27: Чегемцы и урусбиевскіе *осетины* съ давняго времени принадлежатъ Атажукиной фамиліи (кабардинскихъ князей) и никто въ нихъ не вмѣшивается, а князь Атажукиной фамиліи требуетъ съ нихъ дань сколько назначить, отъ чего они отнюдь отказаться не могутъ; хуламцы, безенги-*осетины* по очереди въ годъ даютъ князьямъ по барану съ дома; карачаевцы-*осетины*, между князьями нераздѣльные въ подданствѣ съ самыхъ давнихъ временъ; у кабардинцевъ они платятъ князю, старшему лѣтами въ Кабардѣ, ежегодно 300 барановъ отъ всѣхъ, а отъ cadaго дома особенно по сапеткѣ пшеницы и по большому кувшину коровьяго масла и т. д.¹⁾

Нужно думать, что общее названіе осетинъ было сохранено кабардинцами за новымъ смѣшавшимся съ осетинами при-

¹⁾ Ист. Адыгейскаго народа стр. 161.

шлымъ татарскимъ населеніемъ, не смотря на то, что языкъ осетинскій въ этихъ мѣстахъ заглохъ уже давно. Такой же фактъ сохраненія древняго названія за новымъ населеніемъ представляетъ, какъ мы видѣли, и самое названіе балкарцевъ *Аси*, подъ которымъ ихъ знаютъ дигорцы. Другіе, южные, сосѣди горскихъ татаръ сванеты еще до сихъ поръ называютъ Осетіей страну отъ Эльбруса на востокъ, нѣкогда населенную осетинами.

Историческія свидѣтельства, которыми мы можемъ располагать относительно осетинъ, указываютъ ихъ мѣстожителство на сѣверно-кавказской плоскости и въ горахъ. Но у насъ нѣтъ ни одного прямого историческаго указанія на путь, по которому предки осетинъ пришли въ занятія ими мѣста. Конечно, можно предполагать, что предки осетинъ входили въ составъ того народа, который у Геродота называется *массагетами* и живетъ на громадной равнинѣ (I, 202) по ту сторону рѣки Аракса, напротивъ *исседоновъ* (I 201). Но такому предположенію едва-ли суждено когда-нибудь достигнуть степени достовѣрности. За отсутствіемъ данныхъ исторіи, остается прибѣгнуть къ даннымъ языка, къ разсмотрѣнію культурныхъ словъ и спросить себя, не сохранилось ли въ нихъ какихъ-нибудь слѣдовъ пути, которымъ шли предки осетинъ, прежде чѣмъ водворились на сѣверномъ Кавказѣ. Къ такимъ словамъ мы относимъ, во первыхъ, *названія металловъ*, во 2-хъ—*названія животныхъ* и въ 3-хъ—*названія растений*.

Изъ металловъ два—*золото* и *жельзо*—носятъ чисто иранскія имена и потому были извѣстны предкамъ осетинъ еще въ тѣ отдаленныя времена, когда они жили въ непосредственномъ общеніи и сосѣдствѣ съ другими народами иранской группы. Золото называется по дигорски *суѣзәрінә* изъ *суѣд-зәрінә*, по иронски *сузгәрін*; первая часть этого сложнаго имени *суѣд*—значитъ *свѣтлый, чистый*, срав. авест. *suuḍa*, др. пер. *Suguda*, вторая же—*зәрінә*—сближается съ авест. *zaganā*—золото, сскр. *hiraṇya*; *жельзо* называется *афсәинаг*, ср. также *афсән*—*жельзо плуга*,—и это слово сближается съ афганск. *ōsraṇah*, памирск. *srin* и м. б. авест. *haosafna* (?), въ которомъ традиція видитъ *мѣдь*.

Съ *оловомъ* предки осетинъ познакомились уже по выходѣ изъ первоначальной родины, хотя трудно сказать у какого

народа они заимствовали название этого металла кала. Сравн. груз. kala, ново перс. kalay, арабск. qālay, турец. qālāi, черкесск. galai, абхаз. kalei, удинск. qalai, тушск. kal и друг.

Название серебра—äвзіст, диг. äвзестä (срав. русс. жесть) также не иранского, а, повидимому, угро-финского происхождения; срав. вотяцкое azveś, зырянск. ez is, венгер. ezüst. Такого-же происхождения осетинское название для стали ändov, которое сближается съ вотяцкимъ andan, зырянск. jendon. Впрочемъ, въ осетинской языкъ это слово могло войти уже на Кавказѣ, такъ какъ то-же угрофинское название стали мы находимъ и въ нѣкоторыхъ другихъ кавказскихъ языкахъ, напримѣръ ингушск. andun.—Название для свинца диг. изді, иронск. здү, также не находитъ аналогіи въ иранскихъ языкахъ и, повидимому, заимствовано отъ урало-алтайцевъ; сравн. чагатайск. zes, алтайск. jes, монгольск. dzes. Кажется осет. изді перестановка изъ идзі, причемъ і въ дигорскомъ можетъ быть протетическимъ гласнымъ.

Название мѣди äрхū, äрхūoi, äрхі (диг.) не сближается ни съ иранскими, ни съ другими кавказскими названиями этого металла ¹⁾; но, кажется, въ родствѣ съ восточно-финскимъ, вотяцк. irgon, сосва-вогульскимъ ärgin, черемисск. vörgēne, зырян. urgön.

Если выше приведенныя аналогіи для осетинскихъ названий серебра, мѣди и свинца убѣдительны, если дѣйствительно названія этихъ металловъ урало-алтайскаго происхождения, то для опредѣленія пути, по которому пришли предки осетинъ на сѣверный Кавказъ, получается довольно вѣское указаніе. Они должны были двигаться не съ юга, откуда не могли бы принести съ собою урало-алтайскихъ названий для трехъ металловъ, а съ сѣвера, близъ обильныхъ металлами отроговъ Урала, т. е. пройти въ Европу тѣмъ путемъ,—между Уральскимъ хребтомъ и Каспіемъ,—по которому шли угро-финскія и урало-алтайскія племена, частью даже въ историческія времена.

Въ то время, когда совершалось это движеніе, предки осетинъ были еще несомнѣнно кочевымъ народомъ, жившимъ

¹⁾ Удинск. mis (ср. н. перс. mis), армян. plindz, н. перс. biring, аварск. bach.

вѣроятно въ томъ быту, въ которомъ исторія застаётъ сарматовъ и Царскихъ скифовъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что культурныя слова, относящіяся къ скотоводству, въ осетинскомъ языкѣ чисто иранскаго происхожденія. Таковы названія для коровы (д. гог, ирон. qūg, авест. gāo, санскр. go, н. пер. gāv), овцы (д. фус., ир. фус, ав. rasu—скотъ), козы (сāg, сскр. chāgā), кобылы (āfсā, ав. asrā), осла (хārāg, авест. хага, н. пер. хаг, сскр. khaга), свиньи (хуі, ху, авест. hū, н. пер. хūk), молока (д. āхсір—ав. хšīra, н. пер. šīr), сѣна (д. хўасā, авест. hāsa—пища), доенія (дўцун, ср. сскр. duh) и друг. На кочевой бытъ, указываетъ и названіе для поселка qāу, диг. tāу, которое фонетически сближается съ сскр. gavуam—стадо, становище скота. Что касается названій другихъ животныхъ, то нѣкоторыя изъ нихъ заимствованы осетинами изъ урало-алтайскихъ языковъ, что опять указываетъ на сѣверный путь предковъ осетинъ. Таковы:

тева, таўа—верблюды — турец. татар. deve, венгер. teve, и вост. турк. tiva; бога, бўг—бугай, тюрск. buga, buka; берāг, бīрāг—волкъ, чагат. būrī, уйгурск. būrū; гāді—кошка, осман. kedī; ігār, јегār—борзая собака, тат. ігār; куд д. куі—собака—тат. күсүк; домбаі—зубрь, карачаев. доммаі; кālāу—осленокъ, ср. карачаев. гылау.

Изъ названій для птицъ заимствованы изъ урало-алтайскаго: қаз—гусь, т. тат. qaz, дудақ—дрохва—т. тат. tudak, қāртдўга—ястребъ—алт. qarсyга, бабvз—утка, ногайск. карачаев. бабуш.

Слова, относящіяся къ земледѣлію, не даютъ возможности судить о томъ, занимались-ли имъ предки осетинъ въ прародинѣ. Можно думать, что до нѣкоторой степени оно было имъ извѣстно и что нѣкоторыя культурныя растенія уже рано употреблялись ими въ пищу. Указаніе на послѣднее мы видимъ въ томъ, что слово дигор. хўар—просо и хлѣбъ сближается съ авест. hāgena—пища ¹⁾. Слово хор прилагается, какъ вторая часть сложенія, къ обозначенію ячменя (qābār-хор—собст. крѣпкій хлѣбъ) и кукурузы (нарт-хор—нартскій хлѣбъ): такой составъ этихъ названій указываетъ на ихъ сравнительно позднее происхожденіе, а слѣдовательно и на

Schroders
Zettel im B. 2. 4
D. 799 f. 11 n.
Zurfig.

¹⁾ У ироновъ просо обозначается словомъ jāу, сближающимся съ авест. yava, н. пер. gav.

позднее знакомство осетинъ съ ячменемъ и кукурузой. Названіе овса (сусцү, д. зятхӕ) несомнѣнно заимствованное, хотя источникъ намъ неизвѣстенъ; названіе пшеницы (мӕнӕу, д. мӕнӕуӕ) неясно по происхожденію. Съ огородными овощами и фруктами осетины познакомились сравнительно поздно и большей частью чрезъ посредство Грузіи; срав. названія: цитрі—огурецъ, груз. kitri; южно осет. зазантро арбузъ, груз. sa-zamtro ¹⁾, бал, балі (д) — вишня, груз. bali, южно-осет. какалі—ирткій орехъ, съ груз. kakali, несі—дыня, м. б. груз. nesvi; южно осет. комбосто—капуста. съ груз. kombosto ²⁾, гурдіаг тӕрс—каштанъ, (соб. грузинскій букъ); южно осет. праса — лукъ порей, съ груз. prasa ³⁾, южно-осет. стапіло—морковь, съ груз. ⁴⁾, бітүна, д. бетіна, ю. о. пітна—мята, груз. pitna; цвбзү, цвбдү, д. цівзӕ—перецъ стручковый, булк, д. болгӕ—редька, груз. boloni; чілауі, цілауі, д. цілау—слива, срав. груз. kliavi; леҕві-бӕлас — смоковница, ср. груз. legvi; гурдіаг бал — черешня (собств. грузинская вишня); нурү—чеснокъ, груз. piogi ⁵⁾).

Заимствованными представляются также названія: кӕрдо, кӕрдту — груша срав. казикумыцк. qort, венгер. körtve), фӕтку—яблоко, нас,—д. насӕ—тыква (южно осет. кӕахі съ имерет. kvaχi), кумбүл, д. кумбул—свекла, бүрц, д. бурцӕ—перецъ гвоздичный, қуцү—крессъ-салатъ, гӕн, д. гӕнӕ—конопля, қӕдүр, д. қӕдорӕ — фасоль, балгодү — медвѣжья груша, хотя ближайшій источникъ заимствованія не для всѣхъ этихъ словъ намъ извѣстенъ. Для ржи осетины имѣютъ названіе сг неизвѣстнаго намъ происхожденія, и хлѣпа — передѣланное изъ русс. хлѣбъ; для пшеницы взято ими русс. слово крупа въ формѣ курупа.

Такимъ образомъ обиліе заимствованныхъ названій изъ области садоводства и огородничества указываетъ на то, что эти отрасли земледѣлія были совершенно неизвѣстны предкамъ осетинъ.

¹⁾ У проновъ харбүз, у дигорц. харбуз.

²⁾ У проновъ и дигорцевъ кабуска—съ русскаго.

³⁾ У проновъ қӕдүнд, у дигорцевъ гӕдіндӕ — названія неизвѣстнаго происхожденія.

⁴⁾ Несомнѣнно заимствованы и провск и дигор. названія этого растенія: ир. урүдү, д. уруді и ӕнхӕ.

⁵⁾ Въ дигорск. бодӕн—неизв. происхожденія.

Названія для земледѣльческихъ орудій также не свидѣтельствуютъ объ исконности земледѣлія: имя *плуа* — гутон — вошло въ осетинскій языкъ, повидимому, уже на Кавказѣ, срав. груз. *gu'ani*, удинск. *ko'an*, чеченск. *gotan*, аварск. *kutan*, абхазск. *kotan*, армянск. *kuthan* и друг.; названіе *лемеха* афсан — значитъ собственно *жельзо*; названіе *отрѣза* — дѣрѣг (д) произведено отъ *цѣрг* — острый; грабли носятъ заимствованное названіе *пахсѣ* (д.) ¹⁾; названіе бороны — *адѣг* — для насъ не ясно.

Переходя къ обзору свѣдѣній, сообщаемыхъ о предкахъ осетинъ древними писателями, мы должны поставить на первомъ планѣ то, что сообщается о нихъ ихъ ближайшими южными сосѣдями грузинами. На страницахъ грузинской лѣтописи, предки осетинъ подъ именемъ *оссовъ* (*Ossi*) являются уже съ древнѣйшихъ временъ. Вторымъ источникомъ слѣдуетъ поставить русскія лѣтописи, сохранившія нѣсколько случайныхъ и отрывочныхъ извѣстій объ ясахъ.

Этимъ, собственно говоря, исчерпываются тѣ историческія извѣстія, въ которыхъ осетины являются подъ именемъ, которое они сохранили у грузинъ (а чрезъ нихъ и у русскихъ). Но есть основаніе думать, что предки осетинъ входили въ составъ *кавказскихъ* алановъ, о которыхъ можно найти нѣкоторыя извѣстія у средневѣковыхъ европейскихъ лѣтописцевъ. Поэтому нельзя не воспользоваться и этимъ источникомъ, предпославъ средневѣковымъ европейскимъ извѣстіямъ объ аланахъ доказательство тому, что имя алановъ распространялось и на предковъ осетинъ.

Прежде, чѣмъ изложить въ хронологической послѣдовательности всѣ извѣстія объ оссахъ грузинской хроники, нужно остановиться на вопросѣ, на сколько вообще эта хроника заслуживаетъ нашего довѣрія.

Если прежніе изслѣдователи, какъ Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ и Броссе, съ довѣріемъ относились къ извѣстіямъ грузинской хроники, то въ настоящее время довѣріе къ ней или, по крайней мѣрѣ, къ ея древнѣйшимъ частямъ, значительно подорвано недавнимъ изслѣдованіемъ проф. К. П. Патканова „Ванскія над-

¹⁾ Также халамѣрзѣн.

писи и значеніе ихъ для исторіи передней Азіи“ (о древней грузинской хроникѣ) ¹⁾. Посредствомъ строгой критики лѣтописныхъ извѣстій, этотъ ученый приходитъ къ заключенію, что въ древней хроникѣ Грузіи слѣдуетъ видѣть не болѣе, какъ „относительно новую, неудачную компиляцію, составленную неопытной рукой по извѣстному шаблону,“ и что первая часть исторіи Грузіи составлена не по преданію, ... а вымышлена однимъ лицомъ съ предвзятою цѣлью ²⁾. Главнымъ источникомъ для пространной исторіи Грузіи царевича Вахтанга, какъ оказывается, служила краткая грузинская лѣтопись, извѣстная въ армянскомъ переводѣ, восходящемъ къ XII вѣку. „Изъ сравненія этого стараго армянскаго перевода съ Вахтанговою редакціей, не смотря на то, что послѣдняя по объему нѣсколько разъ превосходитъ первую, оказывается, что въ сущности содержаніе обѣихъ редакцій тождественно. Только многіе факты, кратко сообщаемые въ армянскомъ переводѣ, въ Вахтанговой редакціи переданы бѣльшимъ количествомъ словъ, не сдѣлавшись отъ этого яснѣе ³⁾. Оригиналъ этого армянскаго перевода до сихъ поръ не разысканъ, но имъ главнымъ образомъ, по мнѣнію г. Патканова, пользовался Вахтангъ при составленіи своей исторіи. Какое довѣріе можетъ внушить эта извѣстная намъ въ армянскомъ переводѣ грузинская хроника, видно изъ слѣдующей характеристики, которую дѣлаетъ ей тотъ же ученый: „Наивность и малая начитанность автора изумительны. Онъ не только не знаетъ того, что говорятъ о Грузіи классическіе писатели, но и того, что о болѣе позднихъ эпохахъ грузинской исторіи повѣствуется у византійскихъ и армянскихъ историковъ, говорившихъ о многихъ событіяхъ, какъ современники. Онъ не сообщаетъ никакихъ народныхъ преданій, которыя несомнѣнно существовали въ его время. Напротивъ, по примѣру Хоренскаго, онъ даже избѣгаетъ ихъ, прибѣгая къ заимствованіямъ изъ книгъ (пересказъ Хоренскаго и Шахъ-намэ) и сочиняя генеалогіи, ни съ чѣмъ не сообразныя. На каждомъ шагу чудовищные анахронизмы слѣдуютъ за не менѣе чудовищными противорѣчіями до такой степени, что въ первомъ

¹⁾ См. Ж. М. Н. Пр. часть ССХХХ отд. 2.

²⁾ *Ib.* стр. 205.

³⁾ *Ib.* стр. 210.

отдѣлѣ Хроники едва-ли можно встрѣтить хоть одинъ фактъ, имѣющій дѣйствительно историческое значеніе. Отсутствіе элементарныхъ понятій объ исторіи высказывается у автора—особенно въ томъ, что въ его изложеніи не принимаются въ соображеніе ни міровыя историческія событія, ни хронологія. Оттого всѣ его извѣстія висятъ въ воздухѣ, не имѣя подъ собою почвы ¹⁾).

Дѣйствительно, представленный авторомъ разборъ первой части грузинской хроники, отъ древнѣйшихъ временъ до Р. Х., показываетъ, что вышеприведенная характеристика этого произведенія не отличается чрезмѣрной строгостью. Но и въ изложеніе событій болѣе поздняго времени внесено составителемъ грузинской лѣтописи, а за нимъ царевичемъ Вахтангомъ, много несообразнаго. Таково, напримѣръ, совершенно противорѣчащее исторической достовѣрности описаніе якобы блестящаго царствованія царя Вахтанга I Гургаслана (V вѣка по Р. Х.). Современный ему армянскій писатель (Лазарь Парпеци), говоритъ г. Паткановъ, видѣлъ въ Вахтангѣ не могущественнаго царя (каковымъ онъ и не могъ быть), а *простого предводителя*, князя или владѣтеля грузинскаго, который не только не былъ великимъ завоевателемъ, но самъ даже нуждался въ помощи армянскихъ инсургентовъ. Таковъ былъ Вахтангъ историческій. Въ лѣтописи мы видимъ совсѣмъ другое лицо. Въ ней онъ представляется непобѣдимымъ героемъ, великимъ завоевателемъ и благочестивѣйшимъ христіаниномъ, говорившимъ съ 15-ти лѣтняго возраста безконечныя назидательныя рѣчи. Жилъ онъ въ эпоху намъ достаточно извѣстную. Изъ другихъ источниковъ мы не имѣемъ свѣдѣній о какомъ-либо завоевателѣ въ Передней Азіи въ V вѣкѣ. А между тѣмъ, если послушать хронику или анналы Вахтанга V, Вахтангъ I не только совершаетъ изумительные подвиги въ Грузіи противъ Грековъ и Персовъ, но вмѣстѣ съ царемъ Хосровомъ (какого въ это время не было, а былъ Перозъ), за котораго выдаетъ сестру свою Михрандухтъ, онъ предпринимаетъ завоевательные походы въ отдаленныя страны Азіи (въ Гирканію, Индію,) и Африки (въ Абиссинію) ²⁾).

¹⁾ Ib. стр. 215.

²⁾ Ibid. стр. 216.

Казалось бы, что послѣ такого приговора специалиста достоинству грузинской хроники, послѣднюю можно было-бы совершенно оставить въ сторонѣ въ вопросѣ о древней исторіи осетинъ. Отъ автора, имѣющаго самое хаотическое представленіе о событіяхъ древней исторіи родной страны, трудно ожидать сколько нибудь точныхъ свѣдѣній о сосѣднихъ странахъ. Но все же мы считаемъ нелишнимъ извлечь изъ этого весьма мутнаго источника всѣ сообщаемыя имъ извѣстія объ осетинахъ, во первыхъ, потому, что нѣкоторыя изъ этихъ извѣстій подтверждаются другими источниками и не возбуждаютъ сомнѣній, во вторыхъ потому, что даже мало-достоверныя свѣдѣнія, не заключая исторически-точныхъ данныхъ, характеризуютъ однако взглядъ грузинъ на осетинскій народъ и съ этой стороны несомнѣнно представляютъ для насъ нѣкоторый интересъ.

Изложивъ послѣдовательное разселеніе предковъ грузинъ, потомковъ Таргамоса, Вахтангъ на первыхъ страницахъ своей исторіи сообщаетъ извѣстіе о вторженіи Хазаръ съ сѣвера въ Закавказье.

Въ эти времена ¹⁾ говоритъ онъ, Хазары, усилившись, начали воевать съ племенемъ Лэка (лезгинами) и Кавкаса, которыми правилъ Дурдцукъ ²⁾, сынъ Тирэта. Эти оба племени просили помощи противъ хазаръ у шести колѣнъ Таргамосидовъ и въ союзѣ съ ними перешли чрезъ Кавказскій хребетъ, взяли плѣнниковъ на всемъ протяженіи Хазаріи, построили тамъ города и возвратились домой. Послѣ этого хазары, избравъ себѣ царя, прошли чрезъ приморскія врата, нынѣшній Дарубандъ (Дербендъ), и безчисленными массами вторгнулись въ предѣлы Таргамосидовъ взяли всѣ города Арарата, Масиса и Сѣвера.

Не встрѣчая сопротивленія со стороны Таргамосидовъ, они наложили на нихъ дань и увели много плѣнниковъ.

Во время перваго похода и завоеваній царя Хазаръ, онъ имѣлъ при себѣ Уобоса (по географіи Вахушты Урбаноса, своего сына), которому далъ плѣнниковъ изъ Сомхета (Арменіи) и Картли (Грузіи) и сверхъ того часть удѣла Кав-

¹⁾ Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu' au XIX siècle traduite du géorgien par M. Brosset, 1-ère Partie (St. Petersb. 1849) p. 24 и слѣд.

²⁾ Въ такъ называемой „Армянской хроникѣ“ это имя читается Дудукъ.

каса, лежащую между Ломекомъ (Терекомъ) и западной окраиной горъ. Здѣсь Уобосъ и поселился. Его потомки суть оссы (или овси), населяющіе Осеть, принадлежавшій прежде Кавкасу. Между тѣмъ Дурдзукъ, самый славный между сыновьями Кавкаса, поселился на горныхъ крутизнахъ, которыя по своему имени назвалъ Дурдзукетъ и сталъ платить дань хазарамъ ¹⁾.

Нѣсколько далѣе ²⁾ у Вахтанга снова упоминаются оссы, дѣйствующіе въ союзѣ съ Картлосидами (грузинами) противъ персовъ, завоевавшихъ Грузію подъ предводительствомъ великана Афридуна (Феридуна въ Шахъ-намѣ). Грузія досталась въ удѣлъ сыну Афридунову Іареду, который управлялъ ею чрезъ эристава. Воспользовавшись междоусобной войной между сыновьями Афридуна и смертью Іареда въ (Шахъ-намѣ—Иреджъ), убитого братьями, Картлосиды, призвавъ оссовъ, убили персидскаго эристава и всѣхъ персовъ и завоевали такимъ образомъ себѣ независимость.

Дальнѣйшія извѣстія объ осетинахъ переносятъ насъ уже ко временамъ Александра Македонскаго. Мы узнаемъ ³⁾, что патрицій (sic) Азонъ, оставленный Александромъ Македонскимъ намѣстникомъ въ Грузіи, завоевалъ также Эгрисъ (часть Имеретіи, Мингреліи, Одиши и Абхазіи) и наложилъ дань на оссовъ, лековъ и хазаръ.

Нѣсколько времени спустя, основатель грузинской царской династіи Картлосидовъ Фарнавазъ возсталъ противъ Азона въ союзѣ съ оссами и леками и освободилъ Грузію отъ власти грековъ ⁴⁾. Фарнавазъ отдаетъ одну изъ своихъ двухъ сестеръ за мужъ за царя оссовъ, и это родство съ царскимъ домомъ оссовъ послужило впоследствии на пользу Фарнавазову сыну Саурмагу. Именно, вслѣдствіе народнаго возстанія, ему пришлось искать помощи у дурдзуковъ и оссовъ, и царь послѣднихъ приходившійся ему двоюроднымъ братомъ, помогъ ему справиться съ бунтовщиками и снова водвориться на престолѣ ⁵⁾.

¹⁾ Дуцукъ или Дурцукъ, названіе народности, жившей вѣроятно, въ Чечнѣ (замѣч. г. Патканова).

²⁾ Ib. p. 27.

³⁾ Ib. p. 34.

⁴⁾ Ib. p. 39 и 40.

⁵⁾ Ib. p. 44.

Прежде чѣмъ продолжать дальнѣйшія выдержки изъ Грузинскихъ анналь Вахтанга, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о только что приведенныхъ грузинскихъ извѣстіяхъ, въ которыхъ упоминаются осетины (оссы).

Нечего и говорить, что рассказъ о вторженіи Хазаръ въ-ковъ за 20 до Р. Х. въ Закавказье не имѣетъ ни какой исторической подкладки. Это не описаніе какого нибудь опредѣленнаго вторженія сѣверо-кавказскихъ народовъ въ Закавказье,—а глухое воспоминаніе о такихъ вторженіяхъ вообще, которыхъ было не мало отъ древнѣйшихъ временъ до времени составителя армянской хроники, жившаго, какъ доказываетъ проф. Паткановъ, въ XI—XII вѣкѣ. Наибольшій слѣдъ въ народной памяти могли оставить вторженія Хазаръ, боровшихся съ персами въ Дагестанѣ и у Дербендскихъ вратъ за обладаніе этимъ проходомъ. Въ эту борьбу, какъ извѣстно, были вовлекаемы грузины, армяне и другія народности Кавказа; поэтому не мудрено, что авторъ вышеприведеннаго извѣстія, имѣвшій самыя смутныя понятія о хронологіи, приписываетъ хазарамъ вторженіе въ Закавказье во времена доисторическія и связываетъ съ однимъ изъ походовъ хазаръ происхождение оссовъ. Проф. Паткановъ, въ разборъ этого извѣстія, говоритъ: люди, привыкшіе относиться съ довѣріемъ къ памятникамъ народной старины, но не вникшіе въ процессъ образованія этой хроники, могутъ предполагать въ повѣствованіи грузинскаго хронографа историческую основу, извиняя самый анахронизмъ объясненіемъ, что въ народныхъ преданіяхъ имя древнихъ набѣжниковъ на Грузію съ теченіемъ времени пришло въ забвеніе, и что оно было замѣнено позднѣйшимъ, но болѣе извѣстнымъ именемъ хазаръ. Такое объясненіе можно бы было допустить, если бы колоритъ факта былъ яснѣе, характернѣе намѣченъ, если бы въ сообщеніи лѣтописца можно было съ достаточнымъ вѣроятіемъ угадать, напримѣръ, походы киммеріанъ, саковъ, или даже гунновъ, хотя бы съ измѣненіемъ ихъ именъ и съ нѣкоторыми хронологическими уклоненіями. На дѣлѣ мы видимъ совсѣмъ не то: рассказывается что то весьма туманное, но что совершалось въ Грузіи нѣсколько десятковъ разъ съ незапамятныхъ временъ и до XV столѣтія, т. е. о вторженіяхъ сѣверныхъ племенъ черезъ ущелія Дербендское и Даріальское. То, что говорится въ хроникѣ о

хазарахъ перваго до-историческаго періода, равномерно можетъ относиться и къ гуннамъ, и къ дѣйствительнымъ хазарамъ, и къ аланамъ, и къ массагетамъ, и къ кипчакамъ, и потому нѣтъ никакого основанія считать рассказъ лѣтописца за древнее преданіе, обыкновенно болѣе опредѣленное и рельефное. И наконецъ, откуда авторъ XI—XII вѣка могъ добыть эти извѣстія? Если изъ древнихъ мѣстныхъ письменныхъ памятниковъ, то ихъ не было (?); а еслибъ они были, то факты имѣли бы болѣшую опредѣленность, и въ нихъ не упоминалось бы имя хазаръ. Если же извѣстія добыты изъ народныхъ преданій, въ которыхъ имя древняго народа было замѣнено именемъ позднѣйшихъ хазаръ, то такимъ преданіямъ едва ли можно придавать значеніе на томъ основаніи, что ни въ какомъ народѣ не могутъ сохраниться устные преданія въ теченіе 2000—3000 лѣтъ.... Какъ бы то ни было, мнѣ кажется, столь ранній походъ хазаръ на Грузію изобретенъ авторомъ, чтобы пополнить пробѣлъ, оставшійся за недостаткомъ фактовъ.

Отрицая вмѣстѣ съ проф. Паткановымъ, что въ основѣ рассказа о хазарахъ лежитъ опредѣленный историческій фактъ, мы тѣмъ не менѣе не можемъ согласиться съ послѣднимъ предположеніемъ почтеннаго ученаго. Намъ не кажется вѣроятнымъ, чтобы составитель хроники просто сочинилъ весь рассказъ, чтобы пополнить какой то пробѣлъ, котораго въ данномъ случаѣ мы вовсе не усматриваемъ. Средневѣковые лѣтописцы сообщаютъ не мало фактовъ для насъ совершенно невѣроятныхъ и не выдерживающихъ самого легкаго прикосновенія исторической критики, но едва-ли можно найти много примѣровъ тому, что они сочиняли факты ради восполненія пустого пространства. Много народныхъ сказокъ попало въ древнія лѣтописи, но только потому, что лѣтописецъ не смотрѣлъ на нихъ какъ на завѣдомый вымыселъ, а какъ на историческій фактъ. Еслибъ рассказъ о хазарахъ былъ просто сочиненъ, то, конечно, не отличался бы той сжатостью, сухостью и тѣмъ дѣловитымъ тономъ, которымъ онъ отмѣченъ. Едва-ли мы встрѣтили бы въ немъ сухой перечень ряда неприступныхъ крѣпостей, которыя остались не тронуты хазарами. Далѣе,—зачѣмъ имя родоначальника осетинъ (Уобосъ) является съ греческимъ окончаніемъ? Почему осетины произошли отъ погомковъ Уобоса, смѣшав-

шихся съ армянами и грузинами, уведенными хазарами въ плѣнъ, между тѣмъ какъ родоначальникъ дурдзуковъ является потомкомъ Кавкаса, а во главѣ народностей Дагестана — двоюродный братъ хазарскаго царя? На всѣ эти вопросы мы не найдемъ никакого отвѣта, если допустимъ, что извѣстіе о хазарскомъ походѣ не восходитъ далѣе составителя хроники т. е. было имъ просто измышлено для восполненія пустого пространства. Намъ кажется напротивъ, что самая несообразность и туманность разсказа служить доказательствомъ тому, что это извѣстіе было откуда-то почерпнуто составителемъ хроники и помѣщено безъ всякой критики, на которую, конечно, онъ и не былъ способенъ. Проф. Паткановъ категорически отрицаетъ, какъ мы видѣли выше, существованіе у грузинъ письменныхъ памятниковъ, которыми могъ бы пользоваться составитель хроники жившій въ XI или XII в. Намъ кажется, что такое утвержденіе можетъ быть сдѣлано только послѣ весьма вѣскихъ доказательствъ, которыхъ мы не нашли въ его изслѣдованіи. Поэтому мы скорѣе склонны предположить, что составитель хроники почерпнулъ весь разсказъ изъ какого-то источника либо книжнаго, либо народнаго, но восходящаго къ книжному. Въ пользу перваго говоритъ часто встрѣчающееся у древнихъ лѣтописцевъ желаніе производить извѣстные народы отъ эпонимовъ и приводить послѣднихъ въ генеалогическую связь; въ пользу втораго — говоритъ ужасный анахронизмъ въ извѣстіи о хазарахъ, которыхъ ранніе походы народное преданіе XI вѣка могло относить уже къ отдаленнѣйшимъ временамъ. Всякому, записывавшему изъ устъ народа преданія о старинѣ, приходилось наблюдать, что нерѣдко событіе, завѣдомо происшедшее лѣтъ 150 тому назадъ, народъ относитъ къ самой сѣдой старинѣ, чуть не за тысячелѣтіе назадъ.

Какъ бы то ни было, не рѣшая вопроса, изъ какого источника попало въ хронику извѣстіе о походѣ хазаръ, мы думаемъ, что это извѣстіе не сочинено составителемъ, и что, не взирая на вопіющій анахронизмъ и невозможныя генеалогіи народовъ, мы можемъ извлечь изъ разсказа нѣкоторый смыслъ. Для насъ любопытно то, что въ этомъ извѣстіи происхожденіе осетинъ связывается съ какимъ то до-историческимъ вторженіемъ хазаръ и что окончаніе разсказа

сводится къ историческому факту вполне достоверному: *Въ теченіе долгаго времени жители сѣвера были данниками Хазаръ.*

Если первое упоминаніе объ оссахъ является въ связи съ хазарскими походами, то едва ли мы ошибемся, объясняя это тѣмъ, что Грузины стали лучше знать оссовъ именно съ тѣхъ поръ какъ появились хазары. Последнимъ, владѣвшимъ въ средніе вѣка (въ VI, VII вв.) всѣмъ сѣвернымъ Кавказомъ, подчинялись и предки осетинъ, которые, по приказанію кагана, принимали дѣятельное участіе въ хазарскихъ походахъ на Закавказье. Этимъ объясняется замѣтка лѣтописца (или его источника), что оссы потомки сына хазарскаго царя, который поселился съ родомъ своимъ въ странѣ, называемой нынѣ Осетъ. Страна-же эта, какъ видно изъ предшествующаго извѣстія простиралась „отъ рѣки Ломека (Терека) до конца горъ на западъ“.... Что же можно вывести изъ этихъ замѣтокъ? Во 1-хъ, то, что Грузины узнали оссовъ вслѣдствіе ихъ вторженій съ сѣвера вмѣстѣ съ хазарами, которымъ оссы подчинялись; во 2-хъ, что территорія осетинъ простиралась на востокъ до Терека а на западъ до предѣловъ горъ т. е. заходила далеко въ нынѣшнюю Кубанскую область, въ 3-хъ,—что въ той же мѣстности подъ властью потомковъ Уобоса (эпонима осетинъ) жили многочисленные плѣнные грузины и армяне.... Сочинять последнее извѣстіе едва-ли было въ интересахъ лица, которому принадлежитъ рассказъ о походѣ хазаръ, было-ли это лицо грузиномъ или армяниномъ.

Дальнѣйшее извѣстіе упоминаетъ оссовъ, какъ союзниковъ грузинъ, въ борьбѣ послѣднихъ за независимость съ персами, причемъ предводителемъ персовъ, при предшествующемъ покореніи Грузіи, является національный герой Ирана Феридунъ въ искаженной формѣ Афридунъ (или въ армянской хроникѣ Абридонъ). На этомъ и послѣдующемъ рассказѣ очень ярко отразилось вліяніе Шахъ-Намэ, и проф. Паткановъ, сравнивая имена и факты, заключаетъ ¹⁾, что рассказъ хроники явно заимствованъ изъ Фирдуси. Конечно, съ этимъ можно согласиться, но съ той оговоркой, что рассказъ составителя хроники почерпнутъ не прямо изъ книжнаго источника, а изъ этого источника уже ставшаго народнымъ достояніемъ.

¹⁾ Ib. стр. 247.

На это указывает сильное искажение персидских собственных имен¹⁾. Видно, что эти имена уже походили по народу и подверглись обычной участи постепенного „перевирания“. Доказательством тому, что отдельные эпизоды изъ Шахъ-Намэ распространились устнымъ путемъ на Кавказъ, будучи занесены туда персами, можетъ служить, напримѣръ, то, что у осетинъ встрѣчается рассказъ о Ростомѣ (Рустемѣ), его борьбѣ съ сыномъ и что противникъ Ростомы называется Туранты эльдаръ т. е. туранскій старѣйшина²⁾. По отношенію къ оссамъ для насъ въ разбираемомъ извѣстіи имѣетъ нѣкоторое значеніе только тотъ фактъ, что въ преданіе о борьбѣ грузинъ съ персами внесены оссы, какъ союзники первыхъ. Мы знаемъ, что въ этой роли нерѣдко являются оссы уже въ историческія времена, при династіи Сасанидовъ на персидскомъ престолѣ.

Любопытно далѣе, что оссы называются союзниками грузинъ въ дальнѣйшей борьбѣ послѣднихъ противъ грековъ (Азона=Язона) и что освободитель грузинъ Фарнавазъ, по мнѣнію г. Патканова „самое раннее историческое лицо въ хроникѣ“³⁾, закрѣпляетъ свой союзъ съ оссами родственными связями. „Хотя все, что рассказывается о Фарнавазѣ, говоритъ проф. Паткановъ⁴⁾, не заключаетъ въ себѣ ничего чисто историческаго *относительно вѣрности изложенныхъ фактовъ*, однако въ Фарнавазѣ выступаетъ предъ нами несомнѣнно личность народнаго героя. Можно даже съ вѣроятностью предположить, что онъ—самое древнее лицо, сохранившееся въ народной памяти, въ которой Фарнавазъ, а не Картлосъ занималъ первое мѣсто.“ Вполнѣ соглашаясь съ этимъ взглядомъ на Фарнаваза, мы по отношенію къ оссамъ можемъ сдѣлать заключеніе, что грузины помнили о своихъ сосѣдяхъ оссахъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ начали помнить самихъ себя, такъ какъ оссы въ преданіи о Фарнавазѣ тѣсно связаны съ началомъ національнаго сознанія грузинъ. Конечно, мы не можемъ дать точной хронологической даты

¹⁾ Срав. Абридонъ—Феридунъ, Рансъ—Рей, Іаредъ—Ирахъ—Іареджъ, Кекапосъ—Кей-Каусъ и друг.

²⁾ См. Осет. Этюды I стр. 12.

³⁾ О. с. стр. 273.

⁴⁾ О. с. стр. 270.

борьбѣ Фарнаваза съ греками ¹⁾), но во всякомъ случаѣ можемъ предполагать, что начало исторической жизни грузинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ сношеній съ оссами, восходитъ еще ко времени предшествующему христіанской эрѣ, хотя конечно объ этомъ не дошло до насъ историческихъ извѣстій.

На дальнѣйшихъ страницахъ анналь Вахтанга вплоть до Рождества Христова не встрѣчается упоминанія объ оссахъ. Лишь въ разсказѣ о проповѣди христіанства на Кавказѣ апостоломъ Андреемъ ²⁾ сообщается, что апостолъ прошелъ изъ Грузіи въ Сванетію, гдѣ правила женщина, принявшая христіанство, а затѣмъ вмѣстѣ съ св. Симеономъ проникъ въ Осетію и отсюда дошелъ до Боспора. Никакихъ подробностей объ этомъ первомъ знакомствѣ осетинъ съ христіанствомъ не сообщаетъ грузинская хроника и, конечно, во всемъ разсказѣ объ апостолѣ Андрѣ слѣдуетъ видѣть лишь церковное преданіе.

Изъ II вѣка по Р. Х. дошли извѣстія какъ грузинскія, такъ и армянскія объ участіи осетинъ въ войнѣ обоихъ этихъ народовъ между 87 и 103 годомъ. Грузинскіе цари Азоркъ и Армазель (въ армянской хроникѣ Азукъ и Азмайеръ) призвали противъ армянъ на помощь осетинъ и лековъ. Осетины явились съ значительнымъ войскомъ подъ начальствомъ своихъ двухъ великановъ Базука и Абазука (иначе Анбазука) ³⁾ и вторгнулись въ Арменію. Армянскій полководецъ Сумбатъ (Смбатъ) Бивритіанъ пошелъ имъ на встрѣчу. По Моисею Хоренскому, осетины (или какъ они называются у него аланы) отступили до рѣки Куры и армяне взяли въ плѣнъ сына аланскаго царя. Стоя на рѣкѣ Курѣ, аланы вступили съ армянами въ переговоры и требовали выдачи сына своего царя; но армянскій царь Арташесъ отказалъ имъ въ этомъ. Затѣмъ прекрасная дочь аланскаго царя, сестра взятаго въ плѣнъ юноши, приходитъ на берегъ рѣки и обращается съ слѣдующею рѣчью къ Арташесу: „къ тебѣ рѣчь моя, храбрый мужъ Арташесъ, къ тебѣ, побѣдителю

¹⁾ Броссе помѣщаетъ Фарнаваза въ предѣлы отъ 302—237 г. до Р. Х., но эта дата весьма подозрительна.

²⁾ Hist. etc. p. 61.

³⁾ Замѣтимъ, что имена царей оссовъ содержатъ осетинскія слова: Базуг—плечевая часть руки до локтя, амбазуг—равноплечій.

храбраго народа алановъ: согласись отдать юношу мнѣ, прекрасноокой дочери алановъ; не слѣдъ героямъ отнимать жизнь у племени другихъ героевъ за какую нибудь месть или поработить ихъ и держать, какъ рабовъ, и тѣмъ укоренять вѣчную вражду между двумя храбрыми народами.“ Арташесъ, услыхавъ такія мудрыя рѣчи, отправился на берегъ рѣки и, увидѣвъ прекрасную дѣву, полюбилъ ее. Позвавъ воспитателя своего Смбата, онъ объявилъ ему, что желаетъ имѣть ее женою, заключить договоръ и условіе съ аланами и отпустить юношу съ миромъ. Смбатъ поступаетъ согласно рѣшенію Арташеса, заключаетъ миръ, и Сатиникъ становится первою между женами армянскаго царя ¹⁾. Иначе сообщается это въ грузинской лѣтописи. По ея свидѣтельству, войска оссовъ, лековъ и грузинъ, нагруженные добычей, награвленной въ Арменіи, отступили за рѣку Мткуаръ (Куру) и расположилось лагеремъ на р. Іоръ для дѣлежа добычи и плѣнниковъ. Сумбатъ Бивритіанъ послалъ имъ гонца съ слѣдующимъ предложеніемъ: „Всю добычу, взятую вами въ Арменіи, скотъ, золото, серебро, ткани, — я отдаю вамъ; кровь армянская, вами пролитая, не будетъ отомщена на васъ; но отпустите только плѣнниковъ и возвратитесь домой, нагруженные всякаго рода богатствами.“ — „Мы вошли въ Арменію, отвѣчали они, чтобы отыскать тебя, но тебя не нашли. Приходи къ намъ и бери свою долю или же мы пойдемъ къ тебѣ, гдѣ бы ты ни былъ, и ты живьемъ не избѣгнешь нашихъ рукъ.“ Тогда Сумбатъ перешолъ р. Куру, и Базукъ, царь оссовъ, вызвалъ его на поединокъ. Сумбатъ убиваетъ сначала Базука а за нимъ его брата, Абазука, поспѣшившаго ему на помощь. Тогда все войско оссовъ, лековъ и грузинъ, видя смерть обоихъ великановъ, съ ожесточеніемъ, подъ предводительствомъ Азорка и Армазеля, устремилось на Сумбата. Кровавая битва кончилась пораженіемъ сѣвернаго войска. Оссы и леки спаслись лишь въ незначительномъ числѣ. Грузины, знавшіе дороги удобныя для бѣгства, потерпѣли менѣе. Сумбатъ опустошилъ часть Грузіи, но не сломилъ окончательно сопротивленія царей Азорка и Армазеля, которымъ помогали осетины, мстившіе смерть своихъ родственниковъ.

¹⁾ См. Исторію Арменіи Моисея Хоренскаго, въ переводѣ Н. Эмина, Москва 1858 стр. 121.

Послѣ пятимѣсячной осады Мцхета армянами, грузины, доведенные до крайности, просили мира и вмѣстѣ съ оссами подчинились армянамъ. Это подчиненіе, впрочемъ, продолжалось недолго. Воспользовавшись войною персовъ съ греками, въ которую были увлечены и армяне, грузины съ оссами возмутились. Арташанъ (Арташесъ) послалъ въ Грузію войско подъ предводительствомъ своего сына Зарена. Но его войско было разбито, а самъ Заренъ взятъ въ плѣнъ. Оссы настаивали, чтобы грузины убили армянскаго царевича, въ отмщеніе за смерть Базука и Абазука. Но грузины не соглашались на это и охраняли его въ замкѣ Даріаланъ (Даріалъ). Занятые войною съ персами, армяне только черезъ три года предприняли новый походъ въ Грузію, который при самомъ началѣ кончился мирнымъ договоромъ. Грузія выдала царевича, была возстановлена въ прежнихъ предѣлахъ и обязалась быть вѣрной союзницей Арменіи. Съ этихъ поръ грузины, армяне и оссы воевали сообща противъ своихъ враговъ ¹⁾.

При всемъ несходствѣ въ частностяхъ армянскаго и грузинскаго разсказа, нельзя сомнѣваться въ томъ, что оба относятся къ однимъ и тѣмъ-же событіямъ. Оба занесли имя Смбата Бивритіана и Арташеса (Арташана), армянскаго царя, правившаго именно въ это время, т. е. въ концѣ I-го и началѣ II-го в., такъ какъ Моисей Хоренскій называетъ его современникомъ императоровъ Домиціана, Нерона и Траяна; оба сообщаютъ о вторженіи сѣверо-кавказскихъ народовъ въ Арменію, о столкновеніи на берегу Куры, о побѣдѣ армянъ. Оба упоминаютъ далѣе о взятіи грузинами въ плѣнъ сына Арташесова Зарена (по Моисею Хоренскому Зареха ²⁾), его заключеніи въ темницѣ и освобожденіи. Такія совпаденія не могутъ быть случайны. Различіе между армянскимъ и грузинскимъ разсказомъ зависитъ отъ того, что первый основанъ главнымъ образомъ на народныхъ пѣсняхъ гохтенскихъ пѣвцовъ, причемъ послѣдніе вплели въ него эпическое преданіе о прекрасной Сатиникъ и ея бракѣ съ Арташесомъ. Моисей Хоренскій приводитъ даже нѣсколько стиховъ изъ пѣсни въ метрическомъ складѣ ³⁾. Что же касается

¹⁾ Hist. de la Géorgie etc. p. 66—71.

²⁾ Исторія М. Хор. стр. 125.

³⁾ См. Ib. стр. 122.

достоверности того и другого разсказа, то, конечно, грузинскій заслуживаетъ большаго вѣроятія. Онъ наполненъ топографическими подробностями, не старается умалить успѣховъ *армянскаго* оружія и значенія помощи, оказанной грузинамъ ихъ сѣверными союзниками, особенно оссами. Въ разсказѣ замѣтно, что оссы, съ ихъ двумя царями великанами, играли важную роль, отодвигая на задній планъ грузинскихъ царей. Для насъ особенно важно, что, въ свидѣтельствѣ армянскомъ, народъ сѣверный, дѣйствовавшій въ союзѣ съ грузинами, называется не оссами, а аланами; Сатиникъ называетъ себя дѣвой алановъ и ея племя иногда называется *дѣтѣми Алановъ* (манкунѣ Аланѣц.) Это можетъ служить однимъ изъ доказательствъ мнѣнію, на которомъ мы остановимся далѣе, о тождественности оссовъ и алановъ.

Къ концу втораго вѣка по Р. Х. относится вторженіе оссовъ въ Грузію при царѣ Амзаспѣ II (182—186). Цѣлью ихъ было взять г. Мцхетъ. Грузины были застигнуты врасплохъ, но скоро со всѣхъ сторонъ стянулись къ царю ихъ подкрѣпленія и имъ удалось отбить натискъ многочисленнаго войска оссовъ. Въ одиночной битвѣ Амазаспъ убилъ осетинскаго богатыря Хуанху ¹⁾ (по Вахушту Хуху, по армянской хроникѣ Хонахва). Разбивъ оссовъ, онъ вторгнулся въ ихъ землю и покорилъ ее въ союзѣ съ армянами. Но въ послѣдствіи армяне обратились противъ самого Амзаспа, призвали грековъ (римлянъ) и оссовъ и разбили грузинскаго царя, не смотря на помощь, которую ему оказали персы ²⁾.

Во время войны армянскаго царя Хосрова съ сасанидомъ Арташиромъ сыномъ Сасана, союзникъ армянъ, грузинскій царь *Асфагуръ* (262—265 по Р. Х.) открылъ ворота Кавказа и пропустилъ оссовъ, лековъ и хазаръ, чтобы вмѣстѣ съ ними воевать противъ персовъ. По грузинскимъ анналамъ, союзники вторгнулись въ страну персовъ и сильно ее опустошили. Когда черезъ нѣсколько лѣтъ, по смерти армянскаго царя Хосрова, персы овладѣли Арменіей, то союзникъ его Асфагуръ грузинскій бросился въ Осетію, чтобы собрать

¹⁾ Это имя напоминаетъ осетинскія имена, содержащія пожеланія: по дигорски Хонхуа значитъ: будь горою, т. е. высокъ какъ гора; или можетъ быть хуанхуа искажено изъ слова хуанхаг—горный.

²⁾ Histoire de la Géorgie p. 76.

тамъ войско и умеръ въ этой странѣ ¹⁾. Съ Асфагуромъ кончается династія Фарнавазидовъ и грузины, не желая подвергнуться участи армянъ, покоренныхъ персами, просятъ ихъ царя дать имъ въ правители своего сына Миріана и женить его на дочери Асфагуровой Абешурѣ. Царь персовъ, говоритъ грузинская лѣтопись ²⁾, спрашивалъ грузинскаго посла о городѣ Мцхетѣ, о сосѣднихъ съ грузинами хазарахъ и *оссахъ* и согласился на ихъ просьбу. Армянская хроника прибавляетъ, будто послы грузинскіе сказали персидскому царю, что грузины сосѣдятъ съ оссами, аланами, леками, сонами, хазирами и всѣми народами сѣвера ³⁾. Изъ этого извѣстія, конечно, нельзя выводить заключенія, что аланы, упоминаемые рядомъ съ оссами, были другой народъ. Вѣроятно, что имя *аланы* ничто иное, какъ глосса, добавленная при имени оссовъ и вошедшая въ текстъ по невѣдѣнію какого нибудь переписчика.

Отъ времени Миріана дошло и другое извѣстіе объ оссахъ. Когда Миріанъ, по смерти отца своего, спорилъ за персидскій престолъ съ своимъ братомъ Бартамомъ, *осетины* воспользовались его отсутствіемъ и вторгнулись подъ предводительствомъ Фероха ⁴⁾ и Кавціа въ Грузію и опустошили ее. Въ отмщеніе за набѣгъ, Миріанъ въ свою очередь проникъ въ Осетію, овладѣлъ ею, разорилъ ее вплоть до Хазаріи и путемъ Двалетскимъ (долиной Ліахвы) возвратился въ свою страну ⁵⁾.

Послѣ этого похода Миріана въ Осетію въ грузинской исторіи не упоминается въ теченіе болѣе 100 лѣтъ о какихъ нибудь вторженіяхъ оссовъ. Можно думать, что южная часть ихъ была подчинена грузинамъ и послѣдніе бдительно охраняли доступъ въ свою страну. Новое вторженіе съ сѣвера послѣдовало во время малолѣтства извѣстнаго грузинскаго героя, царя Вахтанга Гургаслана (446—499). Анналы рассказываютъ ⁶⁾, что когда Вахтангу было 10 лѣтъ, значитель-

¹⁾ Ib. p. 78, Addit. et Eclaircissements, p. 17.

²⁾ Ib. p. 83.

³⁾ Ib. Additions etc. p. 18.

⁴⁾ По осетински Ферох—значить *забытый*.

⁵⁾ Histoire de la Géorgie etc. I p. 86.

⁶⁾ Ib. p. 150 слѣд.

ное войско оссовъ устремилось на Грузію, распространяя грабежи и убійства и уводя плѣнниковъ на пространства отъ источниковъ Куры (Мткуара) и до Хунана ¹⁾. Оссы захватили съ собою сестру Вахтанга Михрандухтъ и возвратились обратно вратами Дербенда. Лѣтопись не говоритъ, какимъ путемъ пришли оссы, но изъ указаній на опустошенныя ими мѣстности, отъ источниковъ Куры на юго-западѣ до Дербендскихъ вратъ, можно думать, что, по мнѣнію лѣтописца, они вторгнулись долиной Ліахвы и, пройдя Грузію съ запада наюго-востокъ, подошли къ дербендскимъ вратамъ, которыя, какъ говоритъ лѣтопись, имъ открыли мѣстные жители. Въ отомщеніе за набѣгъ, Вахтангъ, достигнувъ 16 лѣтъ, сталъ готовиться къ походу въ Осетію. Не надѣясь на свои силы, такъ какъ осетины были опаснымъ врагомъ, онъ отправилъ гонца къ брату своей матери Варазъ-Бакуру и эриставу страны Ранъ (Карабага), чтобы извѣстить ихъ о своемъ предпріятіи и просить помощи. Войско грузинское состояло изъ 100 тысячъ всадниковъ, 60,000 пѣхотинцевъ и 12000 вспомогательнаго отряда, присланнаго Варазъ-бакуромъ. Передъ выступленіемъ въ походъ, царь пишетъ свое завѣщаніе, постится и усердно молится Богу. Войско грузинъ проникло въ Осетію Даріальскими вратами, не встрѣчая сопротивленія. Слѣдуетъ думать, что эта тѣснина была во власти грузинъ и охранялась ихъ гарнизономъ. Страна же, которую грузинская лѣтопись называетъ *Осетъ*, соотвѣтствовала нынѣшнимъ Большой и Малой Кабардѣ. Съ своей стороны оссы призвали на помощь хазаровъ и пошли грузинамъ на встрѣчу къ рѣкѣ, *протекающей по Даріелу и орошающей плоскость Осета*. Указывая въ этихъ словахъ очевидно на р. Терекъ, грузинская лѣтопись говоритъ, что рѣка эта называлась Арагвой, какъ и соименная ей въ Грузіи, такъ какъ обѣ вытекаютъ изъ одной и той-же горы. Оба войска остановились на противоположныхъ берегахъ Терека, и начались по обыкновенію одиночные поединки богатырей: Вахтангъ убиваетъ хазарскаго богатыря Тархана и осетинскаго Оси-бакатара. Затѣмъ начинается общая битва, въ которой оссы съ ихъ союзниками потерпѣли полное пораженіе. Множество ихъ было изрублено, но еще большее

¹⁾ Провинція на правомъ берегу Куры ниже Тифлиса.

число взято въ плѣнъ. Три дня грузины отдыхали отъ битвы въ своемъ лагерѣ, и затѣмъ пустились опустошать Осетию. *Города* были взяты и множество людей уведено въ плѣнъ. Подчинивъ оссовъ и кипчаковъ (sic), грузинскій царь, чтобъ вѣрнѣе обезопасить свою страну отъ неожиданныхъ набѣговъ оссовъ, построилъ *ворота Осетя*, которыя мы называемъ Даріанъ (объясняетъ лѣтопись); возлѣ нихъ онъ построилъ замокъ съ высокими башнями, съ которыхъ удобно было наблюдать за движеніями горцевъ. *Великіе* народы оссы и кипчаки не могутъ проходить воротъ безъ разрѣшенія царя Картли. Затѣмъ царь идетъ въ сторону Паджаниговъ (Печенѣговъ), отдѣленную пограничной рѣкой (Кубанью) отъ Осета, и въ Джикетъ (страну Джиковъ, Зиховъ), сосѣднюю съ первой. Значительно позже, когда Турки прогнали Печенѣговъ и Джиковъ, первые выселились на западъ, а вторые поселились у окраинъ Апхазета (Абхазіи). Опустошивъ и эти страны, Вахтангъ вернулся въ Осетию, цари которой убѣжали въ горныя тущобы. Начались переговоры, окончившіеся съ миромъ. Оссы потребовали 30,000 своихъ плѣнниковъ въ обмѣнъ за сестру Вахтангову Михрандухтъ и царь согласился на это. Остальные плѣнники съ обѣихъ сторонъ вымѣнены человѣкъ на человѣка. Въ грузинской хроникѣ цифры плѣнниковъ принимаютъ громадныя размѣры: Оссы освободили 350,000 грузинъ, получивъ за нихъ столько же своихъ соотечественниковъ, и тѣмъ не менѣе въ плѣну у грузинъ осталось еще 650,000 оссовъ, не считая печенѣговъ, и джиковъ. Обмѣнъ длился 4 мѣсяца ¹⁾.

Имѣя въ виду собрать изъ анналь Вахтанга всѣ извѣстія объ осетинахъ, мы сочли нелишнимъ привести и рассказъ о походѣ Вахтанга въ Осетию, хотя въ этомъ пространномъ повѣствованіи на долю исторической истины придется лишь нѣсколько ничтожныхъ крупицъ.

Историческій Вахтангъ почти ничего общаго, кромѣ имени, не имѣетъ съ эпическимъ Вахтангомъ, изображеннымъ въ грузинской лѣтописи. Очевидно, въ силу еще не разъясненныхъ обстоятельствъ, личностью Вахтанга историческаго овладѣла народная фантазія, и, какъ бываетъ обыкновенно, приурочила къ этому имени множество чудесныхъ

¹⁾ Histoire de la Géorgie etc. 153—160.

подвиговъ сказочнаго характера, взятыхъ на прокатъ изъ разныхъ книжно-народныхъ источниковъ. Вахтангъ сдѣлался типомъ великаго царя-завоевателя, въ родѣ Александра Македонскаго и подвиги, приписываемые ему, имѣютъ такую же историческую достовѣрность, какъ подвиги Македонскаго героя въ восточныхъ сказаніяхъ. Народныя сказанія, наслоившіяся на имя Вахтанга, являются въ литературномъ видѣ съ нѣкоторой исторической окраской въ такъ называемой армянской хроникѣ (XI или XII в.), а затѣмъ въ еще болѣе разукрашенномъ и распространенномъ видѣ въ анналахъ Вахтанга V-го. Какъ всѣ quasi историческія народныя сказанія, рассказъ преисполненъ географическихъ, историческихъ и хронологическихъ несообразностей. Такъ, въ числѣ народовъ, пришедшихъ въ столкновение съ царемъ героемъ V-го в., упоминаются позднѣйшіе народы — печенѣги на западѣ, какъ сосѣди осетинъ. Эпическій Вахтангъ побѣждаетъ въ единоборствѣ длинный рядъ богатырей разныхъ народовъ и, подобно Александру Македонскому, простираетъ свои походы до отдаленной Индіи, о которой ни грузинскій народъ, ни составители хроникъ, конечно, не имѣли никакихъ точныхъ представлений. Для нашей ближайшей цѣли личность историческаго Вахтанга довольно безразлична: мы не можемъ предпринять труда уясненія, что въ рассказѣ о его походахъ принадлежитъ исторіи и что представляетъ лишь чистый вымыселъ. Мы пользуемся рассказомъ лѣтописи лишь какъ эпическимъ сказаніемъ, въ которое попали нѣкоторыя историческія черты, которыя могутъ пригодиться для характеристики отношеній предковъ осетинъ къ ихъ южнымъ сосѣдямъ, грузинамъ. Изъ тона повѣствованія, изъ обширныхъ приготовленій къ походу видно, что осетины представлялись автору рассказа крайне опасными для Грузіи, видно далѣе, что они жили на плоскости въ нынѣшней Кабардѣ, въ сосѣдствѣ съ хазарами, съ печенѣгами и джиками, но часть ихъ, болѣе извѣстная грузинамъ, уже населяла горы. Ключемъ къ Грузіи съ этой стороны служило Даріальское ущелье, и потому грузины заняли его прочнымъ образомъ. Осетины были многочисленны, могли предпринимать набѣги въ значительныхъ силахъ и опустошать Закавказье изъ конца въ конецъ. Конечно, въ этихъ экспедиціяхъ участвовали и другіе народы сѣвернаго Кавказа. Но все-таки въ этихъ предпріятіяхъ преобладали

осетины, на которыхъ авторъ разсказа о Вахтангѣ сосредоточиваетъ все вниманіе.

При послѣдующихъ царяхъ, Грузія, терпѣвшая опустошенія со стороны Персіи, сама доведенная до крайности, не могла предпринимать походовъ въ Осетію. „Армянская хроника“ ¹⁾ приводитъ извѣстіе, не сообщаемое грузинской, о томъ, что при грузинскомъ царѣ Фарсманѣ V (528—542) оссы сдѣлали набѣгъ на Грузію и опустошили ее. Фарсманъ призвалъ на помощь персовъ, призналъ ихъ власть и обязался платить дань подъ условіемъ, чтобъ персы не преслѣдовали христіанской вѣры.

Въ слѣдующіе вѣка извѣстія объ осетинахъ становятся еще скуднѣе. Арабы вторгнулись въ Грузію въ царствованіе Арчила и Мира. Халифы въ началѣ VIII-го вѣка безпрестанно отправляютъ войска на Кавказъ, гдѣ происходитъ ожесточенная борьба между арабами и хазарами. По арабскимъ свидѣтельствамъ объ этомъ времени, замокъ Аланскихъ вратъ былъ занятъ арабскимъ гарнизономъ, получавшимъ изъ Тифлиса жизненные припасы и амуницію ²⁾. Главнокомандующій арабскими войсками на Кавказѣ при халифѣ Гишамѣ Мерванъ-бенъ-Магомедъ побѣдилъ алановъ въ 735, вошелъ въ Хазарію въ 737, побѣдилъ лезгинъ въ 739. Съ своей стороны и хазары въ теченіе этихъ войнъ съ арабами нерѣдко проникали на Кавказъ и опустошали Грузію, находившуюся такимъ образомъ между двухъ огней. Въ борьбѣ, какъ извѣстно, одержали верхъ арабы. Изъ побѣжденной Хазаріи населеніе искало спасенія отъ завоевателей. Въ разсказѣ о походѣ на Кавказъ арабскаго военачальника Буга (851) упоминается, что онъ открылъ Дербендскія ворота и вывелъ изъ Хазаріи 300 семействъ, которыя поселилъ въ Шамкорѣ. Тотъ же полководецъ думалъ проникнуть въ Осетію, но вслѣдствіе снѣжныхъ заваловъ не исполнилъ своего намѣренія ³⁾. Однако, вѣроятно съ цѣлью предупредить возстанія въ Осетіи, онъ, чрезъ Даріальское ущелье, вывелъ 3000 осскихъ семействъ и поселилъ ихъ въ Дманисѣ ⁴⁾. Буга былъ

1) Brosset—Eclaircis. etc. p. 45.

2) Hist. etc. p. 245.

3) Hist. p. 267. Add. etc. p. 52.

4) По армянской хроникѣ только 200 человекъ осетинъ были поселены въ Даманисѣ.

намѣренъ въ слѣдующее лѣто предпринять походъ въ Осетию, но былъ отозванъ Эмиромъ-аль-Мумениномъ, будучи заподозрѣнъ въ какихъ то сношеніяхъ съ хазарами.

Положеніе Грузіи въ правленіе династіи Багратидовъ въ X, XI и XII вв. начинается значительно улучшаться. Багратъ III соединяетъ въ своемъ лицѣ престолы Грузіи и Абхазіи (1008—1014), Багратъ IV (1027—1072) еще долженъ платить дань туркамъ Сельджукидамъ, опустошившимъ Арменію и Грузію при Тогруль-бегѣ (1047) и Альпъ-Арсланѣ (1064); но Давидъ III Возстановитель освобождаетъ Грузію отъ иноземныхъ притѣснителей, разбиваетъ турковъ, беретъ Тифлисъ послѣ продолжительной осады (1122) и овладѣваетъ частью Арменіи. Всюду возстановляются церкви и монастыри, строятся укрѣпленія, государство получаетъ прочное устройство. При Гіорги III (1156—1184) предѣлы Грузіи значительно расширяются и государство получаетъ небывалый блескъ. Наконецъ время Тамары, его дочери, (1184—1211 или 1212) есть золотой вѣкъ грузинской исторіи. Въ ея правленіе Грузія занимаетъ первое мѣсто среди царствъ западной Азіи. Ей подчинены Арменія на сѣверъ отъ Аракса и многіе народы Кавказа, среди которыхъ ведется ревностная проповѣдь христіанства. Многочисленныя развалины церквей до сихъ поръ существующія не только въ закавказскихъ частяхъ Осетіи, но и на сѣверѣ, въ Дигоріи, въ Куртатахъ и Закахъ и т. д., приписываются народными преданіями этой великой грузинской царицѣ. За періодъ правленія Багратидовъ уже не упоминается о набѣгахъ оссовъ на Грузію. Видно, что грузинское вліяніе проникло въ эту страну, что въ ней водворилось христіанство и что часть ея находится въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Грузіи. У осетинъ упоминаются цари, находящіеся въ родствѣ съ грузинскимъ царскимъ домомъ. Царь Багратъ IV (1027—1072) женатъ на Боренѣ, дочери осскаго царя, сестрѣ Доргулея. Братъ Баграта IV, Деметрѣ, имѣлъ матерью осетинку изъ царскаго дома. Византійскіе историки называютъ ее Альдою аланкой. Осетины въ количествѣ 40,000, подъ предводительствомъ своего царя Доргулея (по Вахушту, Дурдулея ¹⁾), являются по зову Баграта IV ему на помощь въ его войнѣ съ Карабахскимъ

¹⁾ Histoire de la Géorgie 335.

эмиромъ Падлономъ и бьются подъ командой сына Багратова Гіорги Куропалата въ области Гандзы. По окончаніи экспедиціи, Дургулель вернулся въ свою страну и вскорѣ пожелалъ видѣть своего родственника (шурина) Баграта, и между ними происходитъ дружественное свиданіе въ г. Зкезуні. „Это былъ настоящій праздникъ, говоритъ лѣтописецъ, трубы и барабаны производили чрезвычайный шумъ. Двѣнадцать дней цари провели вмѣстѣ, при чемъ исчерпаны были всѣ роды удовольствій и развлеченій. Наступленіе зимы принудило ихъ разстаться, и Багратъ осыпалъ дарами царя и всѣхъ вельможъ осетинскихъ и отпустилъ ихъ исполненныхъ радости ¹⁾“. Второй мужъ Тамары — Давидъ Сосланъ — родомъ осетинъ, былъ Багратидъ, и на этомъ основаніи молодой человекъ былъ предпочтенъ другимъ женихамъ Тамары. Грузинская лѣтопись говоритъ, что онъ въ 6-мъ поколѣніи происходилъ отъ Деметрѣ, сына царя Гіорги III ²⁾. Да и сама царица Тамара, по матери, происходила изъ осетинской царской семьи. Отецъ ея Гіорги III былъ женатъ на Бурдуханѣ, дочери осетинскаго царя Худдана ³⁾. Лѣтопись упоминаетъ и о двухъ другихъ осетинскихъ царевичахъ, искавшихъ руки Тамары; одинъ изъ нихъ умеръ отъ несчастной любви ⁴⁾. Отсюда можно заключить, что осетинскій царскій домъ уже распадался на вѣтви.

Въ виду этихъ указаній на существованіе въ періодъ грузинскихъ Багратидовъ царскаго престола въ Осетіи, г. Пфафъ, много ѣздившій по Осетіи, ставитъ вопросъ, гдѣ слѣдуетъ искать столицу осетинскаго царства, и указы-

¹⁾ Пфафъ (См. Матеріалы для исторіи осетинъ, въ Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, Вып. V, отд. I, стр. 37) справедливо полагаетъ, что путь Доргулея къ мѣсту свиданія черезъ Абхазію и Кутансъ указываетъ на то, что въ это время, т. е. до татарскаго погрома и переселенія въ Кабарду адигейскаго племени, границы Осетіи распространялись далеко на сѣверъ и западъ до Эльборуса. Доказательствомъ можетъ служить то, что вся эта страна еще гораздо позже называлась Осетіей. Вахуштъ (р. 429) говоритъ, что послѣ опустошенія Овсета (татарами) и бѣгства оссовъ на Кавказъ, Овсетъ была названа Черкезъ и Кабарда.

²⁾ Histoire etc. p. 420.

³⁾ Hist. de la Géorgie I, 383.

⁴⁾ Ib. p. 478.

васть на Куртатію, ущелье рѣки Фіагъ-Дона, и преимуще-
ственно на древніе аулы Далагкау, Ладзъ и Цимити. „Въ аулѣ
Ладзъ, пишетъ г. Пфафъ ¹⁾, на площади, гдѣ ежедневно соби-
рается народъ, намъ показали громадную, тщательно обтесан-
ную каменную толстую доску стола или чего то подобнаго; на
другомъ мѣстѣ въ томъ-же аулѣ, — обтесанные камни другихъ
формъ, какъ то: принадлежности восточныхъ бань и т. п.
Объ этихъ камняхъ народное сказаніе повѣствуетъ, что они
находились когда то въ замкѣ нартовъ, мѣстоположеніе
котораго нѣкоторые даже опредѣляютъ. Мы изъ этого
заключаемъ, что здѣсь когда то жили цивилизованные люди.
Это предположеніе подтверждается еще присутствіемъ въ этихъ
мѣстахъ многочисленныхъ кладбищъ съ древними рос-
кошными надгробными памятниками и катакомбами....
Въ этомъ мѣстѣ находится и много развалинъ древнихъ
церквей. Въ Дзивгисѣ стоятъ развалины древняго монасты-
ря, высѣченнаго въ скалѣ. Кругомъ, на окрестныхъ горахъ,
виднѣются древнія башни. Большая часть названныхъ строе-
ній и остатковъ древности принадлежитъ феодальному вѣку
отъ XI до XIV и XV столѣтій. — Въ стратегическомъ отноше-
ніи ущелье рѣки Фіагъ-дона чрезвычайно удобно расположено.
Оно находится въ серединѣ между обоими проходными пу-
тями чрезъ средній Кавказъ, по Дарьяльскому и Мамисон-
скому ущельямъ; оно просторно и почти со всѣхъ сторонъ
защищено величайшими горами и отвѣсными скалами. На
всѣхъ слабыхъ пунктахъ сооружены башни; на югозападѣ
оно закрыто громадною стѣною. Въ одной изъ высокихъ
стѣнь-скалъ, отдѣляющихъ ущелье р. Фіагъ-дона отъ Ка-
сарскаго, природа оставила неширокій проходъ; это мѣсто
искусственно заграждено громадными кучами камней“.

Вскорѣ послѣ царствованія Тамары проблескъ осетинскаго
царства сокрывается грозною тучею, которая налегла въ видѣ
монголовъ на большую часть азіатскаго и часть европейскаго
міра. Въ 1218 г. полчища Чингисъ-хана вторгаются въ Гру-
зію. Тифлисъ взятъ въ 1221. Татары идутъ къ Дербенду, но,
не будучи въ состояніи взять его, двигаются далѣе на сѣверъ,
гдѣ встрѣчаютъ сопротивленіе со стороны кипчаковъ и

¹⁾ Сб. Св. etc. V p. 43.

алановъ (осетинъ). Татарамъ удается разъединить союзниковъ и покорить ихъ порознь ¹⁾.

Незадолго до покоренія татарами, Грузіи пришлось еще сильно пострадать отъ султана Желалъ-эддина, сына хорассанскаго султана Махмуда, съ которымъ Чингисъ-ханъ велъ войну, кончившуюся паденіемъ обширнаго хорассанскаго царства. Тѣснимый татарами Желалъ-Эддинъ, почти лишенный своего царства (Адербейджана), думалъ утвердиться на престолѣ Грузіи, женившись на царицѣ Русуданѣ. Тифлисъ былъ имъ два раза взятъ и вся страна страшно опустошена (1226 и 1229). При вторичномъ приближеніи султана къ Тифлису, по словамъ грузинской лѣтописи, царица Русуданъ собрала всѣ силы грузинъ, призвала абхазцевъ, джиковъ, отперла Даріальскія врата и пропустила оссовъ, дурдзуковъ и другихъ горцевъ ²⁾. Но это не спасло города отъ непріятеля. Вскорѣ, впрочемъ, Желалъ-эддинъ при приближеніи татаръ, не имѣя силъ сопротивляться, долженъ былъ бѣжать въ Грецію и погибъ. Въ свою очередь татары ужасно опустошили всѣ прикавказскія страны и включили ихъ въ свою необъятную монархію. Осетія въ числѣ другихъ должна была платить дань и время отъ времени обѣзжалась татарскими баскаками. Конечно, ослабленная Грузія уже не могла удержать свою власть надъ оссами, и если было еще замѣтно вліяніе Грузіи на Осетію, то вѣроятно болѣе нравственное, чѣмъ политическое. Въ грузинскихъ лѣтописяхъ упоминается въ этомъ вѣкѣ война грузинъ съ оссами изъ-за города Гори, которымъ послѣдніе овладѣли при покровительствѣ татаръ ³⁾ и владѣли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Эриставъ арагвскій и ліахвскій Виршель три года осаждалъ ихъ въ этомъ городѣ (1296) ⁴⁾. Упоминается также участіе оссовъ, подъ начальствомъ Бакатара, въ походѣ татарскаго полководца Хутлу-шаха противъ царя Гіорги V (въ 1299 г.) ⁵⁾. Нѣсколько далѣе ⁶⁾ предводитель оссовъ — Бакатаръ — являет-

1) Brosset,—Eclaircissements etc. p. 330.

2) Hist. de la Géorgie p. 510.

3) Hist. I 611.

4) Addit. et Eclaircissements etc. p. 377.

5) Hist. p. 623.

6) Ib. p. 633.

ся, повидимому, уже грознымъ непріятелемъ для Карталиніи. Онъ опустошаетъ ее и Тріалетъ и изгоняетъ азнауровъ изъ ихъ областей; царь, занятый другими дѣлами, не въ состояніи его остановить. Только послѣ продолжительной борьбы, Бакатаръ смирился и долженъ былъ просить пощады. Впрочемъ осетины въ г. Гори упоминаются еще въ 1307—1308 г., по случаю похода на Гилянъ татарскаго хана Харбанды, похода, въ которомъ долженъ былъ принять участіе, въ качествѣ вассала татаръ, грузинскій царь Вахтангъ и осетины, жившіе въ Гори ¹⁾. Грузинская лѣтопись, передавая въ преувеличенномъ видѣ событія царствованія Гіорги V Блистательнаго (1318—1346), утверждаетъ, что ему подчинялся весь Кавказъ отъ Никопсіи до Дербенда и что онъ въ своихъ походахъ покорилъ всѣ горные народы ²⁾; но есть нѣкоторыя данныя, убазывающія на то, что Гіоргію подчинялись осетины только до Даріальскихъ воротъ. Это видно изъ предисловія къ уставу, составленному имъ для горскихъ народовъ, (вошедшему впослѣдствіи въ уложеніе Вахтанга VI-го ³⁾) и имѣвшему цѣлью ограничить кровную месть и нѣкоторые вредные обычаи.

Нашествіе Тимура (1386), по свидѣтельству біографіи Тимура Шерифъ-едъ-дина, коснулось и Осетіи. Тимуръ взялъ Тифлисъ и оттуда пошелъ въ горы въ страны пшавовъ, хевсуровъ, гудамакаровъ до Даріала и въ Двалетію. Въ походѣ противъ Тохтамыша (1395) въ числѣ странъ, пройденныхъ и опустошенныхъ Тимуромъ, упоминается въ Черкесіи страна Асъ, въ которой, конечно, слѣдуетъ видѣть Осетію ⁴⁾.

Оставляя въ сторонѣ дальнѣйшія извѣстія объ осетинахъ, замѣтимъ, что грузинскія свидѣтельства о нихъ станонятся все болѣе и болѣе скудны. Они уже ничего не знаютъ о судьбѣ сѣверныхъ осетинъ и говорятъ, да и то крайне рѣдко, о закавказскихъ, на которыхъ Грузія сохранила еще вліяніе. Есть свидѣтельства о возстаніяхъ въ этой области, подавлявшихся мѣстными арагвскими и ксанскими эриставами;

¹⁾ Hist. I 636.

²⁾ Ib. p. 648.

³⁾ Ib. p. 645 примѣч.

⁴⁾ Ecl. p. 389.

изрѣдка упоминаются набѣги осетинъ; иногда осетины упоминаются, какъ отрядъ въ грузинскихъ войскахъ и т. п. Но всѣ эти факты представляютъ лишь незначительный интересъ, и единственный выводъ, къ которому они ведутъ, состоитъ въ томъ, что осетины, запертые въ своихъ горахъ и ущельяхъ, вырождаются все болѣе и болѣе, вымираютъ и становятся изъ нѣкогда грозныхъ непріятелей Закавказья мелкимъ разбойничьимъ народцемъ, раздробленнымъ на отдѣльныя общества, вѣчно враждующія между собою и истребляющія другъ друга. Ближайшіе сосѣди съ грузинами мало по малу огрузиниваются и, пріобрѣтая нѣкоторую культуру, принимаютъ чужой языкъ и утрачиваютъ національныя черты. Горныя же общества продолжаютъ коснѣть въ прежней жизни и почти нетронутыя культурою переходятъ подъ власть Россіи ¹⁾.

Глава II.

Доказательства тому, что имя кавказскихъ алановъ распространялось и на предковъ осетинъ. Свидѣтельства о территоріи алановъ. Извѣстія средневѣковыхъ писателей объ аланахъ. Діонисій географъ, Плиній, Іосифъ Флавій, Световій, Діонъ Кассій, Амміанъ Марцеллинъ, Прокопій, Теофанъ, Менандръ.

Тюркскіе сосѣди осетинъ. Упоминаніе ясовъ въ русскихъ лѣтописяхъ.

Со времени извѣстнаго изслѣдованія Клапрота ²⁾ (1822 г.) въ научной литературѣ почти установилось убѣжденіе въ томъ, что осетины представляютъ непосредственныхъ потомковъ кочевого народа алановъ, упоминаемаго средневѣковыми историками и географами на сѣверномъ Кавказѣ. Прежде, чѣмъ воспользоваться историческими извѣстіями о кавказскихъ аланахъ, считаемъ нужнымъ еще разъ пересмотрѣть вопросъ объ отношеніи алановъ къ оссамъ, для того, чтобъ

¹⁾ О первыхъ сношеніяхъ русскаго правительства съ осетинами, о заботѣ по возстановленію среди нихъ христіанства, о правительственныхъ мѣрахъ, предпринимаемыхъ съ конца прошлаго столѣтія до настоящаго времени, можно прочесть въ трудѣ Д. Лаврова—Замѣтки объ Осетин и Осетинахъ (стр. 222 — 314),— помѣщенномъ въ III выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“.

²⁾ Mémoire dans le quel on prouve l'identité des Ossètes, peuplade du Caucase, avec les Alains du moyen-âge 1822.

уяснить, слѣдуетъ-ли прямо отождествлять оссовъ съ аланами или же только допустить возможность того, что названіе алановъ, какъ географическое имя, обнимало, въ числѣ другихъ народовъ, и предковъ нынѣшнихъ осетинъ.

Разсмотримъ сначала нѣкоторыя извѣстія, въ которыхъ имя алановъ отождествляется съ именемъ оссовъ или ясовъ.

Въ обзорѣ извѣстій объ оссахъ, сообщаемыхъ грузинскими анналами, мы видѣли (на стр. 25), что послѣдніе упоминаютъ объ участіи оссовъ въ I в. по Р. Х. въ борьбѣ грузинъ съ армянами при армянскомъ царѣ Арташесѣ и его полководцѣ Смбатѣ Бивритіанѣ. О той же войнѣ рассказываетъ въ своей Исторіи Арменіи Моисей Хоренскій (гл. 50), причемъ союзники грузинъ называются у него *аланами*. Моисей Хоренскій, какъ онъ самъ заявляетъ (въ главѣ 49), почерпнулъ сообщаемыя имъ извѣстія о борьбѣ съ аланами и о бракѣ Арташеса съ сестрой аланскаго царевича изъ эпическихъ пѣсенъ гохтенскихъ пѣвцовъ; откуда почерпнулъ свои свѣдѣнія о тѣхъ же событіяхъ грузинскій анналистъ, — намъ неизвѣстно: быть можетъ, изъ источника еще болѣе мутнаго. Но въ данномъ случаѣ для насъ не столько важны историческія подробности событій, сколько тотъ фактъ, что въ рассказѣ объ одной и той же войнѣ, народъ, называемый грузинами оссами, является у армянъ подъ названіемъ алановъ.

Убѣжденіе, что названіе алановъ соотвѣтствуетъ тому народу, который наши лѣтописи называли ясами, существовало и у древне-русскихъ книжниковъ. Доказательствомъ этому можетъ служить слѣдующее. У Іосифа Флавія (I в. по Р. Х.) въ „Іудейской войнѣ“ объ аланахъ говорится, что „народъ аланы есть скиѣское племя, живущее у Танаиса и Меотійскаго озера“¹⁾.

Въ рукописномъ русскомъ переводѣ XII или начала XIII в., принадлежащемъ Е. В. Барсову, это мѣсто читается такъ: „языкъ же *яскій* (τῶν Ἀλανῶν) вѣдомъ есть, яко отъ печенежскаго рода родися, живуща подлѣ Тани и Меотскаго моря“. По стремленію, свойственному вообще средневѣковымъ писателямъ, отождествлять современные имъ названія наро-

¹⁾ Τὸ τῶν Ἀλανῶν ἕθνος εἰσὶ Σκύθαι περὶ τὸν Τάναϊν καὶ τὴν Μαῖωτιν λίμνην κατοικοῦντες, De bello jud. 7. 7.

довъ съ древними, скиѣы здѣсь замѣнены печенѣгами, а аланы ясами, которые въ XII в. были еще хорошо извѣстны на Руси.

У Кедрина и у Зонары, подъ 1033 годомъ, сообщается, что вдова царя абасговъ, Георгія, Альда, родомъ аланка, вступивъ въ союзъ съ императоромъ Романомъ, передала ему крѣпость Анакуфу¹⁾. О томъ же фактѣ рассказываетъ грузинская лѣтопись, сообщая, что сынъ абхазскаго царя, Гіорги I Багратида, Деметрѣ передалъ византійцамъ городъ Анакофію. При этомъ грузинская хроника не сообщаетъ имени его матери, абхазской царицы, но называетъ ее дочерью царя оссовъ²⁾. Отсюда можно, кажется, заключить, что имя аланы было официальнымъ, установившимся у византійцевъ, названіемъ для осетинъ, какъ, впрочемъ, и вообще для сѣверокавказскихъ народовъ. Отмѣтимъ кстати, что у осетинъ извѣстно женское имя Алді и Альда³⁾.

Обозначеніе сѣверныхъ кавказскихъ народовъ, а въ томъ числѣ и асовъ, ясовъ (осетинъ), именемъ алановъ встрѣчается и у западныхъ средневѣковыхъ писателей. Такъ, извѣстный путешественникъ Плано Карпини, ѣздившій въ Золотую Орду въ 1227 году, перечисляя народы, платящіе дань татарамъ, называетъ въ числѣ ихъ алановъ и асовъ⁴⁾. Тотъ же путешественникъ сообщаетъ, что часть алановъ еще оказывала татарамъ сопротивленіе и что татары держали въ заложникахъ одного аланскаго князя⁵⁾.

Еще два вѣка позже путешествія Плано Карпини, существовало убѣжденіе въ тождествѣ названія аланы и асы. Такъ Іосафатъ Барбаро, совершившій въ 1436 году путешествіе въ Тану (Азовъ), говоритъ объ Аланіи слѣдующее: „Аланія заимствовала имя свое отъ народа аланскаго, называвшаго себя на своемъ языкѣ Асъ. Народъ сей исповѣдо-

1) См. у Stritter'a, Memor. Popul. IV. p. 351. § 35: Alda Georgii Abasgorum reguli quondam uxor, gente *Alana*, imperatori se adjunxit tradiditque Anacuphen, arcem munitissimam.

2) Brosset, Histoire de la Géorgie I. 315.

3) См. Осетин. Этюды. I. стр. 159, примѣч. 5.

4) Alains on Asses, см. Voyage de Carpin en Tartarie въ Собраніи Путешествій у Bergeron'a, т. I, p. 58.

5) Ibid. p. 57.

вавший христианскую вѣру, былъ истребленъ и выгнанъ изъ жилищъ своихъ татарами ¹⁾).

Подъ названіемъ алановъ были между прочимъ извѣстны оссы и арабскимъ писателямъ. Даріальскія врата, которыя грузины называютъ нерѣдко вратами Осетіи, такъ какъ они были сооружены для воспрепятствованія набѣгамъ оссовъ на Закавказье, называются арабами *аланскими вратами* (Bab al Alan) ²⁾. Самое названіе Даріаль (груз. Dariela, Dariala, Darialani, Dalialmani), быть можетъ, происходитъ отъ персидскаго *Dar-i-Alān* — врата алановъ ³⁾. У европейскихъ писателей этотъ горный проходъ называется иногда *Porta Alanorum*.

Отъ этихъ свидѣтельствъ, указывающихъ на отождествленіе имени алановъ съ именемъ асовъ (оссовъ), перейдемъ къ такимъ, которыя обозначаютъ мѣста поселенія алановъ.

Во 2-й половинѣ IV вѣка Амміанъ Марцеллинъ упоминаетъ алановъ (Halani) рядомъ съ роксоланами при перечисленіи народовъ, живущихъ вокругъ Меотійскаго болота (XXII, 31); въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „за Танаисомъ тянутся безконечныя пустыни Скиѳіи. Аланы (Halani), получившіе свое имя отъ горъ, частыми побѣдами мало-по-малу покорили подъ свою власть сосѣдніе народы и дали имъ свое имя“ (XXXI, 31); далѣе замѣчаетъ, что „аланы размѣщены по обѣимъ частямъ свѣта,.... живутъ на далекомъ разстояніи другъ отъ друга и кочуютъ на огромномъ пространствѣ; нѣкогда они приняли всѣ одно имя и называются теперь аланами, потому что у всѣхъ ихъ одинаковыя нравы, дикій образъ жизни и одинаковое вооруженіе“ (XXXI, 17); „на охотѣ и за грабежомъ они доходятъ до Меотійскаго болота и Киммерійскаго Боспора, также до Арменіи и Мидіи“ (ibid. 21). Въ 375 году „Гунны прошли чрезъ земли алановъ,.... убили и ограбили многихъ, а съ остальными заключили союзъ и, при ихъ содѣйствіи, съ большою увѣренностью вторглись въ

¹⁾ См. Библіотеку иностранныхъ писателей о Россіи г. Семенова. Отд. I, т. I, стр. 6.

²⁾ У Абульфеды — Bab-al-Alan, у Масуди — Bab Allan, см. Dubois de Montpereux — Voyage autour du Caucase, t. IV, p. 292. Ср. также Babi-Allan въ Derhend-Nameh, изд. Казембека, стр. 11, 161, 199.

³⁾ См. Brosset — Histoire. I. 515.

просторныя и плодородныя владѣнія Эрменриха, очень воинственнаго царя, котораго страшились всѣ сосѣдніе народы, вслѣдствіе его многочисленныхъ и различныхъ подвиговъ храбрости“ (XXXI, 3, 1). Оставляя для дальнѣйшаго свидѣтельства Амміана Марцеллина о бытѣ алановъ, отмѣтимъ еще слѣдующія черты, въ которыхъ этотъ писатель характеризуетъ наружность алановъ: „Аланы почти всѣ стройны и красивы; волосы ихъ нѣсколько русы (*crinibus mediocriter flavis*); они страшны своими грозными очами, и очень подвижны, вслѣдствіе легкости своего вооруженія“ (XXXI, 21) ¹⁾.

Хотя свѣдѣнія Амміана Марцеллина о пространствахъ, занимаемомъ аланами, не вполне опредѣленны, однако все-же ясно, что аланы кочевали въ сѣверо-кавказской плоскости, преимущественно въ ея западныхъ частяхъ, откуда дѣлали набѣги до Азовскаго моря и вторгались въ Таманскій полуостровъ. Въ его описаніи они представляются самымъ сильнымъ и воинственнымъ изъ народовъ сѣвернаго Кавказа. Это согласуется съ грузинскими анналами, въ которыхъ самымъ могущественнымъ народомъ сѣвернаго Кавказа называются оссы. Вспомнимъ приведенныя выше (стр. 29) свидѣтельства о набѣгахъ оссовъ на Закавказье въ III вѣкѣ при грузинскомъ царѣ Миріанѣ, а также рассказъ анналовъ о походѣ грузинъ съ огромнымъ войскомъ въ Осетию въ V вѣкѣ при царѣ Вахтангѣ Гургасланѣ.

Нельзя при этомъ не отмѣтить, что къ наружности осетинъ весьма подходитъ описаніе наружности алановъ у Амміана Марцеллина. По свидѣтельству всѣхъ путешественниковъ и нашему личному наблюденію, среди осетинъ въ большомъ количествѣ попадаются блондины съ сѣрыми и голубоватыми глазами. Блондины преобладаютъ надъ брюнетами, особенно въ низшемъ классѣ, который чище высшаго (алдаровъ, бадилать, царгосать) сохранилъ національный типъ. Особенно часто приходилось намъ встрѣчать блондиновъ въ горахъ въ Дигоріи.

Прокопій (553 г. по Р. Х.) упоминаетъ алановъ въ сосѣдствѣ съ иберами и абазгами и называетъ ихъ старинными

¹⁾ См. К. Гана—Извѣстія древнихъ греч. и римскихъ писателей о Кавказѣ, въ Сборникѣ Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. IV, отд. I, стр. 188—191.

друзьями христианъ и римлянъ ¹⁾). Близъ алановъ живутъ зихи, а за ними гунны, называемые сабирами. Въ другомъ мѣстѣ ²⁾ однако онъ говоритъ, что аланы занимаютъ пространство отъ горъ Кавказа (т. е. на сѣверѣ кавказскаго хребта) до Каспійскихъ вратъ, никому не подчиняются, союзать часто съ персами и воюютъ съ римлянами. Изъ того-же писателя мы узнаемъ, что между абазгами и аланами сидятъ врухи ³⁾ и что аланы сосѣдять съ сунитами (сванетами) ⁴⁾.

Хотя Прокопій, какъ и другіе писатели, распространяетъ имя алановъ вообще на сѣверокавказскіе народы; однако въ тѣхъ аланахъ, которые сосѣдять съ сунитами, и живутъ близко отъ абасговъ и зиховъ, можно съ достаточной вѣроятностью видѣть оссовъ. И теперь еще часть осетинъ (дигорцевъ) смежны съ сванетами; но изъ топографической номенклатуры, рассмотрѣнной нами въ главѣ I, мы знаемъ, что предки осетинъ сидѣли далеко на западѣ до Эльбруса и источниковъ Кубани, гдѣ они должны были нѣкогда сталкиваться съ адигскими племенами — джигетами (зихами), абазехами, натухайцами, шапсугами и друг. ⁵⁾.

Если отъ VI в. мы перейдемъ къ X, то встрѣтимъ нѣсколько извѣстій о территоріи алановъ въ главныхъ чертахъ согласныхъ между собою. Одно принадлежитъ византійскому императору, другія — арабскимъ путешественникамъ. Константинъ Багрянородный имѣлъ слѣдующее представленіе о кавказскихъ и черноморскихъ народахъ: четыре рода панакиитовъ (печенѣговъ) сидятъ за Днѣпромъ (на востокъ

¹⁾ De Bello Persico. II. 29.

²⁾ De Bello Gothico. IV, 3. Ταύτην δὲ τὴν χώραν, ἣ ἐξ ὄρους τοῦ Καυκάσιου ἄχρι ἐς τὰς Κασπίας κατατείνει πύλας, Ἀλανοὶ ἔχουσιν, αὐτόνομον ἔθνος, οἳ δὴ καὶ Πέρσαις τὰ πολλὰ συμμαχοῦσιν, ἐπὶ τε Ῥωμαίους καὶ ἄλλους πολεμίους στρατεύουσιν.

³⁾ De Bello Goth. IV, 4. Μετὰ δὲ τοὺς Ἀβασγῶν ὄρους κατὰ μὲν τὸ ὄρος τὸ Καυκάσιον Βροῦχοι ὄκηνται, Ἀβασγῶν τε καὶ Ἀλανῶν μεταξὺ ὄντες.

⁴⁾ De Bello Persico. I, 15: τὸ δὲ στράτευμα τοῦτο (i. e. посланное персидскимъ царемъ Кобадомъ въ Арменію) Персарμενίων τε καὶ Σουνιτῶν ἦσαν, οἳ δὴ Ἀλανοῖς εἰσιν ὁμοιοί.

⁵⁾ Другія свидѣтельства, приблизительно того же времени, о совпаденіи территоріи алановъ и осетинъ см. въ Приложеніи I, въ экскурсѣ о болгаряхъ и аланахъ въ новомъ спискѣ географіи, приписываемой Моисею Хоренскому.

отъ него), гранича на востокъ и сѣверъ съ Узіей, Хазаріей и Аланіей. Страна Печенѣговъ отстоитъ отъ Аланіи на шесть дней пути ¹⁾. За Касахіей (касогами) гора Кавказъ, за Кавказомъ страна алановъ ²⁾. Нѣсколько далѣе Багрянородный упоминаетъ о какомъ-то островѣ, на которомъ скрываются Зикхи при вторженіи алановъ въ ихъ предѣлы ³⁾.

Конечно, и эти указанія на территорію, занимаемую аланами, очень неопредѣленны; но все таки изъ нихъ можно видѣть, какіе народы были сосѣдями кавказскихъ алановъ. Это были: на западѣ — печенѣги, на сѣверѣ — хазары, на юго-западѣ — зихи, жившіе близъ Чернаго моря и спасавшіеся отъ алановъ, повидимому, на Таманскомъ полуостровѣ. Тѣ же сосѣди были и у оссовъ, какъ упоминается въ грузинскихъ анналахъ, при описаніи похода Вахтанга Гургаслана въ Осетію. Припомнимъ, что, побѣдивъ оссовъ, Вахтангъ идетъ на печенѣговъ (паджаникъ), коихъ страна отдѣлена отъ оссовъ рѣкою, и на джиковъ (зиховъ), сосѣдящихъ съ печенѣгами. Припомнимъ далѣе, что грузинская лѣтопись, рассказывая объ этомъ походѣ, прибавляетъ, что гораздо позднѣе временъ Вахтанга, печенѣги были оттѣснены турками на западъ, а джики въ сосѣдство Абхазіи. Это послѣднее перемѣщеніе, повидимому, соотвѣтствуетъ относительному положенію этихъ народовъ при Константинѣ Багрянородномъ, т. е. въ X в. Печенѣги занимаютъ территорію отъ лѣваго берега Днѣпра до Кубани, зихи — у Чернаго моря, аланы — за Кубанью, на сѣверномъ Кавказѣ.

Подобно тому, какъ у Прокопія названіе алановъ прилагается ко всѣмъ сѣверо-кавказскимъ народамъ, такъ что аланы занимаютъ на востокъ территорію до Каспійскихъ вратъ, такъ и у арабовъ аланами называются не только народности на западномъ Кавказѣ, но и воинственные племена Дагестана и вообще сѣверо-восточнаго Кавказа, можетъ быть, предки нѣкоторыхъ нынѣшнихъ народцевъ Дагестана и Чечни. Такъ, по однимъ свидѣтельствамъ, въ сосѣдствѣ алановъ живетъ народъ *Кашакъ*, въ которомъ не трудно видѣть на-

¹⁾ Stritter — Memor. Popul. IV, p. 396, § 93 (77).

²⁾ Ibid. (78).

³⁾ Ibid. (79).

шихъ лѣтописныхъ касоговъ, сосѣдей ясовъ¹⁾. Кашаки сидятъ между Кавказомъ и моремъ Румъ т. е. Чернымъ. Между областью алановъ и Кавказомъ Масуди упоминаетъ замѣчательный замокъ, построенный на рѣкѣ и называемый замкомъ алановъ. Въ этомъ замкѣ, въ которомъ не трудно узнать развалины такъ называемаго замка Тамары въ Даріальскомъ ущельѣ, персы содержали гарнизонъ съ цѣлью препятствовать набѣгамъ алановъ на Закавказье (см. выше въ главѣ I); затѣмъ онъ былъ занятъ арабами, которыхъ потомки во время Масуди (943) еще занимали эту твердыню. Далѣе мы узнаемъ, что съ аланами сосѣдятъ печенѣги²⁾, что царь абхазскій былъ вассаломъ алановъ³⁾, что страна алановъ граничитъ съ территоріей кумыковъ⁴⁾, и что вмѣстѣ съ тѣмъ Аланы сосѣди Руси⁵⁾. Всѣ эти арабскія свидѣтельства позволяютъ видѣть въ этой части алановъ предковъ нынѣшнихъ осетинъ, которые въ X в. были сосѣдями касоговъ, печенѣговъ, абхазцевъ и Руси (тмутараканской). Но съ другой стороны едва-ли съ оссами можно отождествлять тѣхъ алановъ, о которыхъ Масуди сообщаетъ, что ихъ царство граничитъ съ Сериромъ (Дагестаномъ), что ихъ цари носятъ титулъ Керкандаджъ, что столица ихъ страны называется Маасъ и что царь аланскій породнился (во времена Масуди) съ царемъ Серира⁶⁾. Изъ того же источника мы узнаемъ, что аланы сначала были язычники, затѣмъ приняли христіанство, а послѣ 320 года геджры, т. е. въ половинѣ X вѣка, конечно, подъ вліяніемъ мусульманъ Дагестана, отказались отъ христіанства и прогнали священниковъ и епископовъ, которыхъ посылалъ къ нимъ царь Рума т. е. Византіи⁷⁾. Это свидѣтельство также не можетъ относиться къ предкамъ нынѣшнихъ осетинъ, къ которымъ мусульманство проникло не съ востока, а съ запада (изъ Крыма) и притомъ гораздо позже X вѣка.

1) Maçoudi—Prairies d'or, Ch. XVII p. 45. Переводъ Barbier de Meynard.

2) D'Ohsson—Des Peuples du Caucase p. 117.

3) По Ибнъ-Хаукалу, D'Ohsson p. 16.

4) О. с. p. 23.

5) О. с. p. 283.

6) Maçoudi — О. с. p. 42.

7) О. с. p. 43.

Такимъ образомъ арабскія, какъ и западныя, свидѣтельства объ аланахъ только отчасти касаются оссовъ, а частью могутъ относиться къ другимъ племенамъ сѣвернаго Кавказа.

Въ виду всѣхъ вышеприведенныхъ доказательствъ тому, что названіе аланы въ свидѣтельствахъ средневѣковыхъ историковъ и географовъ обнимало и предковъ нынѣшнихъ осетинъ, считаемъ нужнымъ просмотрѣть вообще извѣстія объ аланахъ въ хронологическомъ порядкѣ, подвергая каждое отдѣльному обсужденію. Извѣстно, что этнографической отчетливости нельзя искать у средневѣковыхъ писателей. Древнія имена народовъ вродѣ скивовъ, сарматовъ, алановъ, часто повторяются по традиціи, прикрѣпляясь къ извѣстной географической территоріи, и еще долго продолжаютъ являться въ географическихъ и историческихъ сочиненіяхъ, послѣ того какъ уже истинные носители этихъ названій исчезли изъ прежнихъ мѣстъ и смѣнились новымъ народомъ. Съ другой стороны, не рѣдки и случаи смѣшенія народныхъ названій, вслѣдствіе нѣкотораго звуковаго сходства.

Такъ, нѣкоторые средневѣковые писатели смѣшиваютъ алановъ съ албанами кавказскими, извѣстными у армянскихъ писателей подъ названіемъ Агованк, и съ аламанамъ, народомъ германской вѣтви.

Изъ извѣстій объ аланахъ намъ слѣдуетъ при томъ остановиться только на такихъ, которыя говорятъ о кавказскихъ аланахъ. Отмѣтимъ только вскользь, что аланы упоминаются и въ западной Европѣ, рядомъ съ нѣмецкими племенами, причемъ мы не можемъ быть увѣрены въ этнической тождественности ихъ съ аланами кавказскими. Такъ, Прокопій, говоря о движеніи вандаловъ къ франкамъ и рѣкѣ Рейну (438 г.), упоминаетъ, что они увлекли за собою и алановъ, племя готское¹⁾. Вандалы и аланы являются вмѣстѣ въ войскѣ Гизериха въ 468 г., причемъ Прокопій замѣчаетъ, что въ общее имя вандаловъ слили свои имена аланы и прочіе варвары, кромѣ мавровъ²⁾. Еще до нашествія гунновъ Іорданъ упоминаетъ алановъ вмѣстѣ съ вандалами въ Панноніи, от-

¹⁾ De Bello vandalico, см. Stritter. IV. 336. § 9 (7).

²⁾ Ibid. I, 5. Τὰ δὲ τῶν Ἀλανῶν καὶ τῶν ἄλλων βαρβάρων ὀνόματα, πλὴν Μαυρουσίων, ἐς τὸ τῶν Βανδύλων ἅπαντα ἀπεκρίθη.

куда, опасаясь готовъ, они переходятъ въ Галлію ¹⁾. Часть алановъ вмѣстѣ со свевами и вандалами переходитъ Пиренеи и поселяется въ Лузитаніи и provincia Carthaginensis, гдѣ впослѣдствіи они были разбиты готскимъ королемъ Валіа ²⁾. Затѣмъ часть ихъ, подчиненная вандаламъ, вмѣстѣ съ послѣдними переходитъ въ Африку. Гунерикъ въ своихъ эдиктахъ называетъ себя Rex Hunerix Vandalorum et Alanorum ³⁾. Эти странствующие аланы, если они только родичи кавказскихъ алановъ, вѣроятно представляютъ колѣно, отторгнутое отъ главнаго племени нашествіемъ гунновъ и увлеченное ими, въ числѣ другихъ народовъ, въ ихъ странствованіи по западной Европѣ.

Переходимъ теперь къ обзору извѣстій о кавказскихъ аланахъ въ хронологическомъ порядкѣ.

1) Діонисій географъ (около Р. Х.) соединяетъ алановъ съ даками и таврами ⁴⁾ и помѣщаетъ ихъ между таврами и агаирсами ⁵⁾.

2) Плиній (29—79 по Р. Х.) помѣщаетъ алановъ подлѣ роксолановъ среди народовъ, простирающихся отъ устьевъ Дуная къ сѣверу ⁶⁾.

3) Іосифъ Флавій (37—100 по Р. Х.) говоритъ, что народъ аланы есть скиѣское племя, живущее у Танаиса и Меотійскаго озера ⁷⁾. Намѣреваясь вторгнуться въ Мидію и болѣе отдаленныя страны съ цѣлью грабежа, они вели переговоры съ царемъ гиркановъ, такъ какъ въ рукахъ послѣдняго былъ проходъ, который царь Александръ (Македонскій) закрѣпилъ желѣзными вратами. Когда царь гиркановъ позволилъ имъ пройти, они вторгнулись въ Мидію и Арменію.

Хотя неизвѣстно, о какомъ именно вторженіи алановъ въ Азербейджанъ и Арменію здѣсь идетъ рѣчь, однако фактъ, сообщаемый Іосифомъ Флавіемъ и почерпнутый имъ изъ восточныхъ преданій, согласуется съ извѣстіями грузинскихъ

¹⁾ Iord. XXXI, см. Zeuss, Die Deutschen u. die Nachbarst. p. 704.

²⁾ Zeuss — ib. p. 705.

³⁾ Zeuss — O. c. p. 705.

⁴⁾ Perieg. 305, 306.

⁵⁾ Ib. 308, 309.

⁶⁾ Plin. 4, 12.

⁷⁾ Bell. jud. VII, 7, 4.

анналь о вторженіи народовъ сѣвернаго Кавказа и преимущественно оссовъ въ закавказье дербендскимъ проходомъ (см. гл. I).

4) Светоній (75—100 по Р. Х.) говоритъ, что когда царь пареянъ Вологезъ просилъ выслать ему на помощь противъ алановъ римскія войска подъ предводительствомъ одного изъ сыновей Веспасіана, то Домиціанъ употребилъ всѣ усилія, чтобы его туда послали ¹⁾).

5) Такое же обозначеніе сѣверо-кавказскихъ народовъ, и въ томъ числѣ оссовъ, именемъ алановъ слѣдуетъ видѣть въ извѣстіи, сообщаемомъ о походѣ алановъ Діономъ Кассіемъ (род. въ 155 г. по Р. Х.). По словамъ этого писателя, Фарасманъ, царь Иберскій, подучилъ алановъ или массагетовъ напасть на владѣнія пареянъ и пропустилъ ихъ чрезъ свои земли. Набѣги этихъ варваровъ главнымъ образомъ были направлены на Мидію, и только боязнъ римскаго могущества, повидимому, спасла Арменію и Каппадокію отъ ихъ вторженія. Они возвратились въ свою землю, испугавшись угрозъ Флавія Адріана, правителя Каппадокіи, и удовольствовались дарами, которыми осыпалъ ихъ Вологезъ, царь Пареянскій ²⁾ (въ 136 г.).

Странно, что это извѣстіе о Фарасманѣ иберійскомъ не находитъ себѣ подтвержденія въ грузинскихъ анналахъ, между тѣмъ какъ въ достовѣрности его нѣтъ достаточно основаній сомнѣваться. Діонъ Кассій упоминаетъ даже о поѣздкѣ этого грузинскаго царя вмѣстѣ съ женою въ Римъ, гдѣ онъ такъ энергично защищалъ предъ императоромъ Адріаномъ и сенатомъ свои поступки, что былъ совершенно оправданъ и ему самому оказаны были въ Римѣ необычныя почести, именно: ему вмѣстѣ съ женою дозволено было принести жертву въ Капитоліи, и конная статуя его была поставлена въ храмъ Беллоны. Вторженіе алановъ относятъ къ 136 или 138 году; но въ это время, согласно съ грузинской хронологіей, на престолѣ Грузіи сидѣлъ не Фарасманъ II († въ 129 г.), а жена его, какъ регентша при малолѣтнемъ внукѣ его Фарасманѣ III, которому въ 136 или 138 году могло быть 5 или 7 лѣтъ, между тѣмъ какъ по Діону Кассію иберійскій царь

¹⁾ Vitae Imperatorum. VIII, 2.

²⁾ Dio Cass. LXIX, 15. ср. Zonaras p. 590 с.

прибыль съ женою въ Римъ. Очевидно, грузинская хронологія въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, спутана. Но помимо хронологической несообразности, въ грузинскихъ анналахъ, въ рассказѣ о царствованіи Фарасмана II, нѣтъ никакихъ намековъ на вышеизложенное событіе, а о царствованіи Фарасмана III нѣтъ вообще никакихъ свѣдѣній, кромѣ лаконическаго указанія, что онъ правилъ 33 года. Конечно, въ предѣлы нашей задачи не можетъ входить установленіе грузинской хронологіи: для насъ достаточно того факта, что въ I вѣкѣ по Р. Х. аланы дѣлали вторженія по наущенію Грузіи въ Мидію и были настолько сильны, что парсѣянскіе цари были принуждены откупаться отъ нихъ дарами.

6) Къ IV в. относятся свѣдѣнія, сообщаемыя о кавказскихъ аланахъ Амміаномъ Марцеллиномъ по поводу нашествія Гунновъ. „Эта быстро движущаяся и необузданная человѣческая раса (т. е. Гунны), пылающая страстью грабить чужую собственность, разбивъ и уничтоживъ разные народы, пришла въ страну алановъ, прежде называвшихся массагетами... Земли савроматовъ простираются отъ р. Истра до Танаиса... За Танаисомъ тянутся безконечныя пустыни Скиѳіи. Аланы (Halani), получившіе свое имя отъ горъ, частыми побѣдами мало-по-малу покорили подъ свою власть сосѣдніе народы и дали имъ свое имя... Аланы размѣщены по обѣимъ частямъ свѣта,... живутъ на далекомъ разстояніи другъ отъ друга и кочуютъ на огромномъ пространствѣ; нѣкогда они приняли всѣ одно имя и называются теперь аланами, потому что у всѣхъ ихъ одинаковыя нравы, дикій образъ жизни и одинаковое вооруженіе. У нихъ нѣтъ (постоянныхъ) жилищъ, они не занимаются земледѣліемъ, питаются мясомъ и больше молокомъ, живутъ въ своихъ повозкахъ, которыя покрываютъ кусками древесной коры и таскаютъ по неизмѣримымъ степямъ. Когда они доходятъ до мѣстъ, поросшихъ травой, то располагаютъ свои повозки въ кругъ и питаются, какъ звѣри. Какъ только кормъ весь въ извѣстномъ мѣстѣ уничтожится, они отправляютъ дальше на повозкахъ, такъ сказать, свое государство. На этихъ повозкахъ мужчины сходятся съ женщинами; тамъ рождаются и воспитываются дѣти; это — ихъ постоянныя жилища, и гдѣ бы они ни кочевали, всегда они свою повозку считаютъ своей родиной.

Они гонятъ передъ собою стада крупнаго и мелкаго скота и такимъ образомъ пасутъ его; но преимущественно они заботятся о лошадяхъ... Мужчины всякаго возраста и женщины находятся при повозкахъ съ ранняго дѣтства. Молодые люди съ ранняго дѣтства привыкаютъ къ верховой ѣздѣ, а ходить пѣшкомъ считаютъ позоромъ. Вслѣдствіе разнообразныхъ упражненій они всѣ хорошіе воины. Аланы почти всѣ стройны и красивы; волосы ихъ темно-русые; они страшны своими грозными очами и очень подвижны, вслѣдствіе легкости своего вооруженія. Они во всемъ походятъ на гунновъ, но ихъ образъ жизни нѣсколько мягче. На охотѣ и за грабежомъ они доходятъ до Мэотійскаго болота и Киммерійскаго Боспора, также до Арменіи и Мидіи... Счастливымъ считается у нихъ тотъ, кто выпускаетъ духъ въ сраженіи; надъ стариками или же умирающими отъ случайныхъ болѣзней они жестоко издѣваются, какъ надъ уродами и трусами. У нихъ больше всего хвастаются убійствомъ какого-нибудь человѣка, а вмѣсто того, чтобы у убитыхъ враговъ снимать только оружіе, они срываютъ съ нихъ и головы, сдираютъ съ этихъ головъ кожу и вѣшаютъ ее въ видѣ украшенія на груди своихъ боевыхъ коней. У нихъ нѣтъ ни храмовъ, ни святынь (также нигдѣ не замѣтно хижинъ покрытыхъ соломой); они вонзаютъ въ землю голый мечъ и поклоняются ему, какъ Марсу... Будущее они предсказываютъ какимъ-то страннымъ способомъ. Они срѣзываютъ съ кустовъ прямые прутья и кладутъ ихъ въ извѣстное время съ тайными магическими изреченіями на разныя мѣста и по нимъ узнаютъ о предстоящемъ. Что такое рабство,—имъ не извѣстно, такъ какъ они всѣ благороднаго происхожденія; судьями они выбираютъ тѣхъ, которые отличались долгое время на войнѣ.

Гунны прошли черезъ земли алановъ,... убили и ограбили многихъ, а съ остальными заключили союзъ и, при ихъ содѣйствіи, съ большою увѣренностью вторглись въ просторныя и плодородныя владѣнія Эрменриха ¹⁾...

Изъ этого разсказа Амміана Марцеллина объ аланахъ видно, что для него названіе алановъ — понятіе географическое и что оно обнимаетъ цѣлую группу народовъ, живущихъ за Танаисомъ на границѣ Азіи и Европы въ кочевомъ быту.

¹⁾ Ammian. Marcell. XXXI, 2.

Для изображенія этого быта Амміанъ припомнилъ описаніе скиѳовъ у Геродота, а кстати привелъ безъ провѣрки имена народовъ, жившихъ въ тѣхъ же мѣстахъ по свидѣтельству отца исторіи. Такимъ образомъ у Амміана снова являются на сцену (§ 14) не только Геродотовы будины въ формѣ видины (Vidini) и гелоны, но и агаѳирсы, мелаяхлены и антропофаги. Это смѣшеніе древняго съ новымъ лишаетъ въ значительной степени интереса и тѣ свѣдѣнія, которыя онъ сообщаетъ о нравахъ алановъ. Такъ, напримѣръ, читая, что аланы снимаютъ скальпы съ убитыхъ враговъ и украшаютъ ими грудь своихъ коней, мы не можемъ быть увѣрены, что эта черта взята изъ дѣйствительности, такъ какъ и Геродотъ сообщаетъ о подобномъ же обычаѣ скиѳовъ. То же сомнѣніе возникаетъ и по поводу гаданья у алановъ, такъ какъ подобное же гаданье упоминается у скиѳовъ. Конечно, не было бы нисколько невѣроятно, еслибъ обычай, существовавшій за тысячелѣтіе до Амміана, и въ его время дѣйствительно сохранялся у народовъ, жившихъ въ томъ же быту и на той же территоріи, на которой кочевали скиѳы, и мы даже старались въ другой статьѣ¹⁾ показать, что въ сказаніяхъ сѣверо-кавказскаго эпоса сохранились слѣды, напримѣръ, обычая скальпированія, а въ быту осетинъ — гаданіе палочками и культъ меча; но, повторяемъ, все же свѣдѣнія, сообщаемыя Амміаномъ Мерцеллиномъ о бытѣ алановъ, внушаютъ мало довѣрія, такъ какъ представляютъ продуктъ не личнаго наблюденія, а книжной начитанности. Лишь одно свѣдѣніе объ аланахъ не можетъ быть заподозрѣно въ плагиатѣ и потому представляетъ несомнѣнный интересъ: это то, что Амміанъ сообщаетъ о внѣшнемъ видѣ алановъ. Здѣсь уже нѣтъ ни одной черты, напоминающей наружность Скиѳовъ въ изображеніи, напримѣръ, Гиппократа²⁾. Аланы, говоритъ Амміанъ Марцеллинъ, почти всѣ стройны и красивы; волосы ихъ темнорусые... Эти черты — стройность стана и красота — отличительные признаки кавказскаго племени, а темнорусые волосы между кавказскими народами встрѣчаются, повидимому, всего

¹⁾ „Черты старины въ сказаніяхъ и бытѣ Осетинъ“, см. Жур. Мин. Народ. Просв. 1882. Августъ.

²⁾ Мы, конечно, не имѣемъ здѣсь въ виду изображеній скиѳовъ на предметахъ искусства, напримѣръ, на вазахъ, находимыхъ близъ Керчи.

чаще у осетинъ. Другое извѣстіе Амміана, подтверждаемое другими источниками, то, что Аланы на охотѣ или за грабежомъ доходятъ съ одной стороны до Мэотійскаго болота и Киммерійскаго Боспора, съ другой до Арменіи и Мидіи. Мы видѣли, что грузинская лѣтопись нерѣдко говоритъ о вторженіи осетинъ съ леками (лезгинами) и *народами съвера* въ Закавказье, Арменію и Азербейджанъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти сѣверокавказскіе народы, которые грузинская лѣтопись называетъ иногда по именамъ, извѣстны были римлянамъ подъ общимъ именемъ алановъ; но изъ числа этихъ народовъ западнымъ лѣтописцамъ, конечно, были ближе извѣстны именно тѣ, которые чаще являлись у Мэотійскаго болота и Боспора, т. е. предки осетинъ и черкесовъ (адиге). Поэтому не мудрено, что признакъ осетинъ—темно-русые волосы—былъ приписанъ Амміаномъ Марцеллиномъ всѣмъ аланамъ, хотя тотъ-же писатель ясно указываетъ на то, что названіе аланы—понятіе не этнографическое, а географическое. Аланы, по его словамъ, кочуютъ на огромномъ пространствѣ; нѣкогда они приняли всѣ одно имя, потому что у всѣхъ ихъ одинаковые нравы, дикій образъ жизни и одинаковое вооруженіе.

7. О кавказскихъ аланахъ мы имѣемъ далѣе нѣкоторыя свѣдѣнія отъ VI столѣтія, отъ царствованія императора Юстиніана. Въ его время византійскому владычеству въ юго-западной части Закавказья, въ долину Ріона, угрожала опасность со стороны персовъ, которые владѣли уже всей восточной стороной Закавказья и Дагестаномъ. Персы постоянно побуждали къ набѣгамъ на римскія владѣнія разныя кавказскія племена, особенно алановъ и абхазцевъ. Лазія отпала отъ византійцевъ и имъ для упроченія своего вліянія пришлось построить въ ней приморскую крѣпость Петру.

Въ 549 году, чтобъ отразить персовъ, Юстиніанъ отправилъ въ Закавказье войска подъ начальствомъ Дагистея. Тогда царь лавовъ, Губазесъ, снова перешелъ отъ персовъ на сторону римлянъ и, узнавъ о приближеніи персидскихъ войскъ, по свидѣтельству Прокопія, двинулся со всѣми силами колховъ къ крайней восточной границѣ Лазіи, чтобъ оберегать горные проходы, въ свою страну. Предварительно онъ призвалъ на помощь *алановъ* и сабировъ. Эти племена, выговоривъ себѣ въ награду 300 фунтовъ золота, обѣщали

не только сохранить вмѣстѣ съ лазами Колхиду отъ непріятеля (персовъ), но и опустошить всю Иберію, чтобы лишить персовъ возможности и на будущее время вторгаться съ этой стороны ¹⁾).

Не останавливаясь на описаніи перипетій войны Юстиніана съ персами, отмѣтимъ только, что аланы, дѣйствуя въ 549 году въ союзѣ съ Губазесомъ и римлянами, въ слѣдующемъ году являются въ большомъ количествѣ въ войскѣ персовъ, вторгнувшись въ Колхиду подъ начальствомъ полководца Хоріана ²⁾. По окончаніи войны Юстиніана съ персами, въ мирный договоръ было включено условіе, чтобы персы не пропускали ни гунновъ, ни алановъ, ни другихъ варваровъ, въ римскія владѣнія чрезъ проходъ Хруцонъ (Χροῦτζον) и Каспійскія врата; въ свою очередь римляне обязывались не посылать своихъ войскъ въ тѣ мѣста противъ персовъ ³⁾.

Изъ этого указанія видно, что аланы занимали въ это время сѣверный Кавказъ, а горные проходы, соединяющіе его съ Закавказьемъ и Каспійскія врата — были въ рукахъ персовъ, такъ же какъ восточная часть Закавказья. Это подтверждается и приведенными нами (въ главѣ I) грузинскими свидѣтельствами.

Не задолго до года заключенія мирнаго договора между персами и римлянами, въ царствованіе въ Иберіи Фарасмана V (528—542 г.) оссы дѣлаютъ набѣгъ на Грузію и царь грузинскій подчиняется персамъ. Распоряжаясь въ этой странѣ, какъ въ вассальной, персы должны были, конечно, оберегать и всѣ горные проходы, дававшіе въ нее доступъ со стороны сѣвера.

8. При преемникѣ Юстиніана Юстинѣ II продолжалась война римлянъ съ персами на Кавказѣ. Кавказкія племена принимали въ ней дѣятельное участіе, одни — въ качествѣ

¹⁾ Procopii — de Bello Persico. II. 29. Ἐτύγχανε δὲ οὐ πολλῶν πρότερον Ἀλανούς τε καὶ Σαβείρους ἐς ξυμμαχίαν ἐπαγόμενος, οἵπερ ὡμολόγησαν κεντηναρίων τριῶν οὐχ ὅσον ἀδῆωτον Λαζοῖς ξυμφυλάξειν τὴν γῆν, ἀλλὰ καὶ Ἰβηρίαν οὕτω καταστήσεσθαι ἀνδρῶν ἔρημον ὥς μηδὲ Πέρσαις ἐνθένδε τὸ λοιπὸν ἰέναι δυνατὰ εἶσεσθαι.

²⁾ Procop. Bell. Goth. IV, 1.

³⁾ Menander p. 140 v. Stritter—Memor. Popul. IV p. 340, § 20 (18).

союзниковъ римлянъ, другія — персовъ. На сторонѣ первыхъ упоминаются колхи, абасги и Сароесъ царь алановъ ¹⁾. Отъ того же времени сохранилось любопытное извѣстіе о посольствѣ, отправленномъ Юстиномъ въ 569 г. къ *восточнымъ* туркамъ. На возвратномъ пути изъ ихъ страны византійскіе послы рѣшились пройти чрезъ страну алановъ, чтобы соединиться съ своими войсками, стоявшими, вѣроятно, гдѣ-нибудь въ римскихъ областяхъ на Кавказѣ, т. е. въ долину Ріона. Послы шли съ великимъ страхомъ, говорится у Менандра, ибо боялись народа горомосховъ. Когда они явились вмѣстѣ съ турками, ихъ сопровождавшими, къ предводителю алановъ Сародію (повидимому, тому же лицу, которое названо выше Сароесомъ, а въ другомъ мѣстѣ Саросіемъ и Сарогосіемъ), то послѣдній принялъ римлянъ милостиво, а пословъ отъ турокъ допустилъ къ себѣ лишь подъ условіемъ, чтобы они сложили оружіе. Препирательства по этому поводу продолжались три дня. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сародій отсоединялъ Земарху идти чрезъ область Миндиміановъ, такъ какъ около Суаніи (Сванетіи) сидѣли персы въ засадѣ, а посовѣтовалъ возвратиться къ себѣ (т. е. къ римскимъ войскамъ) чрезъ Дарину (*Δαρείνη ἀτρός*) ²⁾.

Трудно сказать, кто были эти миндиміаны, жившіе гдѣ-то около Сванетіи, т. е. на юго-западѣ отъ нынѣшнихъ осетинъ, дигорцевъ. Повидимому, они тотъ же народъ, который въ другихъ византійскихъ извѣстіяхъ называется Мисиміанами, что, впрочемъ, нисколько не уясняетъ дѣла. Но для насъ любопытно вышеприведенное извѣстіе потому, что оно отчасти уясняетъ мѣстность занимаемую аланами: они сидятъ на югъ отъ турокъ и на сѣверѣ кавказскаго хребта. Проходъ *Δαρείνη*, упоминаемый Менандромъ, какъ доказываетъ Дюбуа де-Монперё, не Даріаль, а болѣе западный проходъ, образуемый ущельемъ Маруха и долиной Цебельдинской, орошаемой Кодоромъ и его притоками ³⁾.

9. Отъ царствованія Тиверія II Константина (578—582) сохранилось важное извѣстіе о покореніи алановъ (вѣрнѣе части ихъ) турками. Когда императоръ отправилъ пословъ къ Турк-

¹⁾ Stritter — M. Pop. IV p. 341, § 22 (20). Изъ Теофана.

²⁾ Stritter — Mem. Pop. IV p. 341, § 21 (19).

³⁾ Voyage etc. IV 293, см. ib. I 326, II 127.

санту, то послѣдній величался передъ ними тѣмъ, что ему подчиняется земля отъ крайняго востока до крайнихъ предѣловъ запада. „Посмотрите, несчастные, (таковы были его слова) на народъ аланскій и даже на самое племя унигуровъ (одна орда гунновъ). Хотя они одарены отличной храбростью, отвагой и силой, однако, вступивъ въ бой съ непобѣдимымъ народомъ турокъ, не получили ничего, на что надѣялись, и теперь повинуются намъ и считаются въ числѣ нашихъ рабовъ ¹⁾“.

10. Отъ начала VIII вѣка, когда на Кавказъ оказываютъ сильное вліяніе арабы, которымъ подчинилась Грузія, Абасгія, Лазія, когда византійскому вліянію угрожаетъ серіозная опасность, дошло до насъ извѣстіе о посѣщеніи Аланіи византійскимъ чиновникомъ. Въ 703 г. императоръ Юстиніанъ II Ринотметъ посылаетъ въ Аланію спатарія Льва (впослѣдствіи ставшаго императоромъ, подъ именемъ Льва Исаврійскаго), съ цѣлью подкупить алановъ ко вторженію въ Абасгію, Лазику и Иберію, которыя находились подъ властью сарацинъ. Въ это рискованное предпріятіе императоръ отправилъ Льва съ цѣлью отъ него избавиться, такъ какъ подозрѣвалъ его въ честолюбивыхъ замыслахъ. Спатарій, прибывъ въ Лазику, спряталъ деньги въ Фазисѣ (Ріонѣ) для большей безопасности и, сопровождаемый нѣсколькими туземцами, отправился въ Апсилію, откуда, перейдя Кавказскій хребетъ, прибылъ въ Аланію. Тогда императоръ, чтобъ погубить Льва, послалъ людей взять деньги, спрятанные въ Фазисѣ. Аланы, встрѣтивъ спатарія съ почетомъ, повиновались его словамъ, вторгнулись въ Абасгію опустошили эту

¹⁾ Stritter, O. c. p. 342, § 24 (22) [по Менандру]. Въ какомъ отношеніи находились упоминаемые въ этомъ извѣстіи турки къ хазарамъ,—это вопросъ еще далеко не разъясненный. Въ турецкомъ переводѣ такъ называемаго сокращеннаго Табари, приведенномъ Казембекомъ (см. *Derbend nameh* p. 163), говорится, что племя хазаръ и алановъ сосѣдитъ съ турками (the tribes called Khazers and Alans are contiguous with the Turks), такъ что здѣсь турки различаются отъ хазаръ. О тюркской династии у хазаръ см. Дорпъ—Каспій стр. 386; Vambéry — *Ursprung der Magyaren*, p. 76 слѣд.; о зависимости хазаръ въ VII в. отъ великаго *Хагана Сѣвера*, см. Патканова — „Ванскія надписи“ etc. въ Ж. М. Н. Пр. Ч. CCXXX, отд. 2, стр. 263 слѣд. и *Derbend nameh*, переводъ Казембека, стр. 40, 46, 63, 176.

область. Тогда властитель абасговъ велѣлъ сказать аланамъ: „императоръ, по моему мнѣнію, не могъ отправить болѣе искуснаго во лжи человека, чѣмъ спатарій, чтобы возбудить раздоръ между близкими сосѣдями. Спатарій обманулъ и насъ, обѣщавъ намъ денегъ, а затѣмъ Юстиніанъ послалъ за ними и взялъ ихъ обратно. Выдайте намъ спатарія, за три тысячи монетъ, и прежній миръ между нами не будетъ нарушаться“. Аланы отвѣчали на это: „мы не отказались повиноваться спатарію не ради денегъ, а изъ уваженія къ императору“. Абасги снова послали имъ сказать: „выдайте намъ спатарія и мы заплатимъ шесть тысячъ монетъ“. Тогда аланы, съ цѣлью развѣдать область абасговъ, обѣщались за 6 тысячъ монетъ передать спатарія въ ихъ руки. Свой планъ они сообщили спатарію въ слѣдующихъ словахъ: „путь въ область римлянъ, какъ самъ видишь, запертъ для тебя со всѣхъ сторонъ; отсюда тебѣ не легко выйти; поэтому нужно прибѣгнуть къ хитрости относительно непріятели: мы сдѣлаемъ видъ, что готовы тебя выдать имъ, пошлемъ тебя къ нимъ съ нѣсколькими изъ нашихъ людей, изслѣдуемъ ихъ ущелья и потомъ, сдѣлавъ на нихъ нападеніе, пройдемъ ихъ страну и опустошимъ ее; такимъ образомъ мы достигнемъ своей цѣли“. Затѣмъ повѣренные отъ алановъ отправились въ Абасгію, дали обѣщаніе выдать спатарія и получили богатые дары. Вмѣстѣ съ ними пришли къ аланамъ повѣренные отъ абасговъ, чтобъ уплатить деньги и получить спатарія. Тогда аланы сказали Льву: „эти люди пришли за тобою, такъ какъ ты имъ выданъ, и вся Абасгія ждетъ тебя связаннаго“.

Изъ дальнѣйшаго мы узнаемъ, что хитрость алановъ заключалась въ слѣдующемъ: когда повѣренные абасговъ со скованнымъ спатаріемъ возвращались домой, на нихъ напала горсть алановъ подъ предводительствомъ Итаза, перебила сопровождавшихъ спатарія абазговъ, освободила его самого и скрыла его на время въ потаенномъ мѣстѣ. Вслѣдъ затѣмъ аланы вторгнулись чрезъ ущелье въ Абасгію, опустошили ее и взяли множество плѣнныхъ. Однако все же спатарію нельзя было пробраться домой. Тогда императоръ велѣлъ сказать абасгамъ, что проститъ имъ всѣ ихъ вины противъ римлянъ, если они дадутъ свободный проѣздъ спатарію черезъ свою страну. Абасги снова обратились къ аланамъ и просили ихъ передать имъ спатарія, ручаясь заложниками

въ томъ, что доставятъ его въ сохранности римлянамъ. Но спатарій, не довѣряя обѣщаніямъ абасговъ, не рѣшился на это и предпочелъ на время остаться у алановъ ¹⁾. Лишь черезъ нѣсколько лѣтъ Льву удалось выбраться, при содѣйствіи алановъ и съ разными приключеніями, изъ Аланіи и достигнуть моря въ области апсировъ ²⁾.

Изъ этого любопытнаго разсказа Теофана о пребываніи будущаго императора Льва въ Аланіи, видно, въ какихъ отношеніяхъ находились аланы къ византійцамъ. Ведя войну съ арабами, византійцы, слѣдуя обычной своей политикѣ, подкупали горскія племена, жадныя до денегъ, для набѣговъ на непокорныя или отпавшія отъ Византіи области. Военственное племя алановъ, гнѣздившееся въ неприступныхъ горныхъ трущобахъ, было удобнымъ оружіемъ въ рукахъ Византіи.

Не мудрено, поэтому, что византійскій дворъ не скупился на деньги, чтобъ подкупить алановъ для набѣговъ на ихъ ближайшихъ сосѣдей по ту сторону хребта—абасговъ (абхазцевъ) и лазовъ. Гранича, по этому свидѣтельству, съ абасгами, аланы должны были занимать область верхняго теченія Кубани и ея притоковъ, т. е. сидѣть далѣе на западъ, чѣмъ въ настоящее время сидятъ ихъ потомки осетины. Мы уже знаемъ изъ другихъ указаній, что осетины оттѣснены были въ долины притоковъ Терека лишь въ послѣдствіи, когда тюрко-татарскіе и черкесскія (Кабарда) племена заняли ихъ старинныя мѣста на западѣ въ горахъ и равнинахъ.

Упомянемъ, что свидѣтелями сношеній осетинъ съ Византіей можно считать многочисленныя монеты византійскаго періода, до сихъ поръ находимыя въ осетинскихъ могилахъ ³⁾.

Упомянутія объ аланахъ въ дальнѣйшіе вѣка въ византійскихъ источникахъ не прибавляютъ ничего къ нашимъ свѣдѣніямъ объ этомъ народѣ. Отъ VIII до XI вѣка совсѣмъ не дошло извѣстій. Въ XI вѣкѣ упоминается о бракахъ византійскихъ императоровъ съ аланками ⁴⁾ и объ отрядахъ

¹⁾ Stritter — О. с. IV pp. 346—349, по Теофану.

²⁾ Ib. p. 350 и слѣд.

³⁾ См. Протоколы Комитета для устройства V Археол. съѣзда въ Тифлисѣ, стр. 267. Описаніе собранія г. Ольшевскаго.

⁴⁾ Stritter IV p. 351 и 352.

алановъ на службѣ у византійцевъ ¹⁾). Отъ начала XIV вѣка сохранилось извѣстіе, довольно пространное, у Пахимера, о судьбѣ отряда въ 16,000 алановъ, состоявшаго на византійской службѣ ²⁾ при императорѣ Андроникѣ Старшемъ и Михаилѣ. Но эти свидѣтельства представляютъ лишь незначительный интересъ и притомъ Пахимеръ, быть можетъ, употребляетъ названіе алановъ не въ этнографическомъ, а въ географическомъ смыслѣ ³⁾).

Вышеприведенныя византійскія извѣстія объ аланахъ свидѣтельствуютъ большей частью о томъ, что нѣкоторая часть этого народа принимала участіе въ событіяхъ, совершавшихся въ Закавказьѣ, доставляя дружины на помощь византійцамъ въ ихъ войнахъ съ персами и арабами. О судьбѣ главной части алановъ, жившихъ по сю сторону кавказскаго хребта, мы не находимъ точныхъ свѣдѣній и должны довольствоваться лишь неопредѣленными намеками. Въ настоящее время, какъ мы выше видѣли, горныя долины на западъ отъ дигорцевъ по рѣкамъ Череку, Чегему, Баксану и далѣе по верхнему теченію Кубани, мѣста раньше занятыя предками нынѣшнихъ осетинъ, заселены обществами тюркскаго происхожденія—балкарцами, хуламцами, чегемцами, урусбіевцами и карачаевцами. Является вопросъ, съ какихъ поръ предки осетинъ приходятъ въ столкновеніе съ народами тюркскаго племени и какъ происходило вытѣсненіе осетинъ изъ древнихъ мѣстъ ихъ поселенія. Если на послѣдній вопросъ и нельзя дать вполне точнаго отвѣта, то все же изъ историческихъ источниковъ можно собрать нѣкоторыя указанія на отношеніе алановъ къ тюркскимъ племенамъ.

Самое раннее свидѣтельство объ этомъ относится къ послѣдней четверти IV вѣка и содержится въ извѣстіи Амміана Марцеллина, что гунны, вторгнувшись въ земли алановъ, многихъ убили и ограбили, а съ остальными заключили со-

¹⁾ Stritter ib. 353.

²⁾ См. Stritter ib. pp. 360—376.

³⁾ Нѣкоторыя соображенія объ этихъ аланахъ см. въ статьѣ покойнаго проф. Бруна („Нѣкоторыя историческія соображенія по поводу названія Добруджи“) вошедшей въ Сборникъ *Черноморье* II стр. 354—356.

юзъ¹⁾. Аланы должны были участвовать въ походахъ гунновъ, напримѣръ, въ ихъ войнѣ съ готами, но отсюда еще нельзя выводить, что вліяніе этихъ тюркскихъ кочевниковъ на алановъ было прочно и продолжительно. Давленіе гунновъ испыталъ на себѣ не весь аланскій народъ, а только нѣкоторая часть его, занимавшая болѣе западныя мѣста на сѣверокавказской равнинѣ.

Послѣ гунскаго погрома, въ V и VI столѣтіяхъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ алановъ (т. е. осетинъ и касоговъ) являются уже тюркскія племена подъ разными названіями. Имя гунновъ смѣняется именемъ утургуровъ, вѣтви этого же народа, а затѣмъ именемъ болгаръ. По свидѣтельству писателя VI в. Прокопія, гунская орда распалась на двѣ вѣтви — утургуровъ и кутургуровъ, причемъ первые занимали мѣста за Танаисомъ между Понтомъ и Мэотидой, а послѣдніе двинулись далѣе на западъ и дѣлали изъ-за Дуная набѣги на римскія провинціи. Далѣе мы узнаемъ, что императоръ Юстиніанъ укрѣпилъ городъ Боспоръ, разоренный варварами (гуннами) и находившійся нѣкоторое время въ ихъ рукахъ, но возвращенный императоромъ подъ власть Византіи; другіе же два города, Кипы и Фанагурію (на Таманскомъ полуостровѣ), съ давняго времени принадлежавшіе римлянамъ, сосѣдніе варвары *недавно* взяли и совершенно разорили. Такимъ образомъ предѣлами тюрковъ-утургуровъ (болгаръ), было на югѣ устье Кубани, и они должны были приходить въ столкновеніе съ аланами²⁾. Современникъ Прокопія, Іорданъ, приблизительно въ тѣхъ же мѣстахъ „надъ понтомъ“ за акацирами (хазарами), помѣщаетъ жилища болгаръ, *къ несчастію сдѣлавшихся слишкомъ извѣстными, за наши грѣхи*³⁾. И тамъ же указываетъ болгаръ Теофанъ, когда говоритъ, что между Мэотійскимъ озеромъ и рѣкою Куфисъ (Кубанью) лежитъ Древняя или Великая Болгарія, которая называется иначе страной котраговъ, соплеменниковъ болгаръ⁴⁾.

¹⁾ См. выше стр. 51.

²⁾ См. *Bellum goth.* IV. De Aedificiis. III. IV.

³⁾ Глава V.

⁴⁾ *Theoph. Chronographia* — Ed. Bonn. 545—550. О кубанскихъ болгаряхъ см. Приложение I, экскурсъ о болгаряхъ и аланахъ въ новомъ спискѣ армянской географіи, приписываемой Моисею Хоренскому.

Изъ приведеннаго выше (стр. 56) извѣстія Менандра о посольствѣ византійскаго императора Тиверія къ восточнымъ туркамъ (въ 579), мы узнаемъ изъ словъ Турксанта, что сосѣднее съ аланами тюркское племя, очевидно то же, что жило въ Великой Болгаріи, раздѣлило съ аланами одну участь: унгуры и аланы вступили въ борьбу „съ непобѣдимымъ турецкимъ народомъ“ и, потерпѣвъ пораженіе, по словамъ Турксанта, стали его рабами. Тѣ и другіе должны были участвовать въ походахъ турокъ, когда послѣдніе предприняли завоеваніе греческихъ городовъ на Киммерійскомъ Боспорѣ. „На берегахъ пролива уже стоялъ лагеремъ подручный туркамъ князь утургурскій Анагай съ войскомъ собственнымъ и турецкимъ; кромѣ того Турксантъ, въ бытность у него византійскаго посла Валентина, послалъ съ новыми силами своего военачальника Бохана для скорѣйшаго завоеванія города Боспора“¹⁾. Сравнивая это свидѣтельство со свидѣтельствомъ о посольствѣ Земарха, мы видимъ, что послѣдній еще засталъ алановъ независимымъ народомъ. Аланскій князь Сародій допустилъ къ себѣ турецкихъ пословъ не иначе, какъ безоружными. Теперь же (въ 579 г.), спустя десятилѣтіе, аланы, или точнѣе нѣкоторая часть ихъ, вошли въ зависимость отъ Турксанта, властителя той части обширной турецкой орды, которая заняла Астраханскія степи и нижнюю Волгу. Эта волжско-каспійская турецкая орда (какъ впоследствии орда Батыева или Золотая), по всѣмъ признакамъ, отдѣлилась отъ своихъ туркестанскихъ родичей и въ VII вѣкѣ составила особое государство, сдѣлавшееся извѣстнымъ преимущественно подъ именемъ хазарскаго²⁾. Зависимость западной части алановъ отъ турокъ-хазаръ не препятствовала горнымъ колѣнамъ, не испытывавшимъ, благодаря мѣстнымъ условіямъ, этой зависимости, предпринимать набѣги на Закавказье, какъ мы видимъ изъ свидѣтельства о посольствѣ спатарія Льва въ Аланію при Юстиніанѣ II Ринотметѣ въ 703 г.³⁾. Впрочемъ, и плоскостные аланы, по видимому, въ концѣ IX в., когда хазарское могущество начи-

¹⁾ См. Д. И. Иловайскаго: Болгаре и Русь на Азовскомъ морѣ, въ Ж. М. Н. Пр. Часть CLXXVII, отд. 2, стр. 121.

²⁾ Иловойскій — Ibid. стр. 125.

³⁾ См. выше стр. 56.

наетъ клониться къ упадку, когда хазарь начинаютъ сильно тѣснить со всѣхъ сторонъ враждебные народы: съ юга — арабы, съ сѣвера — печенѣги, съ запада — руссы, возвращаютъ себѣ независимость. Такъ, уже въ первой половинѣ X вѣка, судя по извѣстію Константина Багрянороднаго, аланы не только являются независимыми отъ хазарь, но своими нападеніями препятствуютъ ихъ сношеніямъ съ черноморскими областями и таврическимъ полуостровомъ. А именно, въ своемъ сочиненіи „Объ управленіи имперіей“ Константинъ говоритъ ¹⁾: Узы могутъ воевать хазарь, какъ ихъ сосѣди (на сѣверѣ). Такъ и князь Аланіи, къ которой принадлежатъ девять хазарскихъ *климатовъ*; аланинъ, если захочетъ, можетъ грабить эти послѣдніе, тѣмъ причинять хазарамъ великій вредъ и производить у нихъ нужду, потому что изъ этихъ девяти *климатовъ* хазары получаютъ и сѣстные припасы, и всѣ прочія жизненные потребности“. Дополненіемъ къ этому служитъ то, что далѣе сообщается объ отношеніи къ хазарамъ аланскаго властителя (*ἐξουσιохρᾶτορ*) ²⁾. „Когда властодержецъ Аланіи съ хазарами не въ мирѣ, а предпочитаетъ дружбу императора ромеевъ (грековъ), то хазарамъ, — если они не захотятъ также пребывать съ императоромъ въ дружбѣ и мирѣ, — онъ можетъ надѣлать весьма много зла, залегая имъ пути и нападая на нихъ внезапно, при проѣздѣ ихъ въ Саркель, или въ климаты (*τὰ κλήματα*), или въ Херсонъ. И если только этотъ князь озаботится преградить имъ путь, то глубокой, по истинѣ, миръ водворится въ Херсонѣ и въ климатахъ; ибо хазары, страшась нападенія алановъ, и не имѣя возможности ни вторгаться съ войскомъ въ Херсонъ и въ климаты, ни воевать одновременно съ тѣми и другими (съ аланами и херсонцами), должны будутъ по неволѣ пребывать въ мирѣ“.

Изъ этого свидѣтельства Константина Багрянороднаго видно, что аланы занимали такое положеніе на сѣверо-кавказской равнинѣ, которое давало имъ возможность перерѣзать путь хазарамъ и въ Саркель на Дону, и въ климаты (поселенія между Херсономъ и Боспоромъ въ Крыму) и въ Хер-

¹⁾ См. гл. X.

²⁾ См. главу XI. О городѣ Херсонѣ и городѣ Боспорѣ.

сонъ. Ближайшими ихъ сосѣдами должны были быть черные болгаре, которые, какъ можно вывести изъ показаній Теофана и Никифора ¹⁾, жили вдоль восточныхъ береговъ Азовскаго моря отъ устьевъ Дона до рѣки Кубани. Объ этой Черной Болгаріи дошли до насъ извѣстія отъ Константина Багрянороднаго и нашей лѣтописи. Такъ Константинъ Багрянородный говоритъ, что къ сѣверу отъ Азовскаго моря находится рѣка Днѣпръ, изъ которой русы отправляются въ Черную Болгарію, Хазарію и Сирію ²⁾. Въ настоящее время это мѣсто, представлявшее затрудненіе, толкуется нашими историками въ томъ смыслѣ, что подъ Черной Болгаріей слѣдуетъ разумѣть Азовско-кубанскую Болгарію, а не Дунайскую, какъ полагалъ Карамзинъ ³⁾. О тѣхъ же Черныхъ болгаряхъ говорится въ договорѣ Игоря съ греками: „А о сихъ оже то приходятъ Чернии болгаре (и) воюють въ странѣ корсуньстѣй, и велимъ князю Рускому, да ихъ не пускаеть“ ⁴⁾.

Названіе *Черные болгаре*, въ Игоревомъ договорѣ, какъ предполагать г. Иловайскій, объясняется, какъ буквальный переводъ съ греческаго, а такимъ переводомъ былъ и весь договоръ. Въ византійскихъ источникахъ то же названіе встрѣчается только въ ту же самую эпоху, ни прежде, ни послѣ. А именно, Черные болгаре упоминаются только у Константина Багрянороднаго въ выше приведенномъ мѣстѣ, а также въ другомъ, которое содержитъ краткое извѣстіе: „Болгарія, которая называется Черною, можетъ воевать хазарь“ ⁵⁾.

Изъ послѣдняго мѣста можно вывести, что въ это время, Черные болгаре, какъ и ихъ сосѣди аланы, уже были независимы отъ хазаръ, а скорѣе находились, судя по Игореву договору, въ нѣкоторой зависимости отъ русскаго князя. По мнѣнію Д. И. Иловайскаго, „цѣлый рядъ войнъ Руси съ хазарами, о которомъ воспоминаеть и наша лѣтопись, очевидно, произошелъ не изъ-за радимичей и вятичей, а именно изъ-за

¹⁾ Memor. populor. II. p. 502—504.

²⁾ De Adm. Imp. ed. Bonn. p. 180.

³⁾ См. статью г. Ламбина—О Тмутраканской Руси, въ Ж. М. Н. Пр. 1877 январь, стр. 62 и г. Иловайскаго — Болгаре и Русь на Азовскомъ поморьѣ стр. 330.

⁴⁾ Лѣтоп. по Лаврент. списку, изд. 1872, стр. 50.

⁵⁾ Болгаре и Русь и т. д. стр. 338.

боспорскихъ или *Черныхъ* болгаръ. Окончательное освобождение послѣднихъ отъ хазаръ и подчинение ихъ Руси совершилось, по всѣмъ признакамъ, въ періодъ времени между 911 и 945 годами, то-есть, въ періодъ между договорами Олега и Игоря. Въ первомъ, то-есть, въ Олеговомъ договорѣ, еще нѣтъ никакихъ статей относительно *Черныхъ* болгаръ и корсунской земли; а въ договорѣ Игоря поставлено условіе, чтобы русскій князь не пускалъ *Черныхъ* болгаръ воевать страну корсунскую. Очевидно, въ эпоху послѣдняго договора *Черные* болгаре находились уже въ вассальной зависимости не къ хазарамъ, а къ князю кievскому. Къ этимъ боспорскимъ болгарамъ, какъ извѣстно, спастся Игорь съ остаткомъ своего флота въ 941 году; да и самый походъ, по всей вѣроятности, былъ предпринятъ отсюда же, изъ Киммерійскаго Боспора¹⁾. Приводя это мнѣніе почтеннаго историка, мы должны однако замѣтить, что ни изъ словъ Игорева договора о Черныхъ Волгарахъ, ни изъ извѣстій Константина Богрянороднаго нельзя собственно сдѣлать вывода о политической зависимости Черныхъ болгаръ отъ русскаго князя²⁾. Можно только заключать, что русскій князь имѣлъ возможность препятствовать имъ дѣлать нападенія на корсунскую область, а чтобы имѣть *всегда* эту возможность Русь должна была уже имѣть владѣнія въ сосѣдствѣ херсонцевъ на берегахъ Боспора Киммерійскаго. Такимъ владѣніемъ, вѣроятно, было Тмутараканское княжество, основанное Русью послѣ изгнанія изъ городовъ Боспора (Керчи) и Фанагоріи хазарскихъ гарнизоновъ. Г. Ламбинъ старается доказать, что основаніе этого русскаго владѣнія на Боспорѣ относится къ княженію Олега, и именно къ тому двадцатилѣтію его княженія (884—906 г.), въ продолженіе котораго о дѣлахъ его наша лѣтопись хранитъ глубокое молчаніе, потому, конечно, что о нихъ не сохранилось никакихъ извѣстій, а не потому, что никакихъ дѣлъ не было³⁾. Г. Иловайскій, ссылаясь, на от-

¹⁾ Болгаре и Русь etc. стр. 337.

²⁾ На враждебность (черныхъ) болгаръ Руси и на ихъ сочувствіе грекамъ указываетъ, повидимому, тотъ фактъ, что при началѣ обоихъ походовъ Игоря (въ 941 и 944 г.) на грековъ, болгаре (конечно черные) посылаютъ объ этомъ вѣсть въ Царьградъ.

³⁾ О. с. стр. 77.

существование упоминания о Черныхъ болгарахъ въ Олеговомъ договорѣ, который, судя по лѣтописи, заключенъ въ послѣдній годъ княженія этого князя, полагаетъ, что утверждение русскаго владычества въ Тавридѣ и Таманскомъ полуостровѣ совершилось въ правленіе Игоря между 911 и 945 годомъ ¹⁾. Не будучи специалистами въ русской исторіи, мы не можемъ имѣть своего мнѣнія въ этомъ спеціальномъ вопросѣ и если мы вообще коснулись вопроса о Тмутараканскомъ княжествѣ и Черныхъ болгарахъ, то только потому, что послѣдніе являются сосѣдями занимающихъ насъ алановъ. Основано-ли Тмутараканское княжество Олегомъ или Игоремъ, во всякомъ случаѣ уже въ началѣ X вѣка русскія дружины появляются на Таманскомъ полуостровѣ и на Мэотидѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ алановъ, и борьба русскихъ князей съ хазарами, прежними властителями части алановъ, не осталась для послѣднихъ безъ послѣдствій. Вѣроятно, аланамъ приходилось на сѣверномъ Кавказѣ играть ту же роль, въ которой они, какъ мы видѣли, часто выступали въ Закавказьѣ. Не представляя сильнаго, сплоченнаго государства, но распадаясь на отдѣльные роды, они однако для внѣшнихъ враговъ были трудно уязвимы, такъ какъ частью были защищены трудно доступными кавказскими горами, въ которыхъ могли укрыться на случай нападеній. Пользуясь этими условіями мѣстности, они, какъ и кубанскіе сосѣди ихъ касоги (адиге), могли съ безнаказанностью дѣлать набѣги на сѣверо-кавказскую равнину съ цѣлью грабежа и скрывать награбленное въ своихъ горныхъ аулахъ. Среди ихъ всегда можно было сосѣднимъ воюющимъ между собою народамъ набирать за плату дружины, такъ что аланамъ постоянно приходилось участвовать въ сосѣднихъ войнахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что уже раньше перваго упоминанія ясовъ въ нашихъ лѣтописяхъ, они были не безъизвѣстны русскимъ, и, вѣроятно, послѣдніе встрѣчали ихъ въ войскахъ хазарскихъ или какъ союзниковъ Черныхъ болгаръ, съ которыми русскіе должны были столкнуться при утвержденіи своего могущества на берегахъ Боспора. При отсутствіи пониманія общности интересовъ, которое вообще характеризуетъ народы, живущіе въ родовомъ быту, можно предположить также, что въ то время, какъ нѣкоторые роды

¹⁾ Болгаре и Русь стр. 372.

алановъ нанимались на службу хазарамъ, другіе роды того же народа могли дѣйствовать противъ нихъ въ союзѣ съ Русью.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній переходимъ къ обзору тѣхъ немногочисленныхъ мѣстъ русскихъ лѣтописей, въ которыхъ встрѣчается упоминаніе объ ясахъ.

Въ первый разъ имя народа ясовъ занесено въ лѣтопись подъ 965 годомъ по случаю войны кн. Святослава съ хозарами. „Въ лѣто 6473 иде Святославъ на хозары; слышавше же хозари, изидоша противу съ княземъ своимъ каганомъ, и съступишася битися, и бывши брани, одолѣ Святославъ козаромъ и градъ ихъ Бѣлу Вежю взя. И ясы побѣди и касоги“.

Столкновеніе русскаго войска съ ясами и касогами (черкесами) упоминается въ этомъ краткомъ извѣстіи непосредственно вслѣдъ за взятіемъ хазарскаго города Саркела, находившагося несомнѣнно на нижнемъ теченіи Дона, хотя точное положеніе Бѣлой Вежи еще не удалось опредѣлить. Очевидно, что ясы, разбитые Святославомъ, встрѣтились съ нимъ на плоскости, гдѣ нибудь за Дономъ, далеко отъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ сидятъ современные потомки ясовъ. Конечно, нельзя предположить, что Святославъ предпринялъ походъ въ горныя ущелья сѣвернаго Кавказа. Сосѣдями же ясовъ, вѣроятно на Нижней Кубани, являются касоги (по осетински кăсăг), народцы адигскаго племени, предки нынѣшнихъ кабардинцевъ, шапсуговъ, натухайцевъ, абадзеховъ и друг. Касоги были ближайшими сосѣдями Тмутараканскаго княжества, которое имѣло на нихъ значительное вліяніе. Такъ въ 1022 году воюетъ съ ними Мстиславъ Тмутараканскій, а въ слѣдующемъ году они упоминаются вмѣстѣ съ хазарами въ его войскѣ, когда онъ идетъ противъ брата своего Ярославъ; въ 1066 году упоминается, что кн. Ростиславъ Тмутараканскій бралъ съ касоговъ дань. Эти отношенія Тмутаракани къ касогамъ указываютъ на то, что послѣдніе жили въ ближайшемъ сосѣдствѣ этого города по нижнему теченію Кубани. Ясовъ же слѣдуетъ искать въ ихъ непосредственномъ сосѣдствѣ, далѣе на востокъ, на плоскости и въ горахъ по верхнему теченію Кубани и ея притоковъ.

Въ дальнѣйшихъ извѣстіяхъ нашей лѣтописи упоминаются ясы въ 1-й четверти XII вѣка. Въ лѣто 6624 (1116) Яро-

полкъ Владиміровичъ „ходи на Половѣцкую землю, к рѣцѣ зовомѣй Донъ, и ту взя полонъ многъ, и 3 города взя Половечскыѣ: Галинъ, Чешюевъ и Сугровъ, и приведе с собою Ясы, и жену полони Ясыню“. Такъ чигается въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи. Въ Ипатскомъ же это извѣстіе записано нѣсколько иначе: „Въ се же лѣто посла Володимеръ сына своего Ярополка, и Давыдъ сына своего Всеволода, на Донъ, и взяша три грады: Сугровъ, Шаруканъ, Балинъ. Тогда же Ярополкъ приведе собѣ жену, красну вельми, Яскаго князя дщерь, полонивъ“.

Оставляя въ сторонѣ города Балинъ (иначе Галинъ) и Чешюевъ (иначе Чевшлюевъ), которые не упоминаются въ другихъ мѣстахъ лѣтописи, мы можемъ отмѣтить, что города половецкіе Шаруканъ и Сугровъ стояли на Дону, въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга ¹⁾. Въ этихъ то мѣстахъ, слѣдовательно на Дону, Ярополкъ беретъ въ плѣнъ дочь яскаго князя и уводитъ съ собою полоненныхъ ясовъ. Спрашивается, какъ объяснить присутствіе ясовъ въ половецкихъ городахъ: было ли здѣсь поселеніе яское на землѣ половецкой, конечно, подчиненное половцамъ, или ясы, взятые Ярополкомъ, случайно попали къ половцамъ, какъ плѣнники или заложники? У насъ нѣтъ *точныхъ* данныхъ для рѣшенія этого вопроса, но въ видѣ догадки выскажемъ слѣдующее. Во 1-хъ, факты лингвистическіе, которые будутъ приведены въ III главѣ, несомнѣнно доказываютъ, что по нижнему теченію Дона дѣйствительно нѣкогда жили иранцы, предки нынѣшнихъ осетинъ; во 2-хъ, самое названіе *Донъ*, — какъ мы выше упоминали, есть несомнѣнно названіе яское и означаетъ *воду* и *рѣку*; въ 3-хъ, Святославъ въ 965 году разбилъ ясовъ гдѣ то около Дона; въ 4-хъ, названіе города *Сугрова* легко поддается истолкованію изъ осетинскаго языка: оно, кажется, ничто иное, какъ нѣсколько прилаженное къ русскому произношенію имя сурх гäу т. е. *красное село*; причемъ группа согласныхъ рхг, или при быстромъ произношеніи рг, была, согласно съ свойствами русскаго языка, переставлена въ *ир*; въ 5-хъ, ясыня-красавица, приведенная Яро-

¹⁾ Срав. извѣстіе о походѣ на половецъ 1111 года, когда русскіе, взявъ Шаруканъ, на другой день пошли на Сугровъ и сожгли его, а на третій ушли съ Дона.

полкомъ, была не простая плѣнница, которую можно было взять въ наложницы, а дочь яскаго князя (какъ свидѣтельствуеъ Ипатская лѣтопись), и стала законной женой сына Мономахова; поэтому то она и попала въ извѣстіе лѣтописи. Притомъ съ нею были приведены и другіе ясы („приведе съ собою ясы“), хотя неизвѣстно, въ какомъ числѣ, но вѣроятно въ значительномъ, потому что взятіе въ числѣ добычи двухъ трехъ плѣнниковъ, конечно, слишкомъ ничтожный фактъ, чтобъ быть занесеннымъ въ лѣтопись. Изъ всего этого, кажется, можно вывести, что на Дону подъ властью Половцевъ еще въ 1116 году было яское поселеніе, какъ послѣдній остатокъ яскаго элемента, сидѣвшаго здѣсь еще во времена процвѣтанія греческой колоніи Танаиды, основанной на территоріи Асовъ (Сарматовъ).

Подъ 1175 годомъ, въ Лаврентьевскомъ спискѣ, въ разсказѣ объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, упоминается въ числѣ убійць *Анбалъ ясинъ ключникъ*. Отмѣтимъ, что имя Анбалъ чисто осетинское: *Анбал* или *амбал* значитъ *товарищъ, спутникъ*.

Подъ годомъ 1223, въ разсказѣ о появленіи татаръ, лѣтописецъ, говоря о происхожденіи этого новаго непріятеля, прибавляетъ: „И мы слышахомъ, яко многы страны поплѣниша, *ясы*, обезы (абасговъ), касогы, и половець безбожныхъ множество избиша“...

Эта краткая замѣтка о подчиненіи ясовъ вмѣстѣ съ другими кавказскими народами татарамъ согласуется, какъ мы выше видѣли, съ извѣстіями грузинскими о томъ же событіи. Тѣмъ неожиданнѣе представляется послѣднее извѣстіе о ясахъ, встречающееся въ нашей лѣтописи (по Академическому списку) подъ 1277 и 78 годами, т. е. чрезъ 55 лѣтъ послѣ покоренія ясовъ татарами: „Въ лѣто 6785. Преставися Борисъ Васильковичъ в татарехъ, Дмитрій же съ матерью принесе тѣло отца своего в Ростовъ. *А князи вся поидота на ясы*. Въ лѣто 6786. Оженися Михаило Глѣбовичъ. Того же лѣта *приидоша князи ис татаръ, побѣдивше ясы*“.

Нѣтъ сомнѣнія, что русскіе князья воевали съ ясами по приказанію татаръ, владѣвшихъ въ это время Кавказомъ. Вѣроятно ясы, пользуясь неприступностью своихъ южныхъ предѣловъ, отказывали татарамъ въ повиновеніи и послѣдніе направили противъ нихъ русскихъ князей. Какъ въ данномъ

случаѣ русскими князьями, такъ почти одновременно татары пользовались войскомъ грузинъ, которое они въ правленіе въ Грузіи царя Димитрія II (1273—1283) отправляли въ Гилянъ, чтобы принудить эту область платить дань, и въ Египетъ, противъ султана Насиръ-Мелика ¹⁾). Къ сожалѣнію, о томъ что совершалось въ это время на сѣверѣ Кавказа, на территоріи оссовъ, не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній грузинская лѣтопись, такъ что мы не имѣемъ никакихъ средствъ провѣрить извѣстіе нашей лѣтописи о походѣ русскихъ князей (вмѣстѣ съ татарами) на ясовъ, кончившемся пораженіемъ послѣднихъ. Замѣтимъ только, что при этомъ походѣ упоминается яскій городъ Деяковъ ²⁾), или Тетяковъ, котораго мѣстоположеніе до сихъ поръ не удается выяснить. Карамзинъ, впрочемъ, безъ всякихъ основаній, отождествлялъ этотъ городъ съ Дивеномъ или Дедукомъ въ южномъ Дагестанѣ ³⁾); но нѣтъ никакихъ указаній на то, что ясы жили въ этой области. Въ Воскресенской лѣтописи (II, 291) встрѣчаются нѣкоторыя, хотя и глухія, указанія на мѣстоположеніе Тетякова: „за рѣкою Теркомъ на рѣцѣ Севенцѣ, подъ городомъ подъ Тетяковымъ, минуше горы высокія, яскія и черкаскія, близъ воротъ желѣзныхъ“; и такія же выраженія встрѣчаются въ сказаніи объ убіеніи въ Ордѣ Михаила Тверскаго (1318): „бывшую же блаженному въ тяготѣ дній 26, за рѣкою Теркомъ, на рѣцѣ Севенцѣ, подъ городомъ подъ Тетяковымъ ⁴⁾). Если дѣйствительно Деяковъ былъ яскій городъ, то имя его могло случайно получить *русскій* видъ. Вѣроятно, осетинское названіе этого города или селенія было сложное со словомъ *qäy* — село, какъ названіе многихъ осетинскихъ ауловъ (напр. Дäлаг-qäy, Дäвагi-qäy). Клапротъ, въ своей статьѣ о тождествѣ осетинъ съ аланами ⁵⁾), не соглашаясь съ отождествленіемъ Деякова съ Дивеномъ или Дедукомъ, замѣчаетъ, что нѣтъ необходимости разумѣть подъ желѣз-

¹⁾ См. Brosset, — Histoire de la Géorgie etc. I pp. 592 и 595.

²⁾ См. Полное собраніе р. лѣтоп. VII, 173: приступиша русскіи князя къ ясскому городу къ славному Деякову.

³⁾ Ист. Госуд. Россійскаго IV примѣч. 157.

⁴⁾ Ibid. примѣч. 234.

⁵⁾ Sur l'identité des Ossètes avec les Allains, см. Potocki, — Histoire primitive etc. p. 339.

ными вратами Дербендъ, такъ какъ этотъ городъ не единственное мѣсто, носившее названіе „жельзныхъ воротъ“. Последнее названіе дается нѣкоторымъ другимъ укрѣпленнымъ проходамъ Кавказскаго хребта и именно Даріальскимъ воротамъ ¹⁾. Что касается Севенца, то это тюрко-персидское названіе рѣки Сунджи, впадающей въ Терекъ. Такъ Севенджемъ называется эту рѣку Шерифъ-еддинъ въ исторіи Тимура. Итакъ городъ Деяковъ, лежащій за Терекомъ, близъ Сунджи и Даріальскихъ воротъ, „минувше горы высокія, яскія и черкасскія“, долженъ былъ находиться приблизительно тамъ, гдѣ былъ основанъ Владикавказъ, въ мѣстности соединяющей всѣ эти условія, такъ какъ она лежитъ за Терекомъ и въ нѣсколькихъ миляхъ на западъ отъ Сунджи и на сѣверъ отъ Даріала ²⁾. Это замѣчаніе намъ кажется основательно. Въ рассказѣ о перевезеніи тѣла Михаила Тверскаго на Русь упоминается другой „яскій“ городъ Бездежь, въ которомъ находилась христіанская церковь ³⁾. Гдѣ слѣдуетъ искать этотъ городъ, лежавшій гораздо западнѣе Деякова, — объ этомъ, въ виду полного отсутствія топографическихъ указаній, мы не можемъ представить никакихъ соображеній.

Глава III.

Вопросъ о времени поселенія предковъ осетинъ на сѣверъ Кавказа. Древность иранскаго элемента населенія на Дону и въ припонтійскихъ странахъ. Иранскія топографическія названія. Иранскія имена въ греческихъ надписяхъ изъ припонтійскихъ колоній. Доказательства тому, что иранскій языкъ, засвидѣтельствованный этими надписями, былъ предкомъ осетинскаго языка. Народность сарматовъ. Заключение.

Изъ обзора историческихъ извѣстій о территоріи, занятой оссами, аланами, представленнаго нами въ двухъ предыду-

¹⁾ Вѣроятно Даріальскія врата слѣдуетъ видѣть въ извѣстномъ эпическомъ началѣ Галицко-волынской лѣтописи, гдѣ говорится, что Романъ „ревноваше дѣду своему Мономаху, погубившему поганыхъ измаилтяны, рекомыхъ Половци, изгнавшю Отрока во Обезы за жельзныя врата“. Дербендскія врата слишкомъ далеки отъ Обезовъ (Абазиновъ).

²⁾ Замѣтимъ, что осетины называютъ Владикавказъ Дзауагі-гѣу или Дзауаігѣу, по осетинскому аулу. Дзауаг — собственное личное имя. Къ сожалѣнію о времени основанія этого аула мы не имѣемъ свѣдѣній.

³⁾ Карамзинъ, IV, примѣч. 238.

щихъ главахъ, можно вывести, что въ первые вѣка нашей эры предки современныхъ осетинъ жили въ кочевомъ быту, можетъ быть, кое гдѣ перешедшемъ уже въ осѣдлый, на обширной сѣверо-кавказской равнинѣ, доходя на югѣ до главнаго хребта и Даріальскаго ущелья, а на западѣ до Мэотиды и нижняго теченія Дона. Опредѣливъ такимъ образомъ, конечно приблизительно, древнѣйшую территорію оссовъ, мы должны поставить другой вопросъ, — вопросъ о времени поселенія предковъ осетинъ на сѣверной кавказской равнинѣ. Конечно, нельзя ожидать, чтобы возможно было хотя бы приблизительно опредѣлить это время; но для насъ важенъ этотъ вопросъ въ слѣдующей формѣ: принадлежали ли предки нынѣшнихъ осетинъ къ такимъ народамъ, которые, подобно гуннамъ, аварамъ, хазарамъ, мадьярамъ, болгарамъ, печенѣгамъ, половцамъ, татарамъ, въ историческое время изъ предѣловъ Азіи вторгались въ восточную Европу и нѣкоторое время занимали припонтійскія земли, — или же поселеніе иранцевъ ясовъ (оссовъ) въ названныхъ мѣстахъ относится къ доисторическому періоду.

Совокупность всѣхъ данныхъ указываетъ, по нашему мнѣнію, на то, что предки нынѣшнихъ осетинъ явились изъ Азіи въ восточную Европу еще въ доисторическія времена. Несомнѣнныя свидѣтельства языка доказываютъ, что осетины принадлежатъ къ народамъ иранской группы арійской вѣтви индоевропейской семьи, къ той обширной группѣ, къ которой въ древности принадлежали мидяне, персы, а въ настоящее время принадлежатъ персіане, афганцы, курды, талышцы, таты, белучи, таджики въ средней Азіи, и нѣкоторыя памирскія племена. Къ той же группѣ иранскихъ народовъ относятъ съ большою вѣроятностью кочевыя племена, которыя въ глубокой древности подъ названіемъ саковъ, массагетовъ, сарматовъ и отчасти скивовъ бродили по необозримымъ равнинамъ Турана (на сѣверъ отъ Яксарта и Оксуса) и въ степяхъ юго-восточной Россіи. Всѣ извѣстные въ наукѣ иранскіе языки сводятся къ основному иранскому праязыку, представляющемуся въ самомъ тѣсномъ родствѣ съ праязыкомъ индійскимъ и восходящему вмѣстѣ съ послѣднимъ къ общему прародителю, который принято называть арійскимъ праязыкомъ. Къ какому времени относится періодъ арійскій и гдѣ слѣдуетъ искать прародину

этого языка — это вопросы, на которые едва ли когданибудь наука будетъ въ состояніи дать положительный отвѣтъ. Столь-же гадательными представляются всѣ до сихъ поръ бывшія предположенія о прародинѣ иранцевъ т. е. того народа, который былъ предкомъ всѣхъ древнихъ и современныхъ иранскихъ народовъ. Лишь одно наблюденіе надъ бытомъ древнихъ иранскихъ народовъ, быть можетъ, даетъ нѣкоторое указаніе на территорію иранской прародины. Мы видимъ, что иранскіе народы въ древности являются въ обѣихъ формахъ быта — осѣдлой и кочевой. Во то время какъ въ сѣверныхъ предѣлахъ древней иранской территоріи, въ равнинахъ Трансоксаніи и юговосточной Россіи, иранцы живутъ въ кочевомъ быту, народы той же вѣтви въ предѣлахъ собственнаго Ирана живутъ уже въ быту осѣдломъ и вслѣдствіе вліянія сосѣдней семитской культуры (Халдеи и Ассиріи) достигли довольно высокой степени гражданскаго развитія (Мидія, Персія при Ахеменидахъ). Историческая память можетъ представить много примѣровъ тому, что племена номадные переходятъ, вслѣдствіе переселенія въ удобную для земледѣлія территорію, къ осѣдлому быту, но едва ли найдутся примѣры для обратнаго перехода, для переменны быта осѣдлаго на кочевой. Отсюда, кажется, можно сдѣлать тотъ выводъ, что и движеніе иранцевъ, сопровождавшееся измѣненіемъ быта, происходило съ сѣвера на югъ, изъ Турана въ Иранъ, и что древнѣйшую родину иранцевъ слѣдуетъ искать въ сѣверныхъ степяхъ, обширной территоріи кочевниковъ. Прилагая это соображеніе къ предкамъ современныхъ осетинъ, какъ бы они ни назывались въ древности, мы должны заключить, что они нѣкогда пришли въ древнѣйшія мѣста своего поселенія на сѣверо-кавказской равнинѣ и въ юговосточной Россіи не изъ собственнаго Ирана, не изъ Персіи, Мидіи, а изъ мѣстъ болѣе сѣверныхъ и болѣе близкихъ къ иранской прародинѣ. Къ такому же заключенію, какъ мы видѣли въ 1-й главѣ, приводитъ и разборъ нѣкоторыхъ культурныхъ словъ осетинскаго языка, особенно названій металловъ (см. стр. 11). Этой сравнительной близостью къ прародинѣ, конечно, въ связи съ отсутствіемъ культурнаго движенія, объясняется и архаичность осетинскаго языка, который въ своей фонетикѣ, и въ формахъ представляетъ между всѣми живыми иранскими языками черты

наибольшей старины и занимаетъ среди этихъ языковъ приблизительно такое же положеніе, какое занимаетъ языкъ литовскій среди *живыхъ* европейскихъ языковъ. Является вопросъ, къ какому же времени восходитъ образованіе въ общемъ иранскомъ праязыкѣ діалектовъ, среди которыхъ былъ и предокъ осетинскаго языка. Конечно, и на этотъ вопросъ нельзя дать положительнаго отвѣта, но все же нѣкоторое понятіе объ этомъ времени можно себѣ составить по слѣдующему соображенію. Хотя древнѣйшіе памятники языка древнеперсидскаго дошли до насъ въ надписяхъ Ахеменидовъ и не восходятъ ранѣе 6-го вѣка, а древнѣйшіе памятники языка Авесты, въ дошедшей до насъ редакціи, относятся еще къ болѣе позднему времени, однако нѣтъ сомнѣнія, что эти оба иранскіе языка — древнеперсидскій и авестійскій ¹⁾ — существовали уже по крайней мѣрѣ за тысячелѣтіе до Р. Х. Несомнѣнно, что одновременно съ ними уже существовалъ, какъ отдѣльный языкъ, предокъ и современнаго осетинскаго языка, такъ же какъ и другіе древніе вымершіе иранскіе языки, отъ которыхъ мы не имѣемъ памятниковъ письменности и которые были предками современныхъ новопранскихъ языковъ. Такимъ образомъ, періодъ, въ которомъ, на примѣръ, предокъ древнеперсидскаго языка еще совпадалъ съ предкомъ будущаго осетинскаго, т. е. періодъ праиранскій, долженъ быть отнесенъ еще за много вѣковъ до 1-го тысячелѣтія, предшествовавшаго христіанской эрѣ.

Исходя изъ убѣжденія, вполне вѣроятнаго для всякаго лингвиста, что предокъ осетинскаго языка уже существовалъ по меньшей мѣрѣ за тысячелѣтіе до Р. Х., мы можемъ вывести отсюда и другое заключеніе, припомнивъ обычный ходъ развитія языковъ. Языкъ, на которомъ говорятъ въ предѣлахъ обширной территоріи сотни тысячъ людей, естественно распадается на діалектическіе оттѣнки, которые представляютъ почти неуловимые переходы отъ одного къ другому. Таковы, чтобъ ограничиться однимъ близкимъ примѣромъ, переходные говоры между дигорскимъ и иронскимъ нарѣчіемъ осетинскаго языка. Если, въ силу историческихъ причинъ, территоріальное общеніе между говорами извѣстнаго

¹⁾ Одни ученые считаютъ языкъ религіи Заратустры языкомъ мидійскимъ, другіе — древнебактрійскимъ.

языка нарушается, напимѣръ, если представители какого нибудь говора выселяются на другія мѣста, покидая родину, то говоръ, на которомъ они говорятъ, въ теченіе времени пріобрѣтаетъ такіа фонетическія и морфологическія черты, что по отношенію къ основному языку становится уже нарѣчіемъ, а затѣмъ въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія уже можетъ быть названъ отдѣльнымъ языкомъ. Намѣченный ходъ появленія отдѣльныхъ языковъ изъ общаго праязыка, конечно, прилагается и къ предку осетинскаго языка. Предки осетинъ обособились по отношенію къ языку только тогда, когда уже втеченіе значительнаго времени находились въ территоріальной обособленности отъ иранской прародины; другими словами, уже задолго до 1-го тысячелѣтія до Р. Х. сѣверный иранскій языкъ, изъ котораго произошелъ осетинскій, не находился уже въ территоріальной связи съ языкомъ, напимѣръ, южно-иранскимъ, изъ котораго вышелъ древнеперсидскій языкъ. Конечно, еслибъ до насъ дошли письменные памятники осетинскаго языка отъ того же времени, къ которому восходятъ памятники древнеперсидскаго, то мы увидѣли бы между тѣмъ и другимъ языкомъ несравненно большую близость, чѣмъ между современнымъ осетинскимъ и древнеперсидскимъ; но во всякомъ случаѣ уже въ то время между ними должно было существовать такое различіе, которое давало бы право считать оба языка за отдѣльные иранскіе языки, а не только за два діалекта одного языка.

Въ виду этой лингвистической хронологіи, конечно относительной, намъ кажется невозможнымъ допустить предположеніе, что предки осетинъ лишь въ средніе вѣка явились на Кавказѣ и Меотидѣ. Они должны были уже занимать эти мѣста въ то время, когда вслѣдствіе не раскрытыхъ исторіей событій, совершившихся въ Средней Азіи, началось сильное движеніе въ Европу тюркскихъ кочевниковъ, которымъ отмѣчены первыя столѣтія нашей эры: мы говоримъ объ эпохѣ великаго переселенія народовъ. Иранская рѣчь еще слышалась на низовьяхъ Дона, берегахъ Меотиды и Сѣверномъ Кавказѣ, въ то время когда въ юго-восточныхъ степяхъ Россіи показались полчища гунновъ, за которыми безконечной вереницей потянулись другіе азіатскіе кочевники, захватившіе въ своемъ движеніи и угрскія племена.

Высказанное нами убѣжденіе въ древности поселенія предковъ осетинъ въ Европѣ, подтверждается не одними лингвистическими соображеніями только что изложенными. Изъ обзора историческихъ извѣстій объ оссахъ мы видимъ, что этотъ народъ извѣстенъ своимъ южнымъ сосѣдямъ на Кавказѣ, грузинамъ, съ тѣхъ поръ, какъ послѣдніе помнятъ самихъ себя. Уже при началѣ первой грузинской династіи—Фарнавазидовъ (въ III в. до Р. Х.), оссы изображаются, въ грузинскихъ анналахъ, могущественными союзниками грузинъ. Поселеніе оссовъ на Кавказѣ восходитъ, по грузинскому воззрѣнію, къ миѳическимъ временамъ: ихъ миѳическій родоначальникъ Уовосъ такъ же древенъ, какъ родоначальникъ грузинъ. Мы выше видѣли, что нельзя искать исторической достовѣрности въ раннихъ частяхъ грузинскихъ annalъ: но все же нужно допустить, что появленіе оссовъ на Кавказѣ восходитъ къ глубокой древности, такъ что не могло сохраниться въ историческихъ традиціяхъ ихъ южныхъ сосѣдей. Съ другой стороны поселеніе алановъ (въ составъ которыхъ должны были входить предки осетинъ), на Кавказѣ, по свѣдѣніямъ сообщаемымъ классическими и средневѣковыми писателями, также восходитъ въ глубь вѣковъ. Уже Аполлинарій Сидонскій ¹⁾ упоминаетъ *saucasigenas alanos*, и Іосифъ Флавій, какъ мы видѣли выше, говоритъ объ аланахъ на Дону и берегахъ Мэотиды. Въ какое время они появились въ этихъ мѣстахъ, объ этомъ такъ же мало извѣстно западнымъ писателямъ, какъ неизвѣстно грузинскимъ лѣтописцамъ время поселенія оссовъ на Кавказѣ.

Помимо историческихъ указаній на древность алановъ близъ Мэотиды и Дона, есть другія указанія, имѣющія для насъ несравненно большую цѣну, къ разсмотрѣнію которыхъ мы переходимъ теперь. Сюда мы относимъ, во-первыхъ, иранскія топографическія и этническія названія, упоминаемыя классическими писателями въ названныхъ мѣстахъ и на побережьи Понта; во вторыхъ, иранскія личные имена, встрѣчающіяся въ значительномъ количествѣ въ греческихъ надписяхъ, найденныхъ въ мѣстностяхъ древнихъ греческихъ колоній—Тираса, Ольвіи, Пантикапеи, и особенно Танаиды ²⁾.

¹⁾ Epist. 4. 1.

²⁾ Сообщаемое нами ниже представляетъ извлеченіе изъ нашего изслѣдованія „Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи“, помѣщеннаго въ сентябр. книжкѣ Ж. М. Н. Прос. за 1886 г.

Вотъ нѣкоторыя изъ топографическихъ иранскихъ названій, сохраненныхъ древними писателями.

Анонимный компиляторъ, составившій *periplus* Понта изъ разныхъ источниковъ, вставилъ замѣтку, что Θεοδοσία на *аланскомъ* или *таврійскомъ* языкѣ называлась 'Αρδαβδα, τοῦ-τέστιν ἑπτὰθεός (т. е. семи божный). Хотя нельзя вполне полагаться на точность передачи греками *значенія* варварскихъ именъ; но въ данномъ случаѣ по крайней мѣрѣ половина этого сложнаго имени дѣйствительно означаетъ *семь*. Уже Мюлленгофъ ¹⁾ сопоставилъ αβδα съ авестійскимъ *hapta*—ἑπτὰ и отмѣтилъ несомнѣнное иранство этого слова, выражающееся въ томъ, что индоевропейское начальное *s* (санскр. *sapta*, лат. *septem*, *седмь* и т. д.) перешло въ *h*. Но слѣдуетъ замѣтить, что изъ иранскихъ языковъ именно *осетинскій* представляетъ въ своемъ числительномъ *авд* (семь) форму наиболее близкую къ αβδα. Вторую часть *αρδ-*, которая будто бы значить *θεός*, Мюлленгофъ сопоставилъ съ древне-персидскимъ *arda*, латинск. *arduus*—*высокій*; вмѣстѣ съ тѣмъ Мюлленгофъ измѣняетъ порядокъ слагаемыхъ словъ и предполагаетъ, что какой-нибудь писецъ переставилъ правильное сложеніе 'Αβδαρδα въ 'Αρδαβδα. Согласно съ своей этимологіей *αρδ-*, Мюлленгофъ истолковываетъ названіе 'Αβδαρδα такъ: (городъ) возвышенный семью (богами). Перестановка частей сложнаго имени и намъ кажется необходимою; если передъ нами индоевропейское сложное слово, — а въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться, — то имя числительное должно стоять въ первой части. Что касается *αρδα*, то ни въ одномъ иранскомъ языкѣ оно не значить *θεός*, и потому должно думать, что *значеніе* варварскаго имени не совсѣмъ точно передано чрезъ ἑπτὰθεός; можетъ быть, на такой переводъ повліяло греческое названіе того же города Θεοδοσία (божій даръ). По звукамъ *αρδα* соответствуетъ авест. *агеда*—*сторона*, санск. *ardha*, осет. *ард-аг* (половина) съ позднѣйшемъ суффиксомъ—*аг*, такъ что 'Αβδαρδα могло бы значить *семисторонній*. Конечно, настаивать на этомъ словопроизводствѣ мы не станемъ и только напомнимъ, что, что бы ни значило *arda*, — это слово несомнѣнно иранское, являющееся, какъ вторая часть сложенія въ именахъ горо-

¹⁾ Ueber die Herkunft und Sprache der pontischen Scythen und Sarmaten, въ Monatsbericht der K. Preuss. Akad. d. W. стр. 564.

довъ; напримѣръ, въ названіи города *Вху́рда* (божья сторо-
на?), упоминаемаго Птолемеємъ ¹⁾ въ Паропамисѣ, т. е. въ
предѣлахъ несомнѣннаго иранства. Последнее названіе еще
болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что *арда* стояло не въ на-
чалѣ, а въ концѣ сложенія.

Другой городъ, основанный въ Крыму, повидимому, иран-
цами, былъ *Σουδαῖα* или нынѣшній Судакъ, котораго назва-
ніе объясняется изъ иранскаго **suḍa*—чистый, святой; срав.
осетинск. *су́гдаг*—святой ²⁾. Это прилагательное мы нахо-
димъ въ названіи страны и главнаго города древнихъ иран-
скихъ *согдіянъ*, въ Авестѣ *Suḍa*, въ древне-персидскихъ
клинописныхъ текстахъ *Suguda* (у Птолемея *Σούδια* ³⁾).

Третье топографическое названіе, которому можно дать
иранскую этимологию, упоминается *Плутархомъ*. Этотъ пи-

¹⁾ 6, 18, 5.

²⁾ Замѣтимъ, что современное названіе Судакъ содержитъ суффиксъ,
сохранившійся въ осетинскомъ словѣ *су́гдаг*. Броневскій называетъ этотъ
городъ *Сидагіосъ*.

³⁾ Въ связи съ иранскими именами *Θεοδосίη* и *Судака* можно привести
нѣсколько историческихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что въ
этихъ иранцахъ слѣдуетъ видѣть алановъ. Такъ, по словамъ арабскаго
географа Абульфеда, въ Крыму, въ Киркерѣ, области, находившейся въ
сосѣдствѣ съ Судакомъ (см. Брунъ, Черноморье, II. 136), обиталъ на-
родъ *ol As*. Къ этимъ крымскимъ, христіанскимъ аланамъ обращено по-
сланіе епископа *Θεοδора*, на которое обратилъ вниманіе академикъ А. А.
Куникъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ упоминаются аланы во 2-й половинѣ XIII
вѣка. „Посланники, отправленные въ 1263 г. египетскимъ султаномъ
Бибарсомъ къ Беркехану и приставшіе къ судацкому порту, свидѣтель-
ствуютъ, что они, достигнувъ вершины горы, были встрѣчены намѣстни-
комъ этой области Табукомъ или Таюкомъ, и что этотъ чиновникъ про-
вожалъ ихъ до города *Крыма* (Солкатъ), населеннаго кипчаками, рус-
скими и аланами“ (Брунъ, назв. соч. II. 137). Немногочисленные остатки
алановъ въ Крыму сохраняются еще въ XIV в. По указанію проф. Бруна,
„это явствуетъ изъ письма Марино Санудо къ французскому королю Фи-
липпу VI отъ 13 октября 1334 г., гдѣ къ народамъ, зависѣвшимъ отъ
Татаръ, причислены Готы съ небольшимъ числомъ *алановъ* (*Gothi et aliqui
Alani*) въ *Галгаріи*, т. е. въ *Газаріи*, (*Хазаріи*, Крыму); далѣе изъ того,
что еще въ 1384 году въ числѣ спорныхъ между митрополитами херсон-
скимъ и готѣйскимъ приходовъ упоминается *аланійскій*, и что наконецъ
Барбаро не безъ основанія могъ сказать, что *Аланія* простиралась отъ
крымскихъ горъ или *Готіи* до *Монкастро*, т. е. до Аккермана“ (стр. 137).

сатель (flum. p. 54) говоритъ, что къ рѣкѣ Танаису прилежитъ гора, называемая на *туземномъ* языкѣ Вриксава (Вρίξαβα), что истолковывается по гречески бараний лобъ (κριοῦ μέτωπον). Нужно замѣтить, что, повидимому, у грековъ названіе κριοῦ μέτωπον прилагалось къ горамъ известнаго вида, напомнимъ баранью голову. Такъ, κριοῦ μέτωπον назывался мысъ на юго-западномъ берегу Крита (нынѣ Саро Сгіо) и мысъ на южномъ берегу Тавриды (нынѣ Аюдагъ). Мы упоминаемъ это для того, чтобъ объяснить не совсѣмъ точный переводъ второй части сложнаго имени *Вриксава*, которая, по нашему толкованію, значить не *лобъ* а *рогъ*. Въ первой части *врик*—мы видимъ осетинское слово йәрігк — барашекъ, а во второй *сава* — осет. сіуә — *рогъ* (срав. авест. sr̥ga-га — рогатый, н.-п. siṛū — рогъ); йәрігсіуә — значить рогъ барашка. Конечно, очертанія верхушки горы легко могли напомнить шишки или зачатки роговъ на головѣ барашка.

У Плинія (Н. Н. VI, 7) въ Сарматіи, близъ Танаиса, упоминается народъ *Dandarii*¹⁾. Въ этомъ названіи не трудно признать иранскія слова: *dānu — рѣка, сравн. авест. dānu, осет. дон, и глаголѣ *dar — держать (санскр. dhar, др.-перс. dar, осет. дар-ун), по осетински *дондар* значило бы „водо-держецъ“; такъ могли быть названы береговые жители, „бреговичи“.

Птолемей (V, 9, 5. 28) называетъ въ Азіатской Сарматіи рѣку *Варданъ* (Οὐαρδάνης), которую Укертъ²⁾ считаетъ южнымъ рукавомъ Кубани. Названіе Οὐαρδάνης также звучитъ по ирански, хотя относительно этимологіи является нѣкоторое затрудненіе, именно въ томъ, считать-ли его за сложное или за простое. Въ первомъ случаѣ, во второй части — δάνης — не трудно найти иранск. dānu (осет. дон) *рѣка* (срав. осет. названія рѣкъ, сложенные съ этимъ словомъ, напри-мѣръ: *Фіаг-дон*, *Гізел-дон*, *Айра-дон*, *Кобан-дон*, *Цей-дон* и друг.); первая часть напоминаетъ авест. vāga — *дождь* (ср. осет. йар-ун — дождить), такъ что Οὐαρδάνης могло бы значить *дождевая вода* или *рѣка* и прилагалась бы къ руслу, высыхающему во время жаровъ и наполняющемуся во время дож-

¹⁾ Такъ же называется одинъ народъ на восточномъ берегу Чернаго моря у Тацита (Анналы XII, 15).

²⁾ *Skythien*—III. 2, p. 202.

дей. Если же Οὐαρδάνης имя несложное, то можетъ восходить къ иранск. корню *vard*, авест. *vared* — увеличивать, *vareda* — растущій, срав. санскр. *vardh*, и др. перс. *vardana* — городъ. Названіе упоминаемаго въ Ольвійскихъ надписяхъ народа *Σαυδαράται* звучитъ совершенно по осетински: саудар — значитъ носящій черное платье, — таи окончанія мн. ч. — осет. та, такъ что *Σαυδαράται* по значенію соотвѣтствуетъ *Μελάγυχλαιοι* (отъ сау — черный, и дар — держащій).

Ограничиваясь этими примѣрами иранскихъ топографическихъ названій ¹⁾, переходимъ къ разсмотрѣнію иранскихъ личныхъ именъ, встрѣчающихся въ значительномъ количествѣ въ греческихъ надписяхъ понтійскихъ колоній. Благодаря обязательности В. В. Латышева, извѣстнаго знатока классической эпиграфики и издателя древнихъ надписей сѣвернаго побережья Понта Эвксинскаго греческихъ и латинскихъ, ²⁾ мы имѣли въ своемъ распоряженіи около 425 варварскихъ именъ, встрѣчающихся въ этихъ надписяхъ. Между этими именами лингвистическій анализъ обнаружилъ значительное количество именъ иранскихъ, причемъ наибольшій процентъ послѣднихъ приходится на имена ольвійскія и танаидскія. Такъ изъ сотни ольвійскихъ варварскихъ именъ, по нашему счету, нѣсколько менѣе половины поддается объясненію изъ иранскаго, а изъ 160 танаидскихъ значительное большинство (болѣе 100) носятъ яркіе признаки иранскаго происхожденія ³⁾. Отсылая читателей за подробностями къ нашей статьѣ, приведемъ здѣсь изъ числа разобранныхъ нами именъ лишь нѣкоторыя, поддающіяся легче другихъ объясненію изъ иранскихъ языковъ:

Ἰέζδ-αγ-ος: въ *Ἰέζδ-* мы видимъ названіе божества или высшаго духа; срав. авест. *yazata*, парсійск. *yazd*, н. пер. *yäzd-ān* — Богъ, осет. *izäd* — небесный духъ; то же слово встрѣчается въ сложномъ имени *Ἰέζδραδος*, которое можетъ значить: *Божій даръ* или *Богомъ данный*; срав. осет. *izäd-радт* (Богомъ данный) и авест. *gādanh* — даръ.

¹⁾ Для другихъ названій см. нашу статью стр. 241 и 242, и срав. еще этимологию названія Дона и города Сугрова (выше стр. 67).

²⁾ *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae* t. I.

³⁾ См. наше изслѣдованіе, стр. 266 и 267.

- Φίδας = осет. фидä, *отецъ*, авест. pita.
- Φούρτας = осет. фурт — *сынъ*; срав. сложное имя Радамб-φούρτος = *сынъ Радама*.
- Λείμανος = осет. лимän — *другъ, милый*.
- Φόσακος = осет. фусаг — *родный въ овцы*, отъ фусä — овца.
- Φόρος = осет. фур — *баранъ*.
- Σόρχακος = осет. сурх — *красный*, сурхаг — id.
- Σιάακος: срав. иранск. *syāva *черный*, осет. сау, ново-перс. siyāh.
- Ῥάσογος — срав. осет. расог — *чистый*.
- Ναύαγος и Ναύακος — ср. осет. нăуăг — *новый*, авест. нава. Для полной убѣдительности сравненія слѣдуетъ замѣтить, что до сихъ поръ Нăуăг одно изъ употребительныхъ въ Осетіи мужскихъ именъ.
- Νάρκητος, ср. осет. номгін — *именитый*.
- Ξάρθανος — отъ иранск. xšaθra — *мощь, сила* и суффикса — ана: срав. авест. — xšaθra, осет. ä-хсарт — *сила, подвигъ*.
- Ἄρδαρος — ср. осет. дигорск. äрдар — *старшина*.
- Ζάρανδος — ср. осет. зäронд. — *старый*.
- Ἰνσάζακος: иранское числительное для *двадцати* * vinsati должно было по спеціальнымъ звуковымъ законамъ осетинскаго языка лишиться начальнаго v и измѣнить ti въ ġ и затѣмъ въ д, то есть, получить видъ insadz, совпадающій съ разбираемымъ именемъ, которое по значенію соотвѣтствуетъ латинскому Vicentius. По спеціальному закону дигорскаго діалекта осет. языка, конечное ġ перешло въ j и далѣе въ i; отсюда объясняется дигорская форма этого слова insäi; въ иронскомъ же говорѣ начальное i перешло въ v (ы) и затѣмъ исчезло, а n (русск. н), ассимилируясь звуку s, вызвало его удвоеніе; этимъ объясняется иронская форма ссад. Такимъ образомъ, форма Ἰνσάζ есть предокъ обѣихъ осетинскихъ формъ.
- Βώρακος: отъ осет. бор — *бурый, сивый, желтый*, съ наставкой -ак.
- Γώσακος можетъ быть образовано съ той же наставкой отъ иранск. корня gauš — *слышать*; срав. осет. i-ġос-ун, *слышать*, ġос — *ухо*; по дигорски iġосаг значить *хорошо слышущій, чуткій*.
- Κάσακος и Κάσαγος: если это имя не взято отъ названія народа касоговъ, по осет. кăсăг — *черкесь*, то можетъ быть

сопоставлено съ осет. кăсаг — производнымъ именемъ отъ глагола кăс-ун — *смотреть*: кăсаг значить *зорчій, зоркій*.

Фάρναγος, Фарνάχης сводятся къ иранскому farna. Въ осет. языкѣ фарн значить: *миръ, счастье, обиліе*; фарнаг осă — *приносящая счастье жена*; имя Фарнуг встрѣчается доселѣ въ осет. обрядовыхъ текстахъ.

Ἀσπαχος отъ иран. aspa — *конь*; ср. авест. aspa, н. пер. asb, осет. афсă — *кобыла* и др.

Βραδάχης можетъ быть сведено къ иранскому *brātaka „*братецъ*“; срав. авест. brātā, н.-перс. bāgādār, осет. арвадă — *родственникъ*.

Βένζει, — зват. пад. отъ женск. имени, напоминаетъ дигорск. біндă, иронск. бунд — *пчела*, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что у осетинъ до сихъ поръ употребительно женское имя Біндă, даваемое дѣвочкамъ какъ будущимъ соперницамъ пчелъ по трудолюбію.

Σπαδάχης и Σπάδαχος сопоставляются съ авест. spāda — *войско*, др.-перс. spāda, ново-перс. sipāh, осет. афсад; Σπαδάχης, вѣроятно, значить *воинъ*.

Имена Βάγης, Βάγιος сводятся къ иранскому *baγa или bāγa, сравн. авест. baγa — *богъ*, др.-перс. бага, авест. bāγa — *удѣлъ*, санскр. bhāga — *доля*. Эти слова являются во многихъ персидскихъ собственныхъ именахъ, напримѣръ: Βάγας, Βαγαπάτης, Βαγαῖος и др.

Σάναχος производится отъ корня san, срав. авест. sāna — *разрушеніе*, др.-перс. глаголъ vi+san — *разрушатъ*; въ осет. языкѣ этотъ корень употребляется только съ предлогомъ ам (иранск. ham): ан-сонун — *толкать*; т. о. *Sanaka можетъ значить *поражающій*.

Отсылая за другими простыми именами къ нашему изслѣдованію, упомянемъ нѣсколько сложныхъ именъ, состоящихъ изъ иранскихъ словъ. Таковы:

Ἀβδάραχος = *вододержецъ*, ср. осет. ав — *вода* (въ словѣ ав-дѣу водяной демонъ и глаг. дарун — *держатъ*).

Ἀβνώζος = *водопійца*, ср. осет. нѣаз-ун — *пить*.

Ἀριαράθης, Ἀριαράμνης — имена чисто персидскія: Агуāгаѳа и Агуāгамна; послѣднее носилъ прадѣдъ Дарія Гистаспа.

Βαῖορ-ασπος = *многоконный*, ср. авест. baevare — *большое количество*, 10,000, осет. беурă — *много*.

Βαίβριαιος — „многоискусный“, срав. авест. māya — *искусство, мудрость*.

Στόρ-μας = *великомудрый*, ср. для первой части осет. стур — *великий*.

Φαρνόζαρθος — „мирновластный“.

’Οσ-μάραχος — „женоубійца“, ср. осет. осä — жена и марäг — *убивающий*.

Φανδάραιος — „путеправитель“, срав. осет. фäнд-аг — *путь*, авест. раñta, и глаголъ аразун — *направляютъ* и также обычное осет. пожеланіе: фäндаг раст! *прямой путь* т. е. *будь счастливъ*.

Σαν-δάρζιος „винодержецъ“, срав. осет. сän — *вино*.

Βόρ-απος — „бурокопный“ и мног. друг.

Оставляя въ сторонѣ имена пантикапейскія, изъ которыхъ сравнительно немногія (15 изъ 110) находятъ объясненіе изъ иранскаго, а также имена тирасскія, анапскія и таманскія, дошедшія до насъ лишь въ незначительномъ количествѣ, можно сказать, что слѣды иранскаго элемента всего ярче на нижнемъ Дону, въ Танаидѣ, и затѣмъ на нижнемъ Бугѣ и Днѣпрѣ въ области древней Ольвіи, въ странѣ скиѳовъ земледѣльцевъ. Что касается до иранскаго языка, сохранившагося въ разсмотрѣнныхъ нами названіяхъ, то здѣсь прежде всего обращаютъ на себя вниманіе *два* явленія. Съ одной стороны, значительное большинство иранскихъ именъ (преимущественно танаидскихъ) представляютъ такія звуковыя черты, которыя роднятъ ихъ съ осетинскимъ языкомъ. Съ другой, нѣкоторыя имена совпадаютъ съ древне-персидскими и не могутъ принадлежать поэтому живому иранскому языку, отразившемуся въ именахъ первой категоріи. Въ нашемъ изслѣдованіи мы сдѣлали предположеніе о пути, посредствомъ котораго зашли въ припонтійскія страны чисто персидскія имена ¹⁾ и потому здѣсь не будемъ останавливаться на этомъ вопросѣ, какъ не имѣющемъ прямого отношенія къ предкамъ осетинъ. Для насъ важны въ настоящемъ случаѣ такія иранскія имена, въ которыхъ либо проявляются звуковыя черты осетинскаго языка, либо черты, представляющія древнѣйшую фонетическую ступень этого языка. Обратимъ вниманіе лишь

¹⁾ См. о. с. стр. 277—280.

на нѣкоторыя типическія черты иранскаго языка, сохранившагося въ личныхъ припонтійскихъ именахъ:

1) Арійское *p* (русск. *п*) въ началѣ слова передъ гласнымъ, сохранившееся въ другихъ иранскихъ языкахъ въ видѣ *p*, перешло въ осетинскомъ языкѣ въ звукъ *f*, и то же явленіе находимъ въ разсмотрѣнныхъ личныхъ именахъ; напр.: *Φούρτος* — осет. *фурт* (сынъ), но авест. *puθra*, н.-перс. *pusār*, *pur*; *Φίδας*, осет. *фидä* (отецъ), но авест. *pitā*, н.-перс. *pādār* и друг.

2) Арійское *p*, обратившееся въ иранскомъ передъ *r* въ *f*, въ осетинскомъ совсѣмъ отпадаетъ; то же явленіе въ разсматриваемомъ языкѣ, срав. *Λείμανος* — осет. *лімән* (другъ), отъ иранск. корня **frī* — любить, авест. *frī-ti* — любовь.

3) Начальное *v* передъ слѣдующимъ *i* отпадаетъ въ осетинскомъ и въ разсматриваемомъ языкѣ; срав. *Ἰνσάζαρος*, съ дигорск *insäi* (двадцать), праосетинскимъ **insadz* и авест. *visaiti*, н.-перс. *bīst*.

4) Иранское начальное *h* передъ гласн. *a* исчезаетъ въ обоихъ языкахъ; срав. осет. *авд* (семь), *Ἀβδ-αρδα* съ авест. *hapta*, н.-перс. *häft*.

5) Иранское *r* передъ *i* переходитъ въ осет. въ *l*, и то же явленіе въ разсмотрѣнныхъ нами именахъ *Λείμανος*, *Φαλδάρωνος*; *фал* — иран. **ragi*.

6) Иранское *t* передъ *i* переходитъ въ осет. языкѣ въ *ц* (*цірі* — острый = **tiγra*) и въ *д* на концѣ и передъ звучнымъ (ср. *ссäд* = **vinsati*, *viginti*); подобное же явленіе въ имени *Ἰνσάζαρος* и др.

7) Арійская группа согласныхъ *tr* является въ осетинскомъ въ видѣ *rt* и та же перестановка въ языкѣ надписей; напр.: *Φούρτος*, осет. *фурт*, но авест. *puθra*, *-ζαρθος*, осет. *ä-хсарт*, но авест. *χsaθra*.

8) Иранская группа *χr* перестанавливается въ осетинскомъ и въ иранскихъ именахъ надписей въ *гх*; срав. осет. *сурх* (красный) съ авест. *suχra*, др.-перс. *θuχra* и съ именемъ *Σόρχαχος*.

Ограничиваясь этими немногими явленіями фонетики и отсылая за подробностями къ нашему спеціальному изслѣдованію, упомянемъ еще, что въ иранскихъ понтійскихъ именахъ являются многія весьма употребительныя осетинскія слова. Такъ изъ существительныхъ въ разсмотрѣнныхъ нами име-

нахъ нашлись названія: небснаго духа, демона, отца, сына, головы, жены, старшины, барана, овцы, счастья, пути, года, вина и друг.; изъ именъ прилагательныхъ отмѣтимъ названія: красный, черный, чистый, новый, бурый, строгій, многій и друг.; изъ числительныхъ: семь, двадцать; изъ глаголовъ: держать, убивать, хватать, править и нѣкот. другіе. Нельзя не замѣтить при этомъ, что нѣкоторыя личныя иранскія имена припонтійскихъ надписей оказываются еще доселѣ употребительными у осетинъ, напр.: 'Αβραῦος — Абрѣг, Ναύαρος — Нѣуѣг, Δάδαρος — Дадѣг. Но есть среди припонтійскихъ варварскихъ именъ и такія, которыя, не поддаваясь объясненію изъ иранскаго, тѣмъ не менѣе весьма близки къ современнымъ осетинскимъ, также неизвѣстнаго происхожденія. Сравнимъ, напримѣръ, имя Βάρος съ осет. Баба и Бабо, Βόλας съ осет. Бола, Горγύσας съ осет. Горга, Δάδος съ осет. Додо, Δαδαίος съ осет. Додоі. Конечно, быть можетъ, эти совпаденія случайны, но возможно и то, что осетины сохранили эти имена отъ старины, какъ наслѣдіе тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда ихъ предки жили при Мэотидѣ и Понтѣ, гдѣ эти имена были употребительны, каково бы ни было ихъ происхожденіе.

Припоминая теперь свидѣтельства древнихъ писателей о народахъ, жившихъ близъ Танаиса и Мэотиды, не трудно найти и историческое подтвержденіе факту, добытому путемъ лингвистики, т. е. существованію иранской національности въ этихъ мѣстахъ.

Изъ показаній Геродота извѣстно, что за Танаисомъ жили савроматы, кочевой народъ, говорившій будто бы испорченнымъ скиѳскимъ языкомъ¹⁾. У римлянъ этотъ народъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Sarmatae. Вскорѣ послѣ Геродота, въ концѣ IV вѣка, Скилакъ упоминаетъ сарматовъ на западѣ отъ Танаиса и сауроматовъ на востокѣ отъ него. Въ томъ же вѣкѣ (въ 379 г. до Р. Х.) Евдокъ, цитируемый Стефаномъ Византійскимъ, также указываетъ сарматовъ на западѣ отъ Танаиса. Во времена Геродота савроматы повидимому уступали скиѳамъ, но впослѣдствіи, хотя неизвѣстно когда именно, они, по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго (2, 43), размножившись, опустошили большую часть Скиѳіи, такъ что, по

1) Herod. IV, 117.

показанію Страбона (7, р. 306), вся страна между Дунаемъ и Днѣпромъ занята: гетами, далѣе тирангитами, затѣмъ язигами, сарматами, царскими, ургами, ... а сѣвернѣе, между Днѣпромъ и Дономъ, тянутся роксолане. Птолемей (3,5) помѣщаетъ роксоланъ и язиговъ вдоль по берегу Мѣотиды.

Конечно, нельзя требовать географической точности отъ этихъ писателей, особенно относительно племенъ номадныхъ, перекочевывающихъ въ извѣстное время года изъ одного края области въ другой; но нельзя не отмѣтить, что большинство племенъ, упоминаемыхъ писателями по Танаису, Мѣотидѣ и даже на западъ до Борисфена, представляютъ колѣна одного обширнаго племени сарматовъ. Такъ Страбонъ называетъ сарматами язиговъ, Птолемей тирангитовъ (иначе *Τυριγῆται*, *Τυρρῆγῆται*), Тацитъ — роксслановъ (*sarmatica gens*); Эфоръ считаетъ яксаматовъ сарматскимъ народомъ, и это мнѣніе сохраняется въ анонимномъ „Периплѣ“, а также у Скимна и Стефана Византійскаго.

Къ какой же вѣтви народовъ относили сарматовъ древніе писатели? Конечно, ихъ этнографическія понятія бываютъ часто крайне смутны, но иногда они повторяютъ какое-нибудь народное преданіе о происхожденіи того или другого племени, и такія преданія представляютъ для насъ несомнѣнный интересъ. Такъ, по отношенію къ сарматамъ, Плиній сообщаетъ (6, 7), что, по слухамъ, они родственны съ мидянами: *Tanaim amnem colunt Sarmatae, Medorum, ut ferunt, soboles et ipsi in multa genera divisi*; Діодоръ Сицилійскій (2, 43) прямо утверждаетъ, что савроматы были поселены при Танаисѣ скиѳами, которые вывели ихъ изъ Мидіи.

Еще раньше Геродотъ, вѣроятно на основаніи показаній еракійцевъ, упоминаетъ о мидійскихъ выходцахъ еще западнѣе близъ Дуная. Онъ говоритъ (V, 9), что *σιυιννοι* (*Σιυίννοι*), какъ говорятъ, носятъ мидійскую одежду и называютъ себя выходцами изъ Мидіи, хотя прибавляетъ, что самъ онъ не можетъ понять, какимъ образомъ они могутъ быть колонистами мидянъ.

Трудно думать, что такое убѣжденіе древнихъ писателей въ родствѣ сарматовъ съ мидянами не имѣетъ никакого основанія. Мидяне и персы были хорошо извѣстны грекамъ и римлянамъ, и едва ли безъ основательной причины могла какому нибудь древнему географу явиться мысль сблизать

между собою по происхожденію два такіе другъ отъ друга отдаленные народа, какъ сарматы и мидяне. Мы можемъ не придавать значенія утвержденію Діодора Сицилійскаго, что сарматы были *выведены* скиѳами изъ Мидіи; но должны допустить, что это утвержденіе было вызвано желаніемъ объяснить положительный фактъ, представлявшійся страннымъ, именно этническую близость сарматовъ съ мидянами, состоявшую, конечно, въ томъ, что оба народа говорили близкими другъ къ другу иранскими языками. Родство сарматскаго языка съ мидо-персидскимъ должно было быть извѣстно грекамъ, изъ которыхъ многіе, вслѣдствіе извѣстныхъ отношеній къ персамъ, имѣли случай хорошо изучить персидскій языкъ. Впрочемъ, помимо сарматовъ, мидійское происхожденіе приписывалось, вѣроятно на такомъ же основаніи, придунайскимъ сикиннамъ, такъ что, по мнѣнію самихъ древнихъ писателей, иранство въ припонтійскихъ странахъ простиралось далеко на западъ.

Иранство сарматовъ можетъ найти нѣкоторое подтвержденіе со стороны лингвистической; изъ немногихъ, дошедшихъ до насъ у древнихъ писателей сарматскихъ личныхъ именъ нѣкоторыя отмѣчены яркими признаками иранства. Такъ, имя царя язиговъ Βαυάδαπρος (у Діона Кассія 71, 16) содержитъ во второй части иранское *асра*—*конь*, а въ первой, по видимому, причастную форму отъ глагольнаго корня *van*, авест. *van* — *поражать, побуждать* (срав. авест. *vanad-reša-na*—*побѣдоносная битва*); имя другого царя язиговъ, упоминаемое тѣмъ же писателемъ, Ζαυτιχός, сводится къ иранскому глагольному корню *zan*—*рождать*, срав. авест. *zañtu*—*родъ, заñtuma*—*родичъ*; воинственный сарматскій крикъ *marha*, упоминаемый Амміаномъ Марцеллиномъ (19, 11, 10), сопоставляется съ авестійск. *mahrka* — *смерть*, ново-перс. *marǵ* — *смерть*, осет. *марг* — *ядъ*. Намъ кажется возможнымъ объяснить изъ иранскаго также названіе одного изъ сарматскихъ народовъ Ῥωξόλαυοί, которое, по нашей этимологіи, значитъ *свѣтлые алане* (срав. бѣлые хорваты, сербы, угры и т. п.); съ словомъ Ῥωξ срав. авест. *raoṵš-na*—*свѣтлый*, осет. *рохс*—*свѣтъ*, *рохсаг*—*свѣтлый*. Мюлленгофъ объясняетъ изъ иранскаго и названіе другого сарматскаго народа Ἰάζυγες, сопоставляя его съ авестійскимъ *yaṣu* — *большой, высокій* ¹⁾. Но

¹⁾ Можетъ быть, къ Ἰάζυγες ближе имя прилаг. υοζιγ—*блдный*, извѣстное намъ изъ иранскаго языка кавказскихъ евреевъ.

этимъ, кажется, и исчерпывается запасъ сарматскихъ именъ, находящихся себѣ объясненіе изъ иранскаго.

Что касается свѣдѣній, сообщаемыхъ древними писателями о сарматахъ, то ими слѣдуетъ пользоваться съ крайней осторожностью въ виду того, что названіе сарматы только въ древнѣйшихъ источникахъ можетъ считаться этнографическимъ, въ позднѣйшихъ же оно становится понятіемъ географическимъ и обнимаетъ цѣлый рядъ народовъ, жившихъ въ разное время на огромномъ пространствѣ отъ Дуная и Карпатъ на западѣ, до Дона, Волги и Урала на востокѣ. Въ виду пристрастія писателей къ древнимъ народнымъ названіямъ, трудно опредѣлить, когда названіе сарматовъ стало чисто книжнымъ, когда ему перестала соответствовать извѣстная, опредѣленная народность. Во всякомъ случаѣ уже до Р. Х. къ сарматамъ причисляются вообще народы, извѣстные въ европейской и азіатской Сарматіи, хотя, быть можетъ, различные по языку и племени.

Мы видѣли, что первое и самое важное извѣстіе о савроматахъ принадлежитъ Геродоту, который помѣщаетъ ихъ на восточной сторонѣ Дона и сообщаетъ греческое преданіе объ ихъ происхожденіи ¹⁾. Они живутъ въ это время (V в.) въ кочевомъ быту на пространствѣ пятнадцати дней пути отъ угла Мэотійскаго озера по направленію къ сѣверу ²⁾ и отдѣляются рѣкою Танаидомъ отъ царственныхъ скиѳовъ ³⁾. О бытѣ и нравахъ савроматовъ Геродотъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній, конечно потому, что такихъ свѣдѣній не имѣлось у понтійскихъ грековъ, такъ какъ торговый путь, ведшій чрезъ скиѳскія области на сѣверо-востокъ къ исседонамъ, не проходилъ чрезъ земли савроматовъ. Геродотъ сообщаетъ только анекдотическій рассказъ о происхожденіи савроматовъ отъ связи скиѳскихъ юношей съ амазонками, рассказъ несомнѣнно греческаго происхожденія и сочиненный досужей фантазіей какаго нибудь грека съ цѣлью объяснить тотъ фактъ, что сарматскія жены сопровождали мужей на войнѣ, были отважными наѣздницами и одѣвались одинаково съ мужчинами ⁴⁾.

¹⁾ Кн. IV. 117.

²⁾ Кн. IV гл. 21.

³⁾ Тамъ же гл. 57.

⁴⁾ Тамъ же гл. 116.

Не придавая значенія баснѣ объ амазонкахъ, все же слѣдуетъ отмѣтить черту сарматскихъ нравовъ, вызвавшую эту басню и замѣтить, что женщина занимала у сарматовъ иное положеніе, чѣмъ у ихъ сосѣдей скиѳовъ по сую сторону Дона. Едва ли можно также считать простымъ вымысломъ два другія показанія Геродота, что сарматы *произошли* отъ скиѳовъ и что они „говорятъ языкомъ скиѳскимъ, но съ давняго времени искаженнымъ“ ¹⁾. Происхожденіе сарматовъ отъ скиѳовъ, конечно, не домыслы самого Геродота или грековъ, а свѣдѣніе, полученное Геродотомъ вѣроятно въ Ольвіи и основанное на увѣреніи самихъ скиѳовъ. Геродотъ, заносъ это извѣстіе, не замѣчаетъ, что оно не согласуется съ тѣмъ мнѣніемъ о происхожденіи скиѳовъ — именно ихъ пришествіемъ изъ Азіи въ VII в., — которое ему самому кажется наиболее вѣроятнымъ ²⁾. Возводя происхожденіе сарматовъ къ встрѣчѣ скиѳовъ съ амазонками, онъ возводитъ начало сарматскаго народа ко временамъ полумифической старины, къ которой относится битва грековъ съ амазонками у р. Термодонта. Такое противорѣчіе у Геродота объясняется именно тѣмъ, что онъ точно передаетъ слышанное имъ преданіе о происхожденіи сарматовъ отъ скиѳовъ, не пытаясь хронологически согласить его съ другимъ преданіемъ о приходѣ скиѳовъ, въ значительно болѣе позднее время, изъ Азіи. Точно такъ же на показаніи скиѳовъ основано и сообщеніе, что сарматскій языкъ есть тотъ же скиѳскій, но нѣсколько искаженный. Это извѣстіе слѣдуетъ толковать въ томъ смыслѣ, что оба народа говорили на діалектахъ одного языка, причемъ скиѳы, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, считали свое нарѣчіе наиболее чистымъ. Изъ этихъ скудныхъ извѣстій Геродота о савроматахъ, повидимому, можно вывести, что скиѳы (точнѣе — часть ихъ) и сарматы были колѣнами одного народа, различавшимися діалектически, а также въ нѣкоторыхъ обычаяхъ, причемъ главное отличіе между ними было въ положеніи женщинъ.

Ближайшій къ Геродоту писатель, сообщающій нѣкоторыя свѣдѣнія о скиѳахъ и сарматахъ, Гиппократъ (470—376 до Р. Х.) сохранилъ для насъ слѣдующее извѣстіе

¹⁾ Глава 117.

²⁾ Кн. IV гл. 11.

о сарматскихъ женщинахъ: „Въ Европѣ есть народъ скиѣскій, живущій у Мэотійскаго озера, который значительно отличается отъ другихъ народовъ; названіе этого народа — савроматы. Ихъ женщины ѣздятъ на лошадяхъ, стрѣляютъ изъ лука, мечутъ дротики, сидя на лошадяхъ, и сражаются съ непріятелями, пока еще дѣвственны. Онѣ не выходятъ замужъ, пока не убьютъ трехъ непріятелей, и не живутъ съ мужьями, пока не принесутъ жертвъ, предписанныхъ закономъ. Выйдя замужъ, онѣ перестаютъ ѣздить верхомъ, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда приходится всѣмъ отправляться въ походъ. У нихъ нѣтъ правой груди, потому что пока онѣ еще находятся въ раннемъ дѣтствѣ, матери выжигаютъ раскаленнымъ мѣднымъ инструментомъ у нихъ правой сосокъ, такъ что онѣ теряетъ способность расти и вся сила и изобиліе соковъ переходитъ въ правое плечо и руку“¹⁾. Едва ли во всѣхъ подробностяхъ можно довѣрять этому извѣстію о сарматскихъ женщинахъ: такъ, можетъ быть, показаніе о томъ, что у нихъ выжигалась правая грудь основана на народной этимологіи иностраннаго имени Ἀρχών, которое греки могли сближать съ α (ργίν.) и μάζος — сосокъ; но во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться въ главномъ фактѣ, въ участіи сарматскихъ дѣвушекъ въ войнѣ наравнѣ съ мужчинами. Приуроченіе классическаго преданія объ амазонкахъ къ Мэотидѣ и Кавказу²⁾, повидимому, находится въ какой то связи съ тѣмъ, что у черкесовъ до сихъ поръ сохраняется преданіе о воинственныхъ женщинахъ. Это преданіе было записано Рейнеггсомъ³⁾ и потомъ провѣрено другими путе-

¹⁾ De Aeribus, aquis et locis, 15. См. перев. г. Гана въ Извѣстіяхъ древнихъ греч. и римск. писателей о Кавказѣ.

²⁾ Страбонъ говоритъ, слѣдуя Метродору Скепсію и Гипискрату, что Амазонки жили въ смежности съ Гаргареями (Γαργαρέες) у подошвы по сѣверному скату той части Кавказа, которая извѣстна подъ названіемъ Кераунскихъ горъ. Срав. также Плутарха, Vita Pompei. гл. 35. Амазонки на Кавказѣ занимаютъ полосу земли, простирающуюся вдоль къ Гирканскому морю. Впрочемъ земля ихъ не граничитъ съ землею албанцевъ, но между ними живутъ еще Гелы (Γέλοι) и Леги (Λῆγες). Съ этими народами онѣ сходятся ежегодно на два мѣсяца у рѣки Оермодонта, послѣ чего опять удаляются и живутъ отдѣльно. Ср. также: Аппіанъ, Рим. Ист., о Митридатѣ 103.

³⁾ Beschreibung des Kaukasus. I. 238.

шественниками ¹⁾). Приводимъ его со словъ бар. Услара ²⁾). „Въ то время, рассказываютъ черкесы, когда предки наши жили еще на берегахъ Чернаго моря, вели они частыя войны съ *еммечъ*. Такъ назывались воинственные женщины, жившія около Сванетіи и къ востоку до *Ахло-Кабакъ* (въ малой Кабардѣ). Онѣ не пускали къ себѣ мужчинъ, но принимали всѣхъ женщинъ, которыя желали участвовать въ военныхъ подвигахъ ихъ. Нѣкогда, послѣ многихъ переворотовъ военнаго счастья, оба ополченія сошлись для рѣшительнаго боя. Вдругъ предводительница *еммечей*, которая слыла за великую пророчицу, потребовала свиданія наединѣ съ *Тульме*, предводителемъ черкесовъ, который тоже обладалъ даромъ пророчества. Поставленъ былъ шатеръ, въ которомъ сошлись пророкъ съ пророчицей. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, предводительница *еммечей* вышла и объявила своимъ женщинамъ, что она, склонясь на вѣщія убѣжденія *Тульме*, вступаетъ съ нимъ въ супружество, прекращаетъ вражду и что оба ополченія должны послѣдовать примѣру своихъ военачальниковъ. Такъ и случилось. Женщины вступили въ супружество съ черкесами и разошлись съ ними по настоящимъ ихъ жилищамъ“. Эта туземная легенда такъ близко подходитъ къ разсказу Геродота о происхожденіи сарматовъ, что можно думать (говоритъ бар. Усларъ), что она дошла до слуха греческихъ колонистовъ, которые передали ее Геродоту съ легкими добавленіями и съ измѣненіями театра дѣйствія. Даже названіе *еммечъ* близко подходитъ къ названію амазонокъ, если откинуть окончаніе и припомнить, что въ греческомъ алфавитѣ нѣтъ буквы ч³⁾). Мнѣніе, будто бы въ глуби кавказскихъ горъ, и именно къ сѣверу отъ Сванетіи вблизи Эльбруса, живутъ воинственные женщины, существовало въ Мингреліи не далѣе какъ два вѣка тому назадъ. Патеръ Ламберти ⁴⁾ рассказываетъ, что сванеты и ка-

¹⁾ Potocky—Voyage dans les steps etc. I 225, II 77.

²⁾ Древнѣйшія сказанія о Кавказѣ, стр. 515 въ Сборн. Свѣд. о Кавказ. горцахъ, т. X.

³⁾ Не имѣя никакихъ данныхъ для вопроса о происхожденіи греч. названія *Ἀμαζόνες*, мы полагаемъ, что это имя было искажено предками Адигѣ, слыхавшими его отъ грековъ въ имя *еммечъ*, не имѣющее этимологіи въ кабардинскомъ.

⁴⁾ Recueil des voyages au Nord VII, pp. 180, 181.

рачаевцы отразили напавших на них черкесовъ и что въ числѣ убитыхъ найдено было множество женскихъ тѣлъ. Дадіану, сванетскому князю, было принесено полное вооруженіе этихъ женщинъ и патеръ Ламберти описываетъ его во всей подробности. Дадіанъ, присовокупляетъ онъ, объявилъ, что дастъ большую награду тому, кто приведетъ къ нему одну изъ этихъ женщинъ живою.

Итакъ мы видимъ, что на сѣверномъ Кавказѣ долго и упорно держалось преданіе о воинственныхъ женщинахъ, которое было сообщено еще Геродоту о сарматкахъ. Едва ли можно думать, чтобы это преданіе не было основано на реальномъ фактѣ, хотя, можетъ быть, послѣдній и былъ приукрашенъ народною фантазіей. Любопытно, что черкесское преданіе указываетъ даже мѣста, гдѣ жили воинственныя *еммечъ*; это гдѣ то около (т. е. на сѣверѣ) Сванетіи и въ восточной части нынѣшней Кабарды. Припомнимъ, что на сѣверѣ отъ сванетовъ живутъ въ настоящее время горскіе татары, но что эти мѣста, какъ доказываютъ топографическія названія, раньше были заняты осетинами, часть которыхъ, дигорцы, до сихъ поръ частью пограничны со Сванетіей. Изъ этого, повидимому, вытекаетъ, что черкесы, въ глубокой древности, воевали съ *еммечъ* на территоріи предковъ нынѣшнихъ осетинъ. Съ другой стороны, по мингрельскому извѣстію, воинственныя женщины оказываются у самихъ черкесовъ, если вѣрить сообщенію патера Ламберти, а жили онѣ около Эльбруса, опять таки въ мѣстахъ, нѣкогда принадлежавшихъ осетинамъ ¹⁾. Къ сожалѣнію, въ нартскихъ осетинскихъ сказаніяхъ не сохранилось намековъ на воинственныхъ дѣвъ, быть можетъ, вслѣдствіе мусульманскаго вліянія, которое сильно отразилось на положеніи женщины вообще у кавказскихъ народовъ. Есть впрочемъ преданіе,

¹⁾ Припомнимъ, что по армянскому извѣстію, занесенному Моисеемъ Хоренскимъ въ его исторію Арменіи изъ пѣсенъ готхенскихъ пѣвцовъ, дочь царя алановъ (оссовъ) Сатиникъ играетъ значительную роль въ войнѣ армянъ съ аланами. Она самостоятельно переговаривается съ армянскимъ царемъ Арташесомъ и въ пѣсняхъ поется, что Арташесъ поймалъ ее арканомъ изъ красной кожи съ золотымъ кольцомъ и увлекъ въ свой лагерь. Пѣснь такъ отрывочна, что трудно судить, была ли Сатиникъ *воинственной* дѣвой, но послѣднее возможно. См. перев. Эмина, стр. 122.

что въ древности женщины въ Осетіи пользовались большей свободой и раздѣляли съ мужчинами опасности войны и охоты, искусно владѣя оружіемъ. Вообще при постоянныхъ военныхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ въ теченіе многихъ вѣковъ протекала жизнь кавказскихъ народовъ, естественно, что воинственность мужчинъ отразилась и на женщинахъ. Такъ, напримѣръ, абхазская женщина въ дѣтствѣ училась владѣть холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, умѣнью совершенно необходимому въ виду того, что абхазцы, отправляясь на грабежъ и разбой, часто оставляютъ свои семьи на продолжительное время, и женщины должны умѣть защищаться въ случаѣ какого нибудь нападенія; иногда же женщины сопровождаютъ и сами мужей въ ихъ ночныхъ походе-ніяхъ¹⁾. Понятно, что въ глубокой древности въ той части Сарматіи, которая прилежала къ Кавказу и Мэотидѣ и гдѣ жили предки осетинъ и адигскихъ народовъ, типъ воинственныхъ женщинъ, раздѣлявшихъ съ мужчинами опасности воинскихъ набѣговъ, былъ широко распространенъ и извѣстія о нихъ, доносясь до понтійскихъ грековъ, конечно, въ приукрашенномъ видѣ, должны были вызвать приуроченіе преданія объ амазонкахъ къ этимъ мѣстамъ Азіатской Сарматіи.

Возвращаемся послѣ этого отступленія къ другимъ свидѣтельствамъ древнихъ о сарматахъ.

У Плинія, какъ мы выше видѣли, сохранилась любопытная замѣтка, что сарматовъ, жившихъ около береговъ Танаиса, считали потомками мидянъ²⁾. Однако тотъ же писатель употребляетъ названіе сарматовъ, какъ географическій терминъ. Такъ, онъ говоритъ, что сарматы раздѣляются на многія племена, изъ коихъ первымъ считаются савроматы „побѣжденные женщинами“, потому что амазонки принудили ихъ сойтись съ ними. Въ другомъ мѣстѣ (VI, 5, 2) онъ помѣщаетъ на кавказскомъ хребтѣ сарматское племя эпaгеритовъ (*Eragritae*), а за нимъ *савроматовъ*; далѣе, при перечисленіи народовъ восточнаго Кавказа, онъ говоритъ объ албанцахъ: народъ албанцы распространены на Кавказскихъ горахъ и

¹⁾ См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. IV, 1884 г. статью г. Мачаваріани о положеніи женщины въ Абхазіи.

²⁾ Hist. Nat. VI, 7, 1.

земля ихъ простирается до рѣки Кира (Куры), составляющей границу между Арменіей и Иберіей. За этимъ берегомъ и за удинами живутъ *сарматы*, утидорсы (аорсы?) и аротеры (?), а за ними савроматскія амазонки ¹⁾. Очевидно, что эти извѣстія, выхваченныя изъ разныхъ источниковъ безъ критики, не даютъ намъ точнаго понятія о территоріи сарматовъ, но они доказываютъ, что это нѣкогда этническое названіе получило такой же характеръ географическаго понятія, какъ названіе скиѳовъ.

У Страбона также названіе сарматовъ терминъ географическій: „гора Кавказъ, говоритъ онъ ²⁾), тянется надъ обоими морями, Понтскимъ и Каспійскимъ, укрѣпляя стѣнами тотъ перешеекъ, который раздѣляетъ моря. Съ южной стороны гора отдѣляетъ Албанію и Иберію, а съ сѣверной *поля сарматовъ*“. Въ другомъ мѣстѣ говорится: „подлѣ скиѳовъ живутъ *сарматы*, а также скиѳы (?) аорсы и сираки, простирающіеся къ югу до Кавказскихъ горъ ³⁾“. Сарматы и скиѳы помѣщаются тѣмъ же географомъ ниже роксоланъ (живущихъ выше Борисфена) и простираются до мѣстъ жительства восточныхъ скиѳовъ ⁴⁾.

Другой географъ (I-го в. по Р. Х.) Помпоній Мела, говоря о сарматахъ, находитъ, что по внѣшнему виду и оружію они всего ближе къ парѣянамъ, но отличаются бѣльшю дикостью ⁵⁾. Это сближеніе сарматовъ съ арійскими парѣянами могло бы быть сопоставлено съ указаніями Плинія и Діодора Сицилійскаго на мидійское происхожденіе сарматовъ. Но къ сожалѣнію во времена Мелы имя сарматовъ не обнимало уже одного опредѣленнаго народа. Нельзя также воспользоваться, какъ этнографической чертою, указаніемъ Тацита, противопоставляющаго тѣсно облегающую одежду германцевъ—широкой, развѣвающейся одеждѣ сарматовъ и парѣянъ ⁶⁾. Вообще

¹⁾ Н. N. VI, 15, 1.

²⁾ Кн. XI, гл. 2, 15.

³⁾ Кн. XI, гл. 2, 1.

⁴⁾ II, 5, 7.

⁵⁾ Du situ orbis, III, 4: gens habitu armisque Parthicae proxima, verum ut coeli asperioris ita ingenii.

⁶⁾ Germania XVII. Locupletissimi (Germanorum) veste distinguuntur non fluitante sicut Sarmatae et Parthi, sed stricta et singulos artus exprimente.

на образъ жизни сарматовъ мы имѣемъ лишь крайне неопредѣленные указанія, изъ которыхъ можно только вывести, что они жили въ кочевомъ состояніи, занимались скотоводствомъ и грабежомъ. Какъ мало страны, лежація по лѣвому берегу Дона (т. е. территорія сарматовъ), были извѣстны грекамъ еще въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Х., видно изъ показанія Страбона. „Выше устьевъ Танаида, говоритъ этотъ географъ, только небольшая часть рѣки извѣстна, причиною чего холодъ и бѣдность лежащихъ тамъ странъ. Такія неудобства могутъ быть переносимы туземцами, которые по обычаю номадовъ питаются мясомъ и молокомъ, но они невыносимы для иностранцевъ. Кромѣ того, номады, будучи негостепріимными къ иностранцамъ, будучи многочисленными и сильными, закрываютъ доступъ въ тѣ части страны, которыя сколько нибудь доступны, или къ рѣкамъ, дозволяющимъ плаваніе вверхъ... На рѣкѣ (Танаидѣ) находится городъ того же имени... Онъ служилъ общимъ мѣстомъ торговли для азіатскихъ и европейскихъ кочевниковъ съ одной стороны, а съ другой для народовъ, прибывающихъ на судахъ въ (Мэотійское) озеро изъ Боспора. Первые (кочевники) доставляютъ рабовъ, кожи и другіе предметы кочевниковъ, вторые (пріѣзжіе торговцы) привозятъ для обмѣна платье, вино и прочіе предметы, свойственные нашему образу жизни“ ¹⁾. Эти слова Страбона указываютъ намъ на значеніе, которое имѣлъ городъ Танаидъ для сарматовъ и другихъ кочевыхъ племенъ территоріи Дона, какъ торговый центръ, гдѣ сталкивались культурные народы юга съ полудикими кочевниками, и вмѣстѣ съ тѣмъ уясняютъ, почему въ греческихъ танаидскихъ надписяхъ мы находимъ такое множество варварскихъ личныхъ именъ, и въ томъ числѣ множество иранскихъ.

Въ виду неопредѣленности названія сарматовъ въ періодъ около Р. Х. и въ послѣдующіе вѣка мы не считаемъ возможнымъ воспользоваться тѣми этнографическими данными, которыя сообщаются о сарматахъ у греческихъ и римскихъ писателей ²⁾. Затѣмъ уже съ первыхъ вѣковъ нашей эры въ

¹⁾ XI, гл. 2, 2 и 3.

²⁾ Такъ о наружности сарматовъ говоритъ Клавдій Клавдіанъ (XIV, 15) писатель 4-го в. по Р. Х., что они *русы*; Овидій (Trist. V, 7, 17) приписываетъ имъ бородатость и дикій видъ; Плиній (XXII, 1) говоритъ объ

мѣстахъ, гдѣ Геродотъ и другіе писатели помѣщали сарматовъ, оказываются новыя имена народовъ, причисляемыхъ къ сарматамъ, какъ имена видовыя къ родовому. Таковы аланы, роксоланы, язиги и друг., причемъ мы опять не можемъ составить себѣ понятія о томъ, отличались-ли эти народы въ своемъ быту отъ древнихъ сарматовъ Геродота. Выше мы привели свидѣтельства писателей объ аланахъ и старались показать, что подъ этимъ именемъ, столь же расплывчатымъ, какъ имя сарматовъ, должны были въ числѣ другихъ племенъ скрываться и иранцы, предки осетинъ. Приводя данныя въ подтвержденіе этой мысли, мы ничего не говорили объ языкѣ алановъ, въ виду того, что свидѣтельства объ этомъ языкѣ крайне скудны. Тѣмъ не менѣе считаемъ не лишнимъ привести единственное, на сколько намъ извѣстно, упоминаніе объ этомъ языкѣ, содержащееся въ приписываемомъ Лукіану (2-го в. по Р. Х.) сочиненіи. Въ Токсарисѣ (51), выводится скиѡвъ Макентъ въ роли алана, причемъ авторъ говоритъ: такъ сказалъ Макентъ, будучи по вооруженію и языку подобенъ аланамъ: ибо это (одежда и языкъ) обще аланамъ со скиѡами, съ тѣмъ различіемъ, что аланы не отрицаютъ себѣ такихъ волосъ какъ скиѡы¹⁾. Нельзя думать, говоритъ Цейссъ²⁾, что это свидѣтельство о тождественности вооруженія и языка скиѡовъ и алановъ сочинено Лукіаномъ, такъ какъ этотъ писатель обнаруживаетъ и болѣе точныя свѣдѣнія о нравахъ скиѡовъ и сѣверныхъ припонтійскихъ народовъ. Съ своей стороны замѣтимъ, что хотя это извѣстіе весьма удобно для тѣхъ, которые считаютъ скиѡскій языкъ иранскимъ (что и намъ съ извѣстными ограниченіями кажется болѣе вѣроятнымъ), однако воспользоваться

употребительности у нихъ татуировки. Одеждой имъ служили: плащъ безъ рукавовъ, открытый спереди и державшійся на плечахъ посредствомъ застѣжки (все это очень напоминаетъ кавказскую бурку) и шаровары; голова покрывалась башлыкомъ; женщины носили длинныя платья, туники или куртки со шнурками, на головахъ высокія шапки вродѣ шишаковъ (что опять напоминаетъ черкесскіе серебряные женскіе шишаки) см. Ovid. Trist. V, 7, 49, III, 10, 19, Tacit. Germ. 17; Lucan. I, 430.

1) Ταῦτα δὲ ἔλεγεν ὁ Μακέντης ὁμόσχευος καὶ ὁμόγλωττος τοῖς Ἀλανοῖς ὢν. κοινὰ γὰρ ταῦτα Ἀλανοῖς καὶ Σκύθαις πλὴν ὅτι οὐ πάνυ κομῶσιν οἱ Ἀλανοὶ ὥσπερ οἱ Σκύθαι.

2) Die Deutschen u. die Nachbarstämme, p. 703.

показаніемъ діалога, *приписываемаю* Лукіану, мы не считаемъ возможнымъ именно вслѣдствіе того, что въ это время скиѣ было понятіе географическое а не этническое и могло обнимать, помимо той народности, къ которой принадлежали древнѣйшіе скиѣ временъ Геродота, другія народности, быть можетъ, болѣе поздняго происхожденія.

Изъ названій, упоминаемыхъ какъ аланскія, одно несомнѣнно иранскаго происхожденія: это названіе города Θεοδοσίη Ἀρδαβδά (см. разборъ выше на стр. 76), которое, по свидѣтельству анонимнаго составителя перипла Чернаго моря, на языкѣ тавровъ или алановъ значитъ *семибожный*. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ извѣстіи имя тавры употреблено, какъ древнее названіе крымскихъ народовъ и что народъ, называвшій Θεοδοσίη Ἀρδαβδά, были аланы. Отмѣтимъ также, что у византійскихъ и латинскихъ писателей встрѣчается нѣсколько личныхъ аланскихъ именъ, изъ коихъ нѣкоторыя, повидимому, находятъ объясненіе въ осетинскомъ. Таковы: Βεοργος — м. б. объясняемо изъ осет. беурä — много, и гор-ун — просить; Εοchar — м. б. сопоставлено съ осет. јеухар — просо (jeu) ѣдящій (отъ хуар-ун — ѣсть), Ἀραβάτης м. б. объясняемо изъ осет. әрвадä — родичъ, братъ; Χασχάρης м. б. отъ хас — полный и қар — сила¹⁾; Ἰτάζης — ср. осет. ідад — вдовый, Ἀρδαβούριος — срав. для первой части осет. ард — клятва, вторая часть намъ не ясна. Но есть и такія, которыя не поддаются иранской этимології (Γοάρ, Ρωσμίχης, Κουρίτης, Ἰτίλης, Τεμήρης) и вообще въ виду искаженій, которымъ въ рукописяхъ особенно часто подвергаются собственные имена, мы не можемъ и разбору аланскихъ именъ придавать большое значеніе, особенно же въ виду того, что и къ иранскимъ аланамъ могли переходить неиранскія имена, и подъ аланами могли скрываться народы разнаго происхожденія.

Резюмируемъ теперь въ главныхъ чертахъ ходъ нашего изслѣдованія о прошломъ осетинъ и о происхожденіи этого народа.

Обозрѣвая территорію, занимаемую въ настоящее время осетинами на Кавказѣ, мы указали въ топографической но-

¹⁾ Впрочемъ м. б. вторая часть этого имени объясняется изъ иранскаго *kāga въ концѣ сложенія *дѣлающій*, ср. Ἀρχαί-χαροι — названіе гадателей у боспоранцевъ (Strabo XVI, 762).

менклатурѣ областей на западъ отъ нихъ слѣды того, что осетинскія поселенія доходили нѣкогда до верхняго теченія Кубани, откуда осетины были вытѣснены тюркскимъ племенемъ, котораго потомками являются карачаевцы, урусбиевцы, чегемцы и балкарцы. Первыя столкновения осетинъ съ тюрками, начавшіяся вѣроятно съ появленіемъ гунновъ, продолжаются въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ при владычествѣ хазаръ и пріазовскихъ болгаръ. Постепенное давленіе тюркскихъ племенъ на сѣверномъ Кавказѣ было главной причиной постепеннаго сокращенія древней территоріи осетинъ. Иранское племя, отъ котораго сохранился въ настоящее время лишь незначительной остатокъ, въ древности занимало своими кочевьями огромную территорію, которая, можетъ быть, простиралась на сѣверъ отъ западной части кавказскаго хребта до восточнаго берега Мэотиды и нижняго теченія Дона; сѣверные и восточные предѣлы этой иранской территоріи не могутъ быть опредѣлены даже приблизительно. Существованіе иранскаго языка въ названныхъ предѣлахъ доказывается лингвистическимъ разборомъ личныхъ „варварскихъ“ именъ въ греческихъ танаидскихъ надписяхъ. На западъ отъ этой иранской территоріи, на средней и нижней Кубани и ея притокахъ въ нынѣшней Кубанской области жили древніе сосѣди иранцевъ касожскія или адигейскія племена, доходившія на западъ до береговъ Мэотиды и Чернаго моря. Полное исчезновеніе иранскаго элемента въ большей части выше названныхъ предѣловъ—на Мэотидѣ, нижнемъ Дону и сѣверо-кавказской плоскости—указываетъ прежде всего на то, что сравнительно съ обширностью территоріи иранское населеніе не было густо. Не слѣдуетъ забывать, что такое отношеніе количества населенія къ территоріи есть обычное явленіе въ кочевомъ быту, въ виду того, что скотоводство вообще требуетъ значительнаго пространства для прокормленія населенія. Если мы читаемъ у западныхъ и византійскихъ писателей извѣстія о томъ, что аланы, въ составъ которыхъ входили и предки осетинъ, были народъ сильный и воинственный, снаряжавшій въ битвы многочисленныя войска, и если съ другой стороны грузинская лѣтопись говоритъ о вторженіяхъ оссовъ въ Закавказье съ значительными силами (иногда 40,000 всадниковъ), то и въ этихъ фактахъ нельзя видѣть доказательства густоты аланскаго или осскаго населенія на сѣверѣ

Кавказа, во первыхъ, потому, что процентъ готовыхъ къ битвѣ воиновъ у номадныхъ народовъ вообще несравненно бѣльшій по отношенію къ общему числу населенія, чѣмъ у народовъ осѣдлыхъ, земледѣльческихъ, во-вторыхъ, потому, что къ войску одного народа, отправляющемуся на войну, т. е. за добычей, обыкновенно присоединяется много добровольцевъ изъ ближайшихъ сосѣдей, такъ что контингентъ аланскаго войска могъ состоять и не изъ однихъ алановъ ¹⁾.

Что касается времени, когда окончательно иранскіе предки осетинъ исчезли съ Кавказской равнины, а также съ Мэотиды и Дона, то съ достаточной точностью оно не можетъ быть опредѣлено. Еще въ X в., судя по извѣстію нашей лѣтописи о пораженіи Святославомъ ясовъ и касоговъ послѣ взятія Саркела, можно думать, что часть ясовъ еще жила въ плоскости близъ Дона. Послѣ паденія хазарскаго могущества, другое сильное тюркское племя, половцы, должно было стать въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ясами и тѣснить ихъ отъ Дона и съ Кавказской равнины въ горы. Но вѣроятно окончательно исчезъ иранскій слой населенія въ этихъ мѣстахъ послѣ погрома Кавказа полчищами Чингисъ-хана въ 1-й четверти XIII в. Вспомнимъ замѣтку Вахушты (см. стр. 35), что послѣ опустошенія Оссети татарами и бѣгства оссовъ на Кавказъ, Осетія была названа Черкезъ и Кабарда. Это извѣстіе слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что мѣста на плоскости, раньше принадлежавшія осетинамъ, были впоследствии заняты адигейскими племенами, которыя, подобно осетинамъ, были также тѣснимы съ запада на востокъ и къ горамъ. Самое сильное и многочисленное изъ адигейскихъ племенъ—кабардинцы—удержалось на плоскости до нашихъ дней и въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ держало замкнувшихся и запертыхъ въ горахъ осетинъ въ экономической зависимости отъ себя. „Заграждая осетинамъ, говоритъ М. М. Ковалевскій ²⁾, и въ частности дигорцамъ, доступъ къ нѣкогда занимаемой ими сѣверной плоскости, кабардинцы пріобрѣли тѣмъ самымъ возможность непосредственнаго вліянія на своихъ горскихъ сосѣдей... Весною, когда снѣгъ еще не сошелъ

¹⁾ Вспомнимъ, что по грузинскимъ свидѣтельствамъ оссы обыкновенно являются въ Закавказье съ дурдзуками, леками и народами сѣвера.

²⁾ Современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 28.

съ занимаемыхъ ими горныхъ покатоствъ, дигорцы высылаютъ свой скотъ на кабардинскія пастбища; изъ Кабарды же получаютъ они въ случаѣ частыхъ въ ихъ странѣ неурожаевъ, необходимое для пропитанія просо, а также нужную имъ соль. Въ свою очередь, кабардинцы высылаютъ лѣтомъ, когда ихъ поля сожжены солнцемъ, весь свой скотъ въ Дигорію, на ея горныя пастбища...

Эта экономическая зависимость горскихъ жителей отъ плоскостныхъ повела даже къ установленію особой дани, которою княжескій кабардинскій родъ Тау-Султановыхъ облагалъ еще во второй половинѣ XVIII в. нѣкоторыя дигорскія селенія¹⁾. Прослѣдить судьбы осетинъ въ теченіе этого періода, по недостатку данныхъ, нѣтъ возможности; но въ главныхъ чертахъ представить себѣ ихъ жизнь можно слѣдующимъ образомъ: 1) Вслѣдствіе замкнутости территоріи, затруднительности выхода на плоскость, недостаточности земли годной для земледѣльческой культуры, число осетинъ должно было значительно сокращаться: этому содѣйствовали также поварныя болѣзни, неурожаи и войны между отдѣльными обществами¹⁾. 2) Загнанные изъ плоскости обильной пастбищами на горы, предки осетинъ должны были привыкать къ горнымъ условіямъ жизни, заняться земледѣліемъ и научиться искусственному орошенію пахотныхъ участковъ, безъ котораго въ горахъ не могутъ быть получаемы урожаи. 3) Вслѣдствіе сосѣдства съ болѣе сильными кабардинцами, державшими осетинъ въ экономической зависимости, послѣдніе должны были въ нѣкоторыхъ формахъ быта подчиниться ихъ вліянію: этимъ вліяніемъ объясняется развитіе въ средѣ сѣверныхъ осетинъ сословной организаціи, по своему типу во многомъ сходной съ той, какая развилась въ средѣ самихъ кабардинцевъ съ XIII в. эпохи занятія ими сѣверо-кавказской плоскости²⁾; изъ Кабарды же главнымъ образомъ шла мусульманская пропаганда въ среду осетинъ, изъ которыхъ многіе смѣнили на ученіе корана свое древнее одичавшее христіанство; кабардинское вліяніе отразилось и на одеждѣ, вооруженіи, домашнемъ и общественномъ этикетѣ, такъ какъ

1) См. напримѣръ: Преданіе о войнахъ алагирцевъ съ дигорцами. Осет. этюды I, стр. 138 и слѣд.

2) М. Ковалевскій. Ibid. стр. 29.

во всемъ, этомъ воинственное и могучее племя кабардинцевъ считалось образцомъ для подражанія у всѣхъ своихъ сосѣдей¹⁾.

Таковы были главные факты исторіи сѣверныхъ осетинъ вплоть до періода ихъ подчиненія русскимъ, періода, въ которомъ начинается значительное измѣненіе къ лучшему прежнихъ тяжелыхъ условій ихъ жизни.

Что касается южныхъ или закавказскихъ осетинъ, мы видѣли (гл. I, стр. 34), что они приблизительно уже со временъ династїи багратидовъ на грузинскомъ престолѣ подпадаютъ подъ культурное и политическое вліяніе Грузїи. Определить болѣе точно время, когда туальцы (или по крайней мѣрѣ часть ихъ) подпали окончательно подъ вліяніе грузинскихъ феодаловъ, невозможно по недостатку историческихъ данныхъ. „Несомнѣнно только то, что въ эпоху водворенія въ странѣ русскаго владычества, туальцы были подчинены двумъ грузинскимъ княжескимъ фамиліямъ: Эристовыхъ и Мачабеловыхъ“²⁾. Такова въ общихъ чертахъ историческая судьба предковъ нынѣшнихъ осетинъ.

Резюмируя все выше изложенное по другому вопросу, вопросу о происхожденіи осетинъ и ихъ появленіи на сѣверномъ Кавказѣ, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

1. Осетины принадлежатъ по языку къ иранской группѣ индоевропейской семьи народовъ, къ которой относятся многіе народы въ передней и средней Азїи — персы, афганцы, бэлучи, нѣкоторыя памирскія племена, а на Кавказѣ курды, талышинцы и таты.

2. Предкомъ осетинскаго языка было одно изъ нарѣчій, развившееся въ сѣверной части древнѣйшей территорїи, занятой иранцами, приблизительно на сѣверѣ отъ Оксуса и Яксарта въ степяхъ Средней Азїи.

3. Выдѣленіе этого нарѣчія изъ общеиранскаго праязыка восходитъ къ доисторическимъ временамъ, къ періоду предшествовавшему началу исторической жизни культурныхъ народовъ Ирана—мидійцевъ и персовъ.

¹⁾ Въ виду того, что подробное изложеніе этого вліянія кабардинцевъ на осетинъ не входитъ въ планъ нашего изслѣдованія, отсылаемъ читателя къ превосходной работѣ М. Ковалевскаго, особенно къ т. I-му.

²⁾ См. М. Ковалевскій. Ibid. стр. 22 и слѣд.

4. Предки осетинъ входили въ составъ тѣхъ иранскихъ кочевыхъ племенъ, которыя были извѣстны за многія столѣтія до Р. Х. подъ именемъ сарматовъ и отчасти скиѳовъ, и занимали припонтійскія и пріазовскія степи на протяженіи отъ нижняго Дуная (гдѣ они сталкивались съ еракійскими племенами) до Волги и Урала. Можетъ быть, къ тѣмъ же иранскимъ племенамъ принадлежали далѣе на востокъ массагеты и нѣкоторыя другія племена, извѣстныя древнимъ персамъ подъ именемъ саковъ. Но можно допустить и другое предположеніе, что названіе Sakā уже въ древности имѣло характеръ не этнографическій и обнимало вообще кочевыя и разбойничьи племена Турана, вторгавшіяся въ Иранъ, безъ отношенія къ ихъ національности, такъ что подъ этимъ названіемъ могли скрываться, на равнѣ съ кочевниками иранскими, и кочевники урало-алтайской вѣтви. Во всякомъ случаѣ, сѣверныя иранскія племена, къ которымъ относились сарматы, частью скиѳы, быть можетъ, массагеты, племена отъ которыхъ мы ведемъ предковъ осетинъ, были искони еще въ Азіи ближайшими сосѣдями урало-алтайскихъ племенъ. Вѣроятно натискъ послѣднихъ племенъ на иранцевъ съ сѣвера и востока былъ основною причиною, вызвавшей движеніе иранцевъ на западъ въ Европу.

5. Согласно съ этимъ, путь, которымъ слѣдовали предки осетинъ (сармато-скиѳскія племена) изъ среднеазіатскихъ степей шелъ на сѣверъ отъ Каспія, чрезъ р. Уралъ и Волгу. Предки осетинъ не пришли въ мѣста занимаемыя въ настоящее время этимъ народомъ изъ Азербейджана (Мидіи).

6. Наконецъ согласно со всѣмъ тѣмъ, что изложено нами въ главѣ III объ аланахъ, сарматахъ и въ экскурсѣ о скиѳахъ, мы должны принять, что поселеніе иранцевъ въ припонтійскихъ и пріазовскихъ областяхъ, а въ томъ числѣ и предковъ осетинъ, произошло по меньшей мѣрѣ раньше X в. до Р. Х. Другими словами, предки осетинъ не могли появиться на сѣверо-кавказской равнинѣ, у Дона и Мэотиды, позже времени Геродота. Вѣроятно, до Р. Х. отдѣльные роды предковъ осетинъ занимали уже и нѣкоторыя долины сѣвернаго склона кавказскаго хребта, хотя окончательно осетины замкнулись въ горныхъ ущельяхъ не позже XIII в. по Р. Х., когда были вытѣснены другими народами изъ сѣверо-кавказской равнины.

Экскурсъ о болгарахъ и аланахъ

въ новомъ спискѣ географіи, приписываемой Моисею Хоренскому.

О кавказскихъ болгарахъ сохранилось важное извѣстіе въ армянской географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, но относящейся, по всѣмъ признакамъ, къ болѣе позднему времени, вѣроятно къ концу VII столѣтія. Недавно открытый новый списокъ этого сочиненія, изданный въ 1881 г. въ Венеціи, содержитъ гораздо болѣе обстоятельныя географическія свѣдѣнія, чѣмъ списки раньше извѣстные, и между прочимъ упоминаетъ въ Азіатской Сарматіи нѣсколько такихъ народовъ, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ нашимъ изслѣдованіямъ. Въ виду этого, пользуясь русскимъ переводомъ извѣстнаго армениста К. П. Патканова ¹⁾, мы извлечемъ изъ переведенныхъ имъ главъ нѣкоторыя нужныя для насъ свѣдѣнія.

1) „Изъ Кавказа текутъ двѣ рѣки: Валданисъ (Vardanes) т. е. Кубань, текущая до горы Корахъ, которая начинается у Кавказа и тянется на сѣверо-западъ между Мэотисомъ и Понтомъ. Другая рѣка, Псевхросъ (Psychrus) отдѣляетъ Боспоръ отъ тѣхъ мѣстъ (?), гдѣ находится городокъ Никопъ. Къ сѣверу отъ нихъ (нея) живутъ народы турковъ и болгаръ, которые именуются по названіямъ рѣкъ: Купи-булгаръ, Дучи-булкаръ, Огхондоръ (Woghkhondor) Блкаръ-пришельцы, Чдаръ-болкаръ. Изъ Гиппійскихъ горъ бѣжалъ сынъ Худбадра (читай: Хубраата)“.

¹⁾ См. его статью: Изъ новаго списка географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1883. Мартъ.

Оставивъ въ сторонѣ спутанное показаніе о теченіи Кубани и рѣкѣ Псевхросъ, можно отмѣтить, что на сѣверѣ отъ Кубани составитель географіи помѣщаетъ разныя колѣна болгаръ, что совершенно согласно съ показаніемъ (приведеннымъ выше на стр. 60) Θεοφανα, который говоритъ, что между Мэотійскимъ озеромъ и рѣкою Куфисъ (Кубанью) лежитъ Древняя или Великая Болгарія. Уже К. П. Паткановъ замѣтилъ, что Купи-булгаръ обозначаетъ болгаръ кубанскихъ; Чдаръ-болкаръ принимаютъ за котраговъ; Огхондоръ-булкаръ соотвѣтствуютъ оногундурамъ византійскихъ писателей и Вгндуръ-булгарамъ исторіи Моисея Хоренскаго. Кто такое Дучи-булкаръ и насколько можно довѣрять этому имени, — неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, въ словахъ составителя географіи мы имѣемъ прямое указаніе на 4 колѣна тѣхъ болгаръ, которые оставались на Кавказѣ, послѣ того какъ обширная болгарская орда раздѣлилась по смерти Кубрата, властителя котраговъ и болгаръ. Эти вѣтви принадлежали къ удѣлу Кубратова сына Батбая, оставшагося на родинѣ, т. е. въ Приазовьи, на сѣверѣ отъ Кубани. Сынъ Кубрата (Хубраата) бѣжавшій, по приведенному отрывку, изъ Гиппійскихъ горъ, конечно Аспарухъ, какъ видно изъ статьи о Θρακίи по новому же списку, въ которой говорится: „Данубъ (Дунай), дѣлясь на шесть рукавовъ, образуетъ озеро и островъ, называемый Пюки (Peuce). На этомъ островѣ живетъ Аспаръ-Хрукъ, сынъ Хубраата, бѣжавшій отъ хазаръ изъ горъ Булгарскихъ и прогнавшій аваръ на западъ. Онъ поселился на этомъ мѣстѣ“. (Отмѣтимъ, что древнее названіе *Гиппійскія горы* замѣнено здѣсь болѣе позднимъ: *Бумарскія горы*).

Любопытно, что названіе болгаръ встрѣчается у составителя географіи въ разныхъ формахъ: болгаръ, булкаръ, блкаръ, болкаръ, и что ни ему, ни какому нибудь переписчику не пришло въ голову привести къ одной формѣ столь близкія между собою названія. Кажется, отсюда слѣдуетъ вывести, что составитель отнесся къ мѣстнымъ именамъ весьма добросовѣстно и сохранилъ намъ діалектическія формы имени болгаръ. Огромныя пространства, занимаемыя болгарами, распаденіе ихъ на вѣтви и передвиженіе ихъ на западъ къ Дунаю и сѣверъ къ Волгѣ и Камѣ — все это указываетъ на то, что подъ именемъ болгаръ было соединено нѣсколько колѣнъ

тюркского племени, различавшихся вѣроятно въ оттѣнкахъ говора. Такъ одно колѣно называло себя буларъ, другое произносило свое родовое имя съ звукомъ к и быть можетъ съ нѣскольکو иной вокализацией (болкаръ). Въ видѣ предположенія высказываемъ догадку, что, быть можетъ, въ названіи тюркского общества, живущаго на востокъ отъ дигорцевъ, въ долинѣ Черека, — Балкаръ — сохранилось то же древнее имя. Преданія балкарскія, записанныя нами ¹⁾, указываютъ на то, что предки балкарцевъ пришли въ занимаемые ими мѣста съ сѣвера изъ Маджаръ ²⁾ и застали въ долинѣ Черека осетинское населеніе. Изъ Балкара уже вышла дальнѣйшая тюркская колонизація въ аулы Бизенги, Хуламъ, Чегемъ и Урусбій, лежащій у подножья Эльбруса. Въ русскихъ извѣстіяхъ ХVІІ в. названіе балкаръ приводится въ формѣ болхары. Отправленные въ 1650 г. отъ царя Алексѣя Михайловича къ имеретинскому царю Александру послы, Никифоръ Толочановъ и дьякъ Алексѣй Іевлевъ, ѣхали туда и обратно чрезъ балкарскія земли. Они называютъ тамошнихъ жителей и жилища ихъ общимъ именемъ *Болхары* ³⁾. Тюркская народность балкарцевъ и близость ихъ имени къ одной изъ формъ имени болгаръ (болкаръ), приводимой армянской географіей VІІ в., невольно наводитъ на предположеніе, не скрываются ли въ балкарцахъ послѣдніе потомки одной изъ вѣтвей кавказскихъ болгаръ.

2) „Народы въ Сарматіи (Азіатской) распредѣлены слѣдующимъ образомъ, начиная съ запада и направляясь къ востоку. Во-первыхъ, народъ агвановъ, аштигоръ на югѣ. Съ ними вмѣстѣ живутъ хебуры, кутеты, аргвелы, мардуйлы и такуйры. За дигорами въ области Ардозъ кавказскихъ горъ живутъ аланы, откуда течетъ рѣка Армна (?), которая, направляясь на сѣверъ и пройдя безконечныя степи, соединяется съ Атлемъ. Въ тѣхъ же горахъ за ардозцами живутъ даджаны, двалы, цехои, пурка, цанарка, въ землѣ которыхъ находятся ворота Аланскія и еще другія ворота Кцкенъ,

¹⁾ См. статью Вс. Миллера и М. Ковалевскаго: Въ горскихъ обществахъ Кабарды, напеч. въ Вѣстникѣ Европы. 1884. Апрѣль.

²⁾ Маджаръ — соответствуетъ древнему (хазарскому) городу Маджаръ, котораго развалины находятся на берегу р. Кумы.

³⁾ См. Осет. этюды, ч. I, стр. 162.

названные по имени народа. За ними дуцы и хужи, кисты-людофды, цховаты, гудамакары, дурцки, дидои, леки, тапотараны, агутаканы, хеноки (хенавы), шигпы, чигбы, пуики¹⁾.

Опредѣлить хотя приблизительно мѣста, занимаемыя большею частію перечисленныхъ армянскимъ географомъ народностей, нѣтъ никакой возможности, точно такъ-же, какъ нельзя поручиться и за точность названій, которыя иногда значительно расходятся въ прежнихъ и новомъ спискѣ географіи. Но все же нѣкоторыя имена напоминаютъ современные, какъ было уже указано К. П. Паткановымъ въ его изслѣдованіи объ армянской географіи²⁾, и мы можемъ воспользоваться вышеприведеннымъ перечнемъ кавказскихъ народовъ для нѣкоторыхъ выводовъ.

Прежде всего можно вывести, что предки осетинъ скрываются въ этомъ спискѣ подъ тѣмъ же именемъ алановъ, подъ которымъ они упоминаются, какъ мы видѣли выше (стр. 28), у Моисея Хоренскаго. Въ прежнихъ спискахъ упоминалось только названіе народа алановъ между амазонками и хебурами (иначе хебарами), подъ которыми, по мнѣнію г. Патканова, скрываются хевсуры. Въ новомъ—аланы помѣщены за дигорами въ области Ардосъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дигоры

¹⁾ См. въ статьѣ г. Патканова на стр. 30. Мехитаристъ о. Сукри, издавшій и переведшій новооткрытый списокъ географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, переводитъ и интерпретируетъ приведенную выписку нѣсколько иначе: „Les peuples de Sarmatie sont ainsi dispersés de l'ouest à l'est: d'abord *des Albaniens et Aschtigors du côté du sud, habitant avec eux*; les Khebouri, les Coutheti, les Argueéli, les Mardoil, les Thacuïr; les Alans, après Tigor, dans le pays d'ArDOS, dans les montagnes du Caucase, d'où coule le fleuve Armena, qui en passant par le nord, dans de vastes plaines, se mêle au fleuve d'Athil. Dans la même montagne, après le peuple ArDOSien, viennent les Daciani, les Douali, les Zhikhui, Phurca, Zanarca, où sont les portes des Alans, et l'autre porte, qui s'appelle Zeken, synonyme du peuple qui y demeure. Ensuite viennent les *Barbares terribles anthropophages*, puis les

Zilavadi,	Cucamacari,	Durzki,	Djilpi
Didoi,	Leghi,	Dapotarani,	Phyi.
Aludacani	Khenavi,	Schipi	

См. Géographie de Moïse de Corène etc. 1881 p. 36.

²⁾ Армянская географія VII в. по Р. Х., текстъ и переводъ, С.-Петербургъ, 1877.

армянской географіи никто иное, какъ современные дигорцы (дігор), западная вѣтвь осетинъ, сидящая по ущелью Уруха, но простиравшаяся нѣкогда, какъ мы показали выше (гл. I, стр. 7 и слѣд.), вплоть до долины Баксана и Эльбруса, а можетъ быть и далѣе на западъ. Ближайшее къ дигорцамъ тюркское общество балкарцы до сихъ поръ называются у дигорцевъ Асі, именемъ подъ которымъ раньше они сами, до появленія тюркской колонизаціи, были извѣстны сванетамъ и грузинамъ. Это обстоятельство побуждаетъ насъ предположить, что дигорцы, упоминаемые географіей *передъ* аланами, т. е. по направленію, принятому географомъ, на *западъ* отъ нихъ, тождественны съ ранѣе названными въ новомъ спискѣ *Аш* тигорами, такъ какъ первая часть этого имени очевидно содержитъ названіе *Асъ* (Асі). Итакъ на востокъ отъ Асѣ-дигоровъ сидѣли аланы въ области Ардозъ. Уже непосредственное сосѣдство алановъ съ дигорцами должно указывать на то, что подъ аланами слѣдуетъ видѣть восточную вѣтвь осетинъ, ироновъ, сидящихъ въ настоящее время на востокъ отъ дигорцевъ по ущельямъ притоковъ Терека (Ардону, Фіагъ-дону, Гизель-дону); но еще болѣе ясное указаніе на тождество алановъ съ осетинами находимъ въ названіи области Ардозъ: это названіе есть осетинское слово означающее въ настоящее время *полянну средъ лѣса* (дигорск. әрдозә, иронск. әрдүз), и такимъ образомъ аланы помѣщаются въ области, носящей *осетинское* названіе.

К. П. Паткановъ въ примѣчаніи къ названію Ардозъ, говоритъ слѣдующее ¹⁾: названіе этой области напоминаетъ одно мѣсто изъ исторіи Моисея Хоренскаго, заимствованное имъ изъ народныхъ сказаній (II, 50 и 52): во 2 в. по Р. Х. при Арташесѣ, царѣ армянскомъ, аланы въ соединеніи съ другими сѣверными народами вторглись въ предѣлы Арменіи. Встрѣченные Арташесомъ, они отступили за Куру. Въ одной изъ стычекъ попадается армянамъ въ плѣнъ царевичъ аланскій. Послѣ долгихъ переговоровъ Арташесъ соглашается возвратить царевича отцу, съ тѣмъ условіемъ, чтобы за него (Арташеса) выдали сестру царевича Сатиникъ. Послѣ смерти царя аланскаго, не сынъ его, братъ армянской царицы, а нѣкто другой завладѣлъ престоломъ. Чтобъ возвратить пре-

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. Ibid. стр. 30.

столю законному наслѣднику, Арташесъ отправляетъ на Кавказъ полководца своего Смбата, который не только съ успѣхомъ исполняетъ данное ему порученіе, но изъ владѣній своего противника выводитъ большое число плѣнныхъ и поселяетъ ихъ въ области Шаваршанъ, которая съ тѣхъ поръ начинаетъ называться Артазъ, *по названію той аланской области, откуда происходили плѣнники*. Дѣйствительно-ли армянская область получила свое названіе отъ аланской, или народное сказаніе воспользовалось случайнымъ созвучіемъ именъ двухъ областей для объясненія происхожденія имени армянской области, — мы не беремся рѣшить, но сходство между Ардозъ и Артазъ бросается въ глаза“.

Это сопоставленіе именъ Ардозъ и Артазъ и намъ кажется правдоподобнымъ и мы даже склонны воспользоваться вышеприведеннымъ свидѣтельствомъ Моисея Хоренскаго для опредѣленія направленія, въ которомъ слѣдуетъ искать аланскую область Ардозъ. Изъ разсказа грузинской хроники о вторженіи оссовъ и народовъ сѣвера въ Закавказье при Арташесѣ армянскомъ и его полководцѣ Смбатѣ (см. гл. I, стр. 7 и слѣд.) видно, что оссы (аланы) дѣйствовали противъ армянъ въ союзѣ съ грузинами, которые ихъ пропустили, какъ своихъ союзниковъ, конечно, аланскими вратами, т. е. ущельемъ Даріала. Когда впослѣдствіи Смбатъ вступилъ въ Аланію на помощь брату царицы Сатиникъ, то, вѣроятно, онъ проходилъ на сѣверъ тѣмъ же ущельемъ. Отсюда нетрудно заключить, что и область Ардозъ (Артазъ) лежала по ту сторону Аланскихъ вратъ и соотвѣтствовала владикавказской равнинѣ, къ которой вполне примѣнимо осетинское названіе Ардозъ — *поляна*.

Область Ардозъ, читаемъ мы въ армянской географіи, орошается рѣкою Армна, *которая, направляясь на сѣверъ и пройдя безконечныя степи соединяется съ Атлемъ*. Въ виду того, что въ дѣйствительности нѣтъ рѣки, вытекающей изъ кавказскихъ горъ и соединяющейся съ Волгой, конечно, послѣдняя часть вышеприведеннаго извѣстія основана на недоразумѣніи. Упоминаемая здѣсь рѣка не соединялась съ Атлемъ, но подобно ему впадала въ Каспійское море и слухи объ этомъ, достигшіе до армянскаго географа (или его источника) заставили его предположить соединеніе этой рѣки съ Атлемъ. Какая же рѣка скрывается подъ именемъ Армна (можетъ быть

испорченнымъ)? Дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ нѣтъ возможности: можетъ быть Терекъ, можетъ быть его притокъ Ардонъ, который могъ быть принимаемъ за главную рѣку. Послѣдняя рѣка по имени нѣсколько напоминаетъ названіе Армена и своимъ теченіемъ съ юга на сѣверъ, такъ же какъ и Терекъ, подходитъ къ указанію армянскаго географа. Притомъ по ущелью Ардона расположены древнѣйшія поселенія осетинъ, аулы алагирцевъ.

Относительное положеніе области, населенной аланами (Ардозь) опредѣляется отчасти и называемыми вслѣдъ за аланами другими народами: „Въ тѣхъ же горахъ за ардозцами живутъ дачаны, двалы, цехои, пурка, цанарка, въ землѣ которыхъ находятся ворота Аланскія и еще другія ворота Кцкенъ, названныя по имени народа“. Имя *Дачаны*, извѣстное и изъ прежнихъ списковъ армянской географіи, не приурочивается ни къ какому современному; въ *Двалахъ* слѣдуетъ видѣть жителей области Двалетіи, южныхъ осетинъ, извѣстныхъ до сихъ поръ сѣвернымъ ихъ соплеменникамъ подъ именемъ Тѣалтѣ. Имена народовъ *цехои* и *пурка* (вар. *вопуры*, *апулы*) не встрѣчаются въ другихъ источникахъ; народъ *цанарка* напоминаетъ птолемеевымъ *Σαναρῆοι*, которыхъ онъ помѣщаетъ впрочемъ надъ Албаніей, но быть можетъ это сходство и случайно. Во всякомъ случаѣ *цанары* тождественны съ народомъ *санаровъ*, о которомъ Масуди говоритъ слѣдующее: между Тифлисомъ и замкомъ алановъ находится владѣніе *санаровъ*, которыхъ властители носятъ титулъ *корискозъ*. Этотъ народъ исповѣдуетъ христіанскую религію, хотя производитъ себя отъ арабовъ, потомковъ Низара, сына Мада, сына Модара изъ боковой линіи вѣтви Окаиль, которая въ древности водворилась въ этой области, гдѣ въ настоящее время пользуется большимъ значеніемъ¹⁾.

Если аланскія ворота, въ странѣ *цанарковъ* отождествляются съ Даріальскими, то другія ворота Кцкенъ (вар. *Цеканъ*) лежали вѣроятно восточнѣе, такъ какъ за ними упоминаются народы, повидимому, чеченскаго плени: *дуцы* (вар. *туши*, предки нынѣшнихъ тушинцевъ, народности смѣшаннаго происхожденія, *хужи* (вар. *хуши*) (?), *кисты-людоѣды*

¹⁾ Prairies d'or XVII, переводъ Barbier de Meynard. Т. II. p. 67.

(нын. кистинцы чечен. племени), цховаты (?), гудамакары (рѣка Гудамакаръ—притокъ Арагвы съ лѣвой стороны). Далѣе идутъ дурцки (въ грузинской лѣтописи называемые дурцукъ или дуцуцъ), дидои (нынѣш. дидоевцы), леки (лезгины), тапатараны (табасаранцы?) и вѣроятно другіе народы Дагестана—агутаканы, хенавы, шигпы, чигбы, пуйкы,—которыхъ трудно отождествить съ современными народностями этой „горы языковъ“.

Итакъ вышеприведенныя извѣстія армянской географіи содержатъ драгоцѣнныя для насъ указанія на территорію, занимаемую осетинами на сѣверномъ Кавказѣ въ VII в. Въ этомъ извѣстіи впервые является названіе западной вѣтви осетинъ-дигорцевъ въ формѣ, въ которой оно сохранилось до нашихъ дней. Въ то же время восточная часть осетинъ, предки нынѣшнихъ ироновъ, — совершенно опредѣленно названы аланами, живущими въ области Ардозъ. Отсюда видно, что осетины въ VII в., какъ и въ настоящее время, не имѣли общенароднаго имени, а раздѣлялись на роды, носившіе родовыя имена или имена, заимствованныя отъ мѣстности. Напомнимъ, что главная восточная вѣтвь осетинъ называется только себя иронами (ірон лăг) и не даетъ этого имени ни западнымъ осетинамъ—дигорцамъ, ни южнымъ—туальцамъ.

Загадочнымъ въ спискѣ народовъ Азіатской Сарматіи представляется имя того народа агвановъ, который упоминается передъ аштигорами (асами, дигорцами) и котораго, повидимому, послѣдніе составляли вѣтвь ¹⁾). Перечень идетъ съ запада на востокъ, причемъ, начиная съ агвановъ, перечисляются послѣдовательно народы южной части Азіатской Сарматіи. Очевидно, въ агванахъ, сидящихъ на западѣ этой части Сарматіи, т. е. приблизительно на верхней Кубани, нельзя видѣть дагестанскихъ албанцевъ, извѣстныхъ армянамъ подъ

¹⁾ Изъ перевода г. Патканова явствуетъ, что онъ считаетъ агвановъ за отдѣльный народъ отъ аштигоровъ („во первыхъ, 15) народъ агвановъ, 16) аштигоръ на югѣ“). Но армянскій текстъ, какъ сообщаетъ намъ Г. А. Халатьянцъ, буквально значитъ: „народъ агвановъ—аштигоръ, который къ югу“ (azg Aḡuanac Aštigor vor ʿest ħaravo), такъ что можно думать, что аштигоръ былъ *агванскій* народъ. Еслибы географъ имѣлъ въ виду агвановъ, какъ особый народъ, онъ назвалъ бы ихъ просто агванъ, а не azg Aḡuanac.

именемъ Агованк. Но нельзя также думать, что армянскій географъ просто сочинилъ народъ, котораго въ дѣйствительности не было въ этихъ мѣстахъ. Доказательствомъ тому, что подъ именемъ *западныхъ* агвановъ (называемъ ихъ такъ въ отличіе отъ восточныхъ) скрывается какой-то дѣйствительно существовавшій народъ, можетъ служить другое мѣсто той же географіи и того же списка. Перечисливъ 4 вѣтви кавказскихъ болгаръ (см. выше), сидящихъ на нижнемъ (а быть можетъ и среднемъ) теченіи Кубани, географъ продолжаетъ: „Между болгарами (слѣд. приблизительно между нижней Кубанью) и Понтійскимъ моремъ живутъ народы: гарши, куты и сваны до города Питинунта (Питіуса, нынѣ Пицунда) на морскомъ берегу страны авазовъ (авасги), гдѣ живутъ апшилы и абхазы до приморскаго своего города Севастополиса (Діоскуріи), и далѣе до рѣки Дракона, текущей изъ *Аванъ* и отдѣляющей Абхазію отъ страны Эгеръ“.

Не гоняясь за точнымъ опредѣленіемъ, какимъ современнымъ кавказскимъ народностямъ восточнаго побережья Понта соотвѣтствуютъ гарши, куты и сваны ¹⁾, отмѣтимъ, что абхазцы простирались до Діоскуріи (нынѣ Сухумъ) и рѣки Дракона, отдѣлявшей ихъ отъ страны Эгеръ. Последнее имя обнимало нынѣшнюю Мингрелію, хотя въ составъ Эгера входили и другія области. Спрашивается, какой современной рѣкѣ соотвѣтствуетъ р. Драконъ. Въ настоящее время границей между Мингреліей и Абхазіей считается небольшая рѣчка Галица, но едва-ли можно отождествлять ее съ р. Дракономъ, *текущей изъ Аванъ*. Едва-ли подъ Дракономъ скрывается рѣка Ингуръ, такъ какъ она течетъ слишкомъ далеко къ югу и не можетъ считаться поэтому границей между Абхазіей и Эгеромъ. Думаемъ, что рѣкѣ Дракону всего скорѣе соотвѣтствуетъ нынѣшній Кодоръ, которой составляется изъ трехъ рѣкъ — Секкена, Клыча и Хыцкорвы, берущихъ свое начало близъ истоковъ Кубани изъ снѣговаго хребта, служащаго здѣсь

¹⁾ По Птоlemeю на этомъ берегу Понта съ сѣвера на югъ живутъ: ахен, керкеты, геніохы и сваноколхи. Въ Периплѣ Арріана въ противоположномъ направленіи упоминаются санны (Σάννοι), махелоны (Μαχέλωνες), геніохы (Γενίοχοι), зидрейты (Ζιδρεῖται), ансилы (Ἀψίλαι), абаски (Ἀβασκοί), саниги (Σανίγαι).

границей Цебельды и карачаевцевъ Кубанской области. За переваломъ, по сѣверную сторону хребта, начинаются источники Кубани и ея притоковъ, т. е. та область, гдѣ еще въ средніе вѣка сидѣли осетины (аланы), впоследствии вытѣсненные тюркскимъ племенемъ (карачаевцами, урусбиевцами и др.). Если наше отождествленіе рѣки Дракона съ Кодоромъ вѣрно, то не трудно объяснить себѣ замѣтку армянскаго географа, что р. Драконъ *течетъ изъ Агванъ*. Названіе Агванъ по смѣшенію кавказскихъ албанцевъ съ аланами, часто встрѣчающемуся у средневѣковыхъ европейскихъ, а также у армянскихъ историковъ и географовъ, было внесено какимъ нибудь переписчикомъ армянской географіи ошибочно вмѣсто названія Аланъ, причемъ переписчикъ могъ сдѣлать эту ошибку даже сознательно, въ виду того, что нѣсколько далѣе уже упоминается народъ *аланъ* и такое повтореніе могло показаться ему подозрительнымъ.

Такимъ образомъ, если мы предположимъ, что имя Агванъ обозначаетъ алановъ, то оба мѣста, гдѣ оно встрѣчается въ армянской географіи, получаютъ объясненіе. Въ первомъ мѣстѣ, какъ мы видѣли, народъ агвановъ (алановъ) поставленъ во главѣ перечня племенъ сидящихъ, по южной сторонѣ Сарматіи, т. е. какъ самый западный. Ближайшими сосѣдями его должны были быть кавказскіе болгары на Кубани. Это не говорится въ самомъ текстѣ географіи, но явствуетъ изъ *порядка*, котораго придерживается географъ въ своемъ перечнѣ. Порядокъ же этотъ таковъ: сначала идетъ опредѣленіе границъ Азіатской Сарматіи, перечисленіе горъ и рѣкъ, причемъ на сѣверъ отъ Кубани упоминаются болгары; затѣмъ перечисляются народы по побережью Чернаго моря до Эгера, области входящей уже въ составъ Колхиды; далѣе перечисляются народы сѣверной половины Сарматіи, мало извѣстной армянскому географу, и потому онъ главнымъ образомъ придерживается Птолемея съ нѣкоторыми добавленіями; здѣсь упоминаются царственные сарматы, гиппофаги, (Ἱπποφάγοι) нахчаматьяны, кларджи, суракійцы (сираки Σιρακῆνοι), мидосесенъ (вар. митрикаци, т. е. Μιθριδάτου χώρα), амазонки (Ἀμαζόνες); далѣе современные географу народы: баслы (басилы), хазары, бушхи. Изъ Птолемея же почерпнуты названія народовъ восточной части Сарматіи: адонъ (Οὔδαι), аландонъ (Ολόνδαι), сондасъ (Ισόνδαι) и геруа (Γέρροι). Послѣ этого

перечня составитель неожиданно вносить другой перечень сарматских народовъ, начинающійся словами: „Народы въ Сарматіи распредѣлены слѣдующимъ образомъ, начиная съ запада и направляясь къ востоку: во-первыхъ, народъ Агвановъ Аштигоръ“ и т. д. Этотъ новый перечень, особенно цѣнный для насъ, уже не представляетъ заимствованій изъ Птолемея, которымъ составитель пользовался до тѣхъ поръ, пока говорилъ о сѣверѣ Сарматіи, очевидно ему мало извѣстномъ. Притомъ этотъ перечень естественно примыкаетъ и по времени и по мѣсту къ началу главы о Сарматіи, къ тому мѣсту, гдѣ составитель упомянулъ о кавказскихъ болгарахъ, которыхъ онъ покинулъ, занявшись перечисленіемъ народовъ побережья Чернаго моря. Такимъ образомъ, отправившись отъ крайняго запада Азіатской Сарматіи, географъ снова возвращается къ западу и ведетъ отсюда новый перечень народовъ, начиная отъ агвановъ (алановъ) и доходя до Каспійскаго моря, нисколько не заботясь о согласованіи именъ дагестанскихъ народовъ съ именами, раньше почерпнутыми изъ классическаго источника. Видно, что у него, какъ у компилятора, работа сшита на живую нитку; видно, что онъ выкраивалъ свои перечни народовъ изъ источниковъ разнаго времени, какъ западныхъ, такъ и восточныхъ. Такимъ образомъ, если пристальнѣе всмотрѣться въ его работу, то не трудно замѣтить, что агваны (т. е. аланы) должны логически и географически слѣдовать за наиболѣе западнымъ народомъ Азіатской Сарматіи VII вѣка, т. е. за кубанскими болгарами. Это сосѣдство алановъ съ болгарами, выводимое нами изъ разбора показаній армянской географіи, подтверждается тѣми историческими извѣстіями, которыя мы привели въ текстѣ главы II (на стр. 60 и слѣд.) и изъ которыхъ видно, что оба народа должны были въ концѣ VII вѣка подчиниться Турксанту.

Предполагая, что въ народѣ агвановъ, сидящемъ, повидимому, близъ источниковъ Кубани слѣдуетъ видѣть вѣтвь алановъ, т. е. предковъ осетинъ, мы получаемъ указаніе на то, что во время составленія географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, въ областяхъ, прилежащихъ къ Эльбрусу, еще не было тюркской народности, такъ какъ болгарскія племена, сидѣли въ это время гораздо болѣе на западъ и сѣверъ отъ названныхъ мѣстъ. Важно было бы знать, къ какому вре-

мени относится поселеніе тюрковъ-карачаевцевъ въ области на западъ отъ Эльбруса, на верховьяхъ Кубани. Но историческихъ указаній на эту тюркскую колонизацію не существуетъ, а по мѣстному карачаевскому преданію—карачаевцы живутъ въ своей горной мѣстности около четырехъ-сотъ лѣтъ ¹⁾. „Сначала ихъ поселилось здѣсь немного, но съ теченіемъ времени численность ихъ увеличилась отъ наплыва разныхъ пришельцевъ: сванетовъ, мингрельцевъ, абхазцевъ, кабардинцевъ и русскихъ бѣглецовъ“. Родоначалникомъ карачаевцевъ народное преданіе называетъ Карчу, который нѣкогда съ небольшимъ своимъ племенемъ вышелъ изъ *Крыма* и, послѣ долгихъ скитаній, поселился на одномъ ихъ верховьевъ рѣки Баксана ²⁾, а затѣмъ перешелъ на истоки Кубани. Если, давая вѣру этому преданію, поселеніе тюркаго племени въ нынѣшнемъ Карачаѣ нельзя отнести глубоко въ древность, то является вопросъ, какъ назывались занятыя карачаевцами мѣста раньше ихъ водворенія и нѣтъ ли указаній на то, что къ нимъ было прикрѣплено имя *алановъ*? Вполнѣ точнаго отвѣта на этотъ вопросъ мы не имѣемъ, но, кажется, есть глухія указанія на то, что названіе алановъ, существовавшее здѣсь въ VII в., продолжало существовать до поздняго времени, чуть ли не до нашего столѣтія, хотя, конечно, это названіе обнимало уже не потомковъ древнихъ (иранскихъ) алановъ, а перешло вмѣстѣ съ мѣстностью къ новому населенію, подобно тому, какъ имя Аси перешло вмѣстѣ съ мѣстностью на тюркскихъ балкарцевъ. Представимъ факты, говорящіе въ пользу этого предположенія, не ручаясь, впрочемъ, за ихъ достовѣрность.

Извѣстный путешественникъ конца прошлаго столѣтія графъ Потоцкій занесъ въ дневникъ своего путешествія по Кавказу слѣдующія извѣстія. „19 ноября 1797 г. я сдѣлалъ визитъ епископу моздокской и маджарской епархіи, родомъ грузину ³⁾. Онъ увѣрялъ меня, что аланы еще до сихъ поръ существуютъ въ одной долинѣ Кавказа близкой къ сване-

¹⁾ См. статью г. Алейникова — Карачаевскія сказанія — въ III вып. „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ (1883).

²⁾ Назван. сочин. стр. 164.

³⁾ Это извѣстный епископъ Гай.

тамъ, но что онъ (Гай) никогда не видалъ ни одного алана и полагаетъ, что къ нимъ нельзя проникнуть“¹⁾).

15 декабря. Я нашелъ въ канцеляріи по черкесскимъ дѣламъ (повидимому близъ Солдатской станицы) доказательство существованія алановъ, которыхъ въ настоящее время считается не болѣе 1000 душъ. Если-бъ была возможность вступить въ сношенія съ остаткомъ этого народа и узнать его языкъ, мы нашли бы рѣшеніе великой исторической проблемы¹⁾....

По поводу перваго указанія издатель путешествія гр. Потockаго, извѣстный оріенталистъ Клапротъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Страна этихъ алановъ подъ названіемъ Alania нанесена на карту Грузіи и Арменіи составленную De l'Isle'емъ на основаніи грузинскихъ данныхъ. Она помѣщена на одномъ изъ лѣвыхъ притоковъ Кубани на сѣверо-западъ отъ Сванетіи и на сѣверъ отъ Бедіаса и источниковъ Эгрисси въ Одиши. О. Ламберти указываетъ алановъ приблизительно на томъ же мѣстѣ въ своей картѣ Мингреліи.... Согласно съ нѣкоторыми свѣдѣніями, которыя я собралъ въ теченіе моего пребыванія на Кавказѣ, племя Azge (Azghé), живущее на источникахъ Убуха (Ouboukh), притока верхняго теченія Шагваши (Chag'washa), также называется аланами. Это племя имѣетъ особый языкъ и носитъ шляпы“.... Далѣе Клапротъ ссылается на малодостовѣрныя показанія Рейнеггса, который упоминаетъ объ аланахъ рядомъ со сванетами. Онъ утверждаетъ, что на сѣверъ отъ города Анаклеи живетъ небольшое племя, называемое Лази или Ласси на рѣчкахъ Алатисъ и Цупи (въ Абхазіи). „На сѣверо-востокъ отъ этихъ Лази, тамъ гдѣ Кераунійскія (?) горы отдѣляются отъ Гордіенскихъ (?), живетъ въ долинахъ главнаго хребта бѣдный немногочисленный народецъ, который называется аланами и котораго татары называютъ ѳей или эдеки-аланъ, вѣроятно потому, что они зависятъ отъ князей Айтековыхъ темиргоевскихъ черкесовъ. Этотъ народецъ говоритъ особеннымъ нарѣчіемъ кавказско-татарскаго (?) языка“....

¹⁾ См. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase, изд. Клапрота 1829 г. стр. 146.

²⁾ Ibid. стр. 181.

Какъ видно, всѣ эти показанія — Потоцкаго, Клапрота, Рейнеггса — не отличаются опредѣленностью; но все же нѣтъ основанія отрицать, что имя *алановъ*, къ какому-бы племени ни принадлежали его носители, существовало еще въ прошломъ столѣтіи гдѣ-то по близости отъ границы Сванетіи близъ источниковъ Кубани, въ главномъ кавказскомъ хребтѣ. Болѣе вѣское подтвержденіе этому находимъ въ грузинской географіи, составленной въ прошломъ столѣтіи царевичемъ Вахуштой. Царевичъ упоминаетъ страну алановъ, сначала очерчивая границы Сванетіи, а затѣмъ опредѣляя границы самой Аланетіи. „Сванетія, говоритъ онъ ¹⁾, со всѣхъ сторонъ окружена кавказскимъ хребтомъ; она лежитъ на сѣверъ отъ Радши и Лечхума, на востокъ отъ Одиши; ея восточную границу составляетъ вѣтвь Кавказа, отдѣляющая ее отъ Басіана; сѣверную границу составляетъ другой хребетъ, отдѣляющій ее отъ Большой Кабарды и Черкеза; южную — другой, отдѣляющій ее отъ Радши и Лечхума; на западъ хребетъ отдѣляетъ ее отъ Одиши, а также отъ границы *Алана*“. *Аланетія*, (Alaneth) говоритъ онъ далѣе ²⁾ лежитъ на западъ отъ Сванетіи и на сѣверъ отъ Бедіа (Bédia); на востокъ она прилегаетъ къ кавказскому хребту и границѣ Сванетіи; на югъ хребетъ отдѣляетъ ее отъ Бедіа и Одиши; на сѣверѣ и западѣ — хребетъ Кавказа. Черезъ Аланетію протекаетъ рѣка Сванетіи; она имѣетъ тѣ же произведенія почвы и такихъ же животныхъ, какъ Сванетія. Жители — язычники и не имѣющіе религіи, хотя нѣкогда были христіанами. Нѣкоторые изъ нихъ магометане, хотя несвѣдущіе и въ этой религіи“.

Наконецъ можно отмѣтить, что на картахъ Кавказа (напримѣръ Кондратьева (1872), Риттиха и друг.) близъ впаденія въ р. Кодоръ ея притока Секена нанесено селеніе *Аланда*, котораго названье, можетъ быть, находится въ связи съ именемъ алановъ. Вспомнимъ, что по новому списку армянской географіи, приписываемой Мойсею Хоренскому, область, въ которой, согласно съ нашей поправкой, слѣдуетъ видѣть Аланію, лежитъ на источникахъ Дракона, отождествленнаго нами съ р. Кодоромъ.

¹⁾ См. Description géographique de la Géorgie par le tsarévitch Wakhoucht publiée par M. Brosset, S. Petersbourg, 1842. p. 418.

²⁾ Ibid. p. 413.

Изъ всего вышесказаннаго, кажется, можно сдѣлать тотъ выводъ, что названіе *Аланъ* на Кавказѣ пережило древнихъ иранскихъ носителей этого имени, предковъ осетинъ. Последніе слѣды его сохранялись въ главномъ хребтѣ приблизительно близъ источниковъ Кубани и Кодора, на югѣ нынѣшняго Карачая и на сѣверо-западѣ отъ Сванетіи. Подъ *последними* носителями этого имени слѣдуетъ разумѣть не осетинъ, а вѣтвь того же тюркскаго племени, которое живетъ въ Карачаѣ.

Экскурсъ о Скивахъ.

Въ нашей статьѣ „Черты старины въ преданіяхъ и бытѣ Осетинъ“¹⁾, приведя рядъ параллелей между чертами быта, являющимися въ осетинскихъ сказаніяхъ о нартахъ (богатыряхъ) и чертами быта скиѳовъ, занесенными Геродотомъ въ его описаніе этого народа, мы въ немногихъ словахъ коснулись вопроса о національности скиѳовъ, именно *иранской* гипотезы, которой придерживаются Цейсъ, Мюлленгофъ, Шпигель²⁾, Эдуардъ Мейеръ³⁾ и друг. ученые, причемъ выразили о ней слѣдующее мнѣніе: „Мы думаемъ, что эту гипотезу нужно ограничить въ томъ смыслѣ, что имена *скиѳъ* и *иранецъ* не покрываютъ другъ друга; мы считаемъ вѣроятнымъ только то, что подъ именемъ скиѳовъ скрывались племена индо-европейскія, и въ числѣ ихъ, въ восточныхъ частяхъ Скиѳіи, по сѣверному побережью Понта, главнымъ образомъ въ бассейнѣ Дона, были и иранцы. Безъ этого предположенія едва-ли можно объяснить несомнѣнное присутствіе иранскаго элемента въ Боспорскомъ царствѣ временъ династїи Савроматовъ, а также существованіе иранцевъ-осетинъ (оссовъ-ясовъ) на Кавказѣ“.

Эта наша замѣтка вызвала замѣчанія и возраженія со стороны почтеннаго кіевскаго ученаго Θ. Г. Мищенко въ его статьѣ „Къ вопросу о царскихъ скиѳахъ“, читанной въ годичномъ собраніи Историч. общества преп. Нестора лѣтописца⁴⁾. Выводы, къ которымъ пришелъ относительно ски-

1) Журн. М. Н. Пр. 1882, августъ.

2) Eranische Alterthumskunde.

3) Geschichte des Alterthums 1 Band (1884).

4) Напеч. въ „Кіевской Старинѣ“, май 1884 г.

овъ Ѳ. Г. Мищенко, сводятся имъ къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) Отецъ исторіи замѣнилъ прежнее слишкомъ общее *географическое* названіе скивовъ терминомъ *политическимъ* и тѣмъ ограничилъ географическое понятіе скивскихъ народовъ; но политическое единство скивовъ и недостаточность пріемовъ наблюденія помѣшали ему различить въ составѣ скивскаго населенія племена различныя по расѣ, *арійскія*¹⁾ и *урало-алтайскія*; 2) къ арійскимъ слѣдуетъ причислить каллипидовъ, алазоновъ, скивовъ-земледѣльцевъ и пахарей, остававшихся въ томъ полукочевомъ-полуосѣдломъ образѣ жизни, къ которому перешли общіе арійскіе предки индоевропейскихъ народовъ еще до расселенія ихъ на отдѣльныя мѣста жительства въ Азіи и Европѣ; 3) къ урало-алтайской группѣ принадлежали скивы кочевники, прежде всего царскіе скивы, пришедшіе сюда послѣ арійскихъ народцевъ и раньше тѣхъ нескивскихъ племенъ, которыя въ описаніи Геродота ограничиваютъ скивское населеніе юга Россіи съ запада, сѣвера, востока, и отчасти юга“.

Въ настоящее время мы уже не рѣшились бы утверждать, что подъ именемъ скивовъ *вообще* скрываются племена индоевропейскія, но за тѣ болѣе, чѣмъ прежде, убѣждены въ присутствіи среди скивовъ, въ числѣ другихъ этническихъ элементовъ, — элемента иранскаго. Присутствіе послѣдняго элемента можетъ быть, какъ мы увидимъ ниже, *обставлено доказательствами*, между тѣмъ какъ пріуроченіе прочихъ элементовъ, входившихъ въ составъ политическаго единства Скивіи, къ тому или другому племени до сихъ поръ остается вопросомъ, не разрѣшимымъ на основаніи извѣстныхъ намъ фактовъ. Ѳ. Г. Мищенко, отдѣляя въ этническомъ отношеніи *скивовъ номадовъ* и *царскихъ* отъ скивовъ *земледѣльцевъ* и *пахарей*, считаетъ первыхъ урало-алтайской ордою, повторяя для подтвержденія своего мнѣнія всѣ тѣ доказательства, которыя были приводимы Нибуромъ, Нейманомъ и другими учеными *въ пользу монголизма скивовъ*. Эти доказательства исчерпываются *указаніемъ на грубость и жестокость скивовъ, на сходство нѣкоторыхъ обычаевъ съ обычаями урало-алтайскихъ народовъ и наконецъ*

¹⁾ Во избѣжаніе недоразумѣнія замѣтимъ, что г. Мищенко употребляетъ терминъ *арійскій* въ смыслѣ *индоевропейскій*.

упоминаніемъ свидѣтельства Гиппократъ о типѣ скиѳовъ. Что касается до доказательствъ, основанныхъ на грубости скиѳскихъ нравовъ, то мы опять должны повторить, что было заявляемо и всѣми, доказывавшими иранство скиѳовъ, именно, что примѣры неменьшей жестокости и грубости нравовъ можно указать и у народовъ индоевропейскихъ въ ихъ докультурномъ состояніи, особенно же жестокости, связанной съ религіозными представленіями и культомъ. Если, напри- мѣръ, Θ. Г. Мищенко, говоря о чествованіи скиѳами бога войны принесеніемъ въ жертву военноплѣнныхъ, ссылается при этомъ на Палласа, нашедшаго подобное же чествованіе бога войны у монгольскихъ народовъ, то такія же человѣческія жертвоприношенія можно указать и у индоевропейскихъ народовъ: грековъ, германцевъ, литовцевъ, римлянъ, кельтовъ и др. ¹⁾. Вообще нѣтъ такой черты жестокости и

¹⁾ Напр. у грековъ человѣческія жертвоприношенія практиковались въ культахъ: Зевса Ликейскаго въ Аркадіи, Артемиды *Ταυροπόλος* въ Фокидѣ, Деметры у города Патній въ Віотіи, Діониса въ Ахеи, Зевса *Λαφύστιος* въ Θεσσαλίи, Діониса *Ὠρέδιος* или *Ὠρηστής* (сыроядца) у хіосцевъ и въ другихъ культахъ. Германцы, по Тациту, приносили человѣческія жертвоприношенія Меркурію; скандинавскія саги изобилуютъ примѣрами подобныхъ жертвъ; про кельтовъ читаемъ у Страбона: священныя пророчицы сѣдовласыя, въ бѣлыхъ одеждахъ, босоногія, выступаютъ окруженныя толпою прислужницъ: онѣ съ мечемъ въ рукахъ схватываютъ плѣнныхъ, ведутъ ихъ къ большому бронзовому котлу, вмѣщающему 20 амфоръ, поднимаются къ нему по ступенямъ и перерѣзываютъ надъ нимъ горло у плѣнниковъ: онѣ пророчатъ по крови, стекающей въ котелъ, въ то время какъ другія взрѣзываютъ желудки и гадаютъ по внутренностямъ. „Кто не знаетъ, говоритъ Евсевій (IV в.) (Γραερар. Evang.), что до сего дня въ великомъ городѣ (Римѣ) человѣкъ приносится въ жертву Юпитеру *Latiaris*“. По Діодору Сицилійскому, когда храмъ богини войны былъ разрушенъ въ Римѣ, были найдены чаны, наполненные человѣческимъ мясомъ. У литовцевъ, дольше другихъ народовъ сохранявшихъ обряды старины, еще въ половинѣ XIV в. (1341 г.), слѣдовательно во времена Петрарки, мы находимъ такое описаніе похоронъ Гедимина у Стрыйковскаго (*Kronika polska* XI кн.): воздвигли костеръ изъ сосноваго лѣса, на него возложили пышноодѣтый трупъ со всѣмъ оружіемъ; затѣмъ двухъ соколовъ и охотничьихъ псовъ, осѣдланнаго коня и любимаго слугу; за нимъ послѣдовали на костеръ три плѣнныхъ нѣмецкихъ рыцаря. Вообще можно было бы написать цѣлый трактатъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у индоевропейскихъ народовъ, и намъ неизвѣстно ни одного народа древности, у котораго ихъ нельзя было бы указать.

звѣрства, которая была бы исключительно свойственна монгольскимъ народамъ и чужда индоевропейскимъ. Въ нашей статьѣ о чертахъ старины въ бытѣ осетинъ мы приводили нѣкоторые обычаи этого народа, сходные съ обычаями скиѳовъ, но при этомъ нисколько не смотрѣли на эти параллели, какъ на вѣское доказательство иранства скиѳовъ. Мы замѣтили только, что „указаніе чертъ весьма низкаго быта у иранцевъ-осетинъ можетъ ослабить ту теорію о національности скиѳовъ, которая именно на основаніи грубости скиѳскихъ обычаевъ видитъ въ скиѳахъ монголовъ“. Θ. Г. Мищенко подвергаетъ критикѣ нѣкоторыя изъ нашихъ параллелей и находитъ, что хотя нѣкоторыя черты (напримѣръ, обряды при похоронахъ) и напоминаютъ скиѳскія, но что „аналогіи болѣе многочисленныя и болѣе полныя содержатся въ трудахъ новыхъ ученыхъ о монгольскихъ народахъ“. Оставляя открытымъ вопросъ о большей полнотѣ и численности монгольскихъ аналогій скиѳскимъ обычаямъ, замѣтимъ только, что разъ обычаи скиѳовъ не составляютъ исключительной и характерной особенности урало-алтайскихъ народовъ, (что допускаетъ и самъ г. Мищенко), то теорія монголизма скиѳовъ должна искать другихъ опоръ помимо бытовыхъ аналогій. Мы знаемъ, что Нейманъ искалъ ихъ между прочимъ въ скиѳскихъ именахъ и словахъ, которымъ онъ старался найти этимологіи въ урало-алтайскихъ языкахъ; но эта попытка вышла крайне неудачной, какъ доказалъ это Шифнеръ, знатокъ урало-алтайскихъ языковъ ¹⁾. Затѣмъ послѣдней опорой монголизма скиѳовъ остается свидѣтельство Гиппократъ о ихъ внѣшнемъ видѣ: „они похожи только на самихъ себя и нисколько на другихъ; цвѣтъ кожи у нихъ желтый, тѣло ихъ тучное; отсутствіе бороды уподобляетъ мужчинъ женщинамъ“ ²⁾. Изъ этихъ признаковъ первый ничего не говоритъ въ пользу принадлежности скиѳовъ тому или другому племени; второй признакъ—желтизна кожи, какъ понимаетъ это г. Мищенко, подверженъ нѣкоторому сомнѣнію. Гиппократъ, какъ ученый врачъ, ищетъ объясненія физическихъ свойствъ людей въ условіяхъ физической природы и говоритъ про ски-

¹⁾ См. его статью: *Sprachliche Bedenken gegen das Mongolenthum der Skythen*, *Mélanges asiatiques*, 1856, т. 2, стр. 531—547.

²⁾ См. статью *Θ. Г. Мищенко*, стр. 15 и 16 отд. оттиска.

ѳовъ: родъ скиѳскій вслѣдствіе холода отличается цвѣтомъ, который греки называли *πυρρόν* (*πυρρόν δὲ τὸ γένος ἐστὶ τὸ Σχυθικὸν διὰ τὸ ψυχρὸς*) и далѣ прибавляетъ: отъ холода бѣлизна загораетъ и становится *πυρρή* (*ὕπὸ δὲ τοῦ ψυχροῦ ἡ λευκότης ἐπικαίεται καὶ γίγνεται πυρρή*). Спрашивается, можно-ли понимать *πυρρός* въ значеніи *желтаго*, отступая отъ обычнаго значенія этого прилагательнаго, которое, какъ производное отъ *πύρ*—*огонь*, обозначаетъ цвѣтъ огненный, красноватый, пожалуй смугловатый ¹⁾. Мы знаемъ, что холодъ красить щеки и это наблюденіе конечно зналъ Гиппократъ, но едва-ли онъ могъ бы желтизну кожи объяснять дѣйствіемъ мороза. Третій признакъ — тучность тѣла — не представляетъ ничего типическаго урало-алтайскаго; наконецъ четвертый — безбородость, точнѣе отсутствіе растительности на тѣлѣ (*ψιλλὴ σάρξ*), находится въ странномъ противорѣчій съ изображеніями скиѳовъ на греческихъ вазахъ, гдѣ мы видимъ ихъ надѣленными густыми бородами. Не менѣе страннымъ представляется и то обстоятельство, что Геродотъ предъ своими читателями ни словомъ не обмолвился о наружности скиѳовъ, которые, по Гиппократу, отличались ею отъ всѣхъ другихъ людей. Тѣхъ-ли скиѳовъ описываетъ Гиппократъ, которыхъ приходилось видѣть Геродоту?

Впрочемъ, не считая доказательными всѣ тѣ доводы, которые до сихъ поръ были приводимы въ пользу монгольства или урало-алтайства скиѳовъ, мы этимъ еще нисколько не отрицаемъ возможности того, что *царскіе* и *кочевые* скиѳы принадлежали къ не арійскому племени, какъ полагаетъ *Θ. Γ. Мищенко*. Скажемъ болѣе: это предположеніе кажется и намъ вѣроятнымъ, хотя и мы не можемъ прибавить никакого новаго довода къ числу существующихъ, въ доказательности которыхъ мы сомнѣваемся. Кажется, слѣдуетъ пока оставить этотъ вопросъ *in suspenso*, и заняться другими вопросами, вызываемыми извѣстіями древнихъ о скиѳахъ, вопросами, для рѣшенія которыхъ мы имѣемъ болѣе матеріала.

Нѣтъ-ли въ извѣстіяхъ Геродота о скиѳахъ указаній на то, что между скиѳскими родами (колѣнами) были этническія

¹⁾ Словомъ *πυρρός* обозначается особенно цвѣтъ *первой* бороды, и смѣсь цвѣтовъ сѣраго съ желтымъ, рыжимъ: *πυρρόν ξανθοῦ τε καὶ φαιοῦ χράσει γίγνεται*. (Plat. Tim. 68, c.).

различія, или на то, что скиѣы не представляли однородную племенную массу, занявшую одновременно южныя части нынѣшней Россіи? Кажется, такія указанія можно найти.

I. Прежде всего, скиѣы дѣлились на два класса: скиѣовъ свободныхъ, властителей и скиѣовъ несвободныхъ, подчиненныхъ первымъ. Свободными называются скиѣы царскіе, жившіе, по словамъ Геродота (IV 20) „къ востоку отъ скиѣовъ номадовъ, по ту сторону рѣки Герроса, простираясь на югъ до Таврики, на востокъ—до рва, вырытаго рабами, и до торговища на Мэотійскомъ озерѣ, называющагося Кремнами, частью до Танаиса. Такимъ образомъ скиѣы властители жили въ области нижняго Донца, быть можетъ Дона, и по западному побережью Азовскаго моря до Таврическаго полуострова ¹⁾. По словамъ Геродота, они храбрѣйшіе и многочисленнѣйшіе изъ скиѣовъ и почитаютъ всѣхъ прочихъ своими рабами. Отъ царскихъ скиѣовъ (гл. 22) отдѣлилась часть, живущая далеко на сѣверс-востокъ, за Тиссагетами и Іирками, слѣдовательно, отдѣленная отъ родичей нескиѣскими племенами. Въ виду того, что, по словамъ Г—та (гл. 23), начиная отъ этихъ *отдѣлившихся* скиѣовъ „земля камениста и неровна“, а далѣе идутъ горы, у подножья которыхъ живутъ аргиппай, можно думать, что эта вѣтвь царскихъ скиѣовъ жила въ части нынѣшней Оренбургской и Уфимской губерній близъ предгорьевъ Урала.

Геродотъ, получившій только смутныя свѣдѣнія о племенахъ, сидѣвшихъ на востокъ между Танаисомъ, Волгою и Ураломъ, не могъ узнать, когда и вслѣдствіе чего произошло это отдѣленіе части царскихъ скиѣовъ отъ главной орды, и мы склонны раздѣлять мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые полагаютъ, что мѣста, занимаемая приуральской частью скиѣовъ, были древнѣйшимъ мѣстопребываніемъ всей орды царскихъ скиѣовъ, и что *отдѣлившимися* были тѣ царскіе скиѣы, которые жили по сю сторону Танаиса, а не на оборотъ. Дѣйствительно, это предположеніе согласуется съ извѣстіемъ,

¹⁾ По мнѣнію г. Латышева, скиѣы царскіе занимали часть Крыма, уѣзды Мелитопольскій, Бердянскій и далѣе южную часть Екатеринославской губерніи и западъ Войска Донскаго. См. его „Исслѣдованіе объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи, въ Ж. М. Н. Пр. Январь 1887, стр. 23.

сообщаемымъ въ гл. 11-й, что скиѣы кочевники жили сначала въ Азіи и перешли въ Европу вслѣдствіе давленія массагетовъ, которые, повидимому, жили между Каспійскимъ и Аральскимъ моремъ.

Въ гл. 99 Геродотъ говоритъ, что та часть Скиѣи, которая начинается отъ Истра и простирается до города Каркинитиды, называется *древней Скиѣей*. Такимъ образомъ, древнѣйшей частью Скиѣи считалась между прочимъ область коллипидовъ, алазоновъ и скиѣовъ *пахарей*. Это извѣстіе можетъ, кажется, быть истолковано въ томъ смыслѣ, что земледѣльская, западная часть скиѣскаго населенія, подчинявшаяся отчасти греческой культурѣ, считала себя элементомъ болѣе древнимъ, чѣмъ скиѣовъ кочевыхъ и царскихъ, которые вѣроятно явились въ Европу въ болѣе позднее время и, подчинивъ своей власти туземное населеніе въ бассейнахъ Днѣстра, Буга, Днѣпра, заняли болѣе восточныя части южно-русской равнины, на востокъ отъ Днѣпра.

Въ западной части Скиѣи, какъ болѣе древней, находятся и скиѣскія святилища. Здѣсь между рѣками Днѣпромъ и Бугомъ упоминается священная мѣстность Еksamпай, — *священные пути*, — гдѣ между прочимъ хранился мѣдный сосудъ, сдѣланный изъ наконечниковъ стрѣлъ, долженствовавшихъ опредѣлить, по желанію царя Аріанта, численность скиѣовъ (IV 81); здѣсь же, въ западной Скиѣи, на берегу Тиры (Днѣстра), показывали въ скалѣ ступню Геракла, т. е. мѣстнаго бога, отождествленнаго греками съ Геракломъ (IV 82); здѣсь же, вѣроятно, слѣдуетъ искать, священное мѣсто погребенія скиѣскихъ царей — *Герросъ*, область простиравшуюся, какъ полагаютъ, отъ устья р. Самары до устья Десны (IV 56, 71). Казалось бы страннымъ, что царей скиѣскихъ хоронили не въ области царскихъ скиѣовъ, а гораздо западнѣе, надъ областью скиѣовъ-земледѣльцевъ; но это именно должно указывать на то, что западная часть скиѣской территоріи была освящена преданіемъ и потому болѣе поздніе насельники, скиѣы-кочевники, питая уваженіе къ мѣстнымъ святынямъ, хоронили своихъ царей тамъ, гдѣ покоились вѣроятно прежніе властители подчиненной имъ области.

Говоря такъ, мы предположили, что до завоеванія южно-русскихъ областей скиѣами царскими, въ этихъ областяхъ могли быть у туземцевъ-земледѣльцевъ свои цари, и дѣй-

ствительно, это намъ кажется весьма вѣроятнымъ. Изъ извѣстій Геродота не слѣдуетъ, чтобъ всѣ скиѣы управлялись однимъ царемъ, властителемъ царскихъ скиѣовъ. Скорѣе можно вывести, что у разныхъ племенъ были свои цари, главенство надъ которыми принадлежало царю господствующей орды. Преданіе о происхожденіи царей, рассказанное Геродотомъ въ 7 главѣ, говоритъ, что редоначальникъ царей, Колаксайсъ, раздѣлилъ страну, вслѣдствіе ея обширности, на три царства для своихъ сыновей (которыхъ слѣдовательно было трое), причемъ въ одномъ изъ этихъ царствъ, въ обширнѣйшемъ, хранились инсигнії царской власти, золотыя орудія, ниспавшія съ неба. Эти предметы, говоритъ Г., *цари* оберегаютъ весьма ревниво и ежегодно благоговѣнно чтутъ ихъ жертвоприношеніями. Изъ этого указанія видно, что у скиѣовъ было одновременно нѣсколько царей. Вѣроятно, въ связи съ тремя царствами находится и то обстоятельство, что во время похода Дарія на скиѣовъ послѣдніе раздѣлились на три отряда, подъ предводительствомъ трехъ царей: Скопасиса, Идантирса и Таксакиса. Не трудно предположить, что три скиѣскіе царя, между которыми одинъ былъ главнымъ, управляли разными частями Скиѣи, въ которыхъ жили покоренные царскими скиѣами народы. Такъ, намъ кажется вѣроятнымъ, что Скопасисъ, въ отрядъ котораго входили сарматы, управлялъ той частью царскихъ скиѣовъ, которая граничила съ этимъ народомъ, а также бралъ дань съ сарматовъ. Одинъ изъ трехъ царей вѣроятно властвовалъ надъ скиѣами осѣдлыми (земледѣльцами, каллипидами, алазонами) въ западныхъ частяхъ Скиѣи и приходилъ поэтому въ соприкосновеніе съ греческими колоніями въ западной части Понта (Тирасъ, Ольвія). Наконецъ третій былъ *царемъ царей* и управлялъ главной ордой кочевниковъ, считая прочихъ царей своими вассалами. Конечно, все это только предположеніе, но въ пользу его можно кое что привести.

Вспомнимъ исторію царя Анахарсиса. Геродотъ рассказываетъ, что этотъ царь, братъ царя Савлія, подчинившись иноземному вліянію, вернулся въ Скиѣю и, удалившись въ Гилею, устроилъ здѣсь въ честь матери боговъ празднество на иноземный ладъ. „Кто-то изъ скиѣовъ замѣтилъ Анахарсиса за этимъ празднествомъ и донесъ царю Савлію; тотъ самъ явился на мѣсто дѣйствія и увидѣвши, что Анахар-

сисъ совершаетъ это празднество, умертвилъ его стрѣлою изъ лука. Намъ кажется возможнымъ предположить, что, устраивая торжество въ честь матери боговъ въ Гилеѣ, т. е. въ области лежавшей въ древней Скиѣи, на востокъ отъ низовья Днѣпра, Анахарсисъ выбралъ мѣстность, находившуюся въ его собственныхъ владѣніяхъ, и что слѣдовательно онъ управлялъ борисфенитами, скиѣами-земледѣльцами; этимъ обстоятельствомъ и можно объяснить его увлеченіе греческимъ религіознымъ культомъ. Братъ же его, главный царь скиѣовъ или царь господствующей кочевой орды, является блюстителемъ и охранителемъ скиѣской національности и считаетъ долгомъ покарать брата за его отступничество отъ скиѣскихъ обычаевъ.

Такой же разладъ въ царской династіи произошелъ позже, по смерти царя Аріапейѣы. Его сынъ Скила, имѣвшій матерью гречанку изъ города Истра и обученный греческому языку и письму, вступивъ на престолъ, сталъ придерживаться греческихъ культовъ въ городѣ борисфенитовъ, гдѣ даже имѣлъ дворецъ, и за это былъ убитъ своимъ братомъ Октамасадой, котораго скиѣскіе старшины объявили царемъ, отказавъ въ повиновеніи измѣнившему скиѣскимъ обычаямъ Скилѣ (гл. 78—80). Отсюда видно, что греческая культура оказывала вліяніе не только на скиѣскія земледѣльческія племена, жившія въ сношеніяхъ съ греческими колоніями, но и на царскую династію, съ одной стороны вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ царей, управляя сосѣдними съ греческими колоніями племенами, посѣщали греческіе города и присматривались къ культурной жизни, съ другой, — вслѣдствіе того, что скиѣскіе цари въ числѣ женъ держали и иноземокъ. Такъ Скила былъ сынъ истріянки и самъ женатъ на борисфенкѣ, Октамасада — сынъ оракіянки.

II. Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію легендъ о происхожденіи скиѣовъ, такъ какъ онѣ, повидимому, также подтверждаютъ предположеніе о неоднородномъ составѣ Геродотовыхъ скиѣовъ.

„По словамъ самихъ скиѣовъ, говоритъ Геродотъ (гл. 5), они — юнѣйшій изъ всѣхъ народовъ, и о своемъ происхожденіи рассказываютъ такъ: первымъ человѣкомъ въ этой странѣ, тогда еще пустынной, былъ Таргитаосъ; родителями Таргитая они называютъ, чему я не вѣрю, Зевса и дочь рѣки

Борисоенеса. Такое происхождение приписывается Таргитаю. У него было три сына: Липоксаисъ, Арпоксаисъ и самый младшій Колаксаисъ. При жизни ихъ упали съ неба на скиѣскую землю золотые предметы: плугъ, ярмо, сѣкира и чаша. Первымъ увидѣлъ эти предметы самый старшій изъ братьевъ; онъ приблизился къ нимъ съ цѣлью ихъ взять, но при его приближеніи золото запылало, и онъ отступилъ назадъ. Засимъ подошелъ средній братъ, но съ золотомъ повторилось то же самое. Такимъ образомъ, золото горѣніемъ своимъ оттолкнуло ихъ отъ себя; съ приближеніемъ третьяго, наимладшаго брата, оно потухло, и онъ отнесъ золото къ себѣ въ домъ. Въ виду этого старшіе братья согласились уступить наимладшему царство. Отъ Липоксаиса, рассказываютъ дальше, произошли тѣ изъ скиѣовъ, которые носятъ названіе *авхатовъ*, отъ средняго, Арпоксаиса, произошли скиѣы, именуемые *катіарами* и *трапіями*, а отъ наимладшаго, царя, тѣ, которые называются *паралатами*“.

Прежде всего, нужно отмѣтить, что эта легенда несомнѣнно принадлежала скиѣамъ осѣдлымъ, земледѣльцамъ, а не кочевникамъ и царскимъ: она рассказывалась на Днѣпрѣ, такъ какъ скиѣы вели свой родъ отъ союза ихъ бога съ рѣчною богиней этой рѣки; на осѣдность указываютъ и священное орудіе—плугъ,—безполезный для кочевниковъ, и упоминаніе о домѣ (а не кибиткѣ), куда Колаксай отнесъ золото.

Что касается именъ отца и сыновей, то несомнѣнно они переданы не совсѣмъ точно либо самимъ Геродотомъ, либо искажены переписчиками. Тѣмъ не менѣе въ нихъ безъ натяжки можно узнать иранскія слова. Всѣ три имени сыновей, можетъ быть, попорченныя въ первой половинѣ (срав. варіантъ Νίτοξαις при Λείποξαις), содержатъ во второй части сложенія древне-иранское слово χšaуа — властитель (срав. авест. χšaуа—могучій, господинъ; др.-пер. χšaуа-θiуа—царь; осет. ä-xcīn — княгиня). Во второй части имени Тарγi-таос нетрудно узнать иранское *tava—*сильный* (сравн. авест. tava—могучій, санскр. tavas—*сильный*, *сила* и производныя отъ этого имени: tavasya—*сила*, tavas-vat—*сильный*; отъ того же корня: taviša—*сильный*, taviši—*сила*, tavуа—*сильный*, въ сложеніи во второй части: sva-tavas—самосильный, αὐτάρκης, авест. teviši—*сила* и друг.); что касается до первой части, то сопоставляя съ именемъ Тарγi-таос засвидѣтельствованное *Поліэномъ* (8, 55)

имя царицы синтовъ мѣотіянки Тирѣатаѡ, можно предположить, что первое, не поддающееся этимологіи, искажено и звучало у туземцевъ Тирѣа-таѡс; въ такомъ случаѣ и первая часть Тирѣа — находитъ этимологію въ иранскомъ, именно, соотвѣтствуетъ авест. tīgra—острый; срав. осет. цїргъ, авест. tīgrī—стрѣла, др.-перс. tigra (Μῆδοι γὰρ τίγριν καλοῦσι το τό-ξευμα Eusthat. Dionys. 976), ново-перс. tīr и друг.; согласно съ этимъ Тирѣатаѡс = tīgratavas и значило бы острый мощью, съ острой силой или, можетъ быть, стрѣломощный.

Доказать иранскій характеръ легенды о ниспаденіи золотыхъ орудій съ неба труднѣе, чѣмъ обнаружить иранство собственныхъ именъ. Но все же можно сослаться на сохраненную Авестой иранскую легенду о ниспосланіи богомъ Агурамаздой родоначальнику царей Имѣ золотыхъ орудій — стрѣкала и сошника (или плуга) ¹⁾, какъ символовъ его власти надъ землею. Посредствомъ этихъ орудій Има расширяетъ землю. Отмѣтимъ также, что авестійское названіе древнѣйшихъ царей paraδāta — первозаконные — (напр. Наошьянхо paraδāto ут, 5, 21. Гаошьянгъ парадатъ) ²⁾ напоминаетъ скиѣскій родъ παράλαται, происшедшій отъ царя Колаксаиса, основателя царской древнѣйшей династіи. Если здѣсь совпаденіе не случайное, то слѣдуетъ предположить, что въ παράλαται буква Λ искажена изъ Δ.

Другая легенда о происхожденіи скиѣовъ была рассказана Геродоту понтійскими греками и также прикрѣпляетъ происхожденіе скиѣовъ къ нижнему теченію Днѣпра, т. е. къ древней Скиѣи. По разсказу эллиновъ, Гераклъ, идя передъ собою быковъ Геріона, прибылъ въ Скиѣю, еще необитаемую, и заснулъ, закутавшись въ лъвиную шкуру. Во время его сна, какимъ-то чудомъ исчезли изъ подъ повозки его кони. Проснувшись, Гераклъ пустился на поиски, обошелъ всю страну, пока не прибылъ въ землю, называемую Гилеей. Здѣсь, въ пещерѣ нашелъ онъ странное существо — на половину дѣвушку, на половину змѣю (очевидно мѣстное бо-

¹⁾ См. Vendidad, Fargard II.

²⁾ Эпитетъ paraδāta состоитъ изъ словъ para—прежде и dāta—законъ и по толкованію туземному значитъ первозаконникъ; по смыслу paraδāta тоже что н.-пер. pāšdād—обозначающее первую иранскую династію, см. Spiegel-Commentar über das Avesta, I p. 459.

жество). Оказалось, что эта дѣвушка задержала коней Геракла и согласилась отдать ихъ ему лишь подъ условіемъ, чтобъ онъ произвелъ съ нею дѣтей. Отъ связи Геракла съ дѣвушкой-эхидной произошли родоначальники трехъ народовъ—агаѳирсовъ, гелоновъ и скиѳовъ. Только младшій сынъ Скиѳъ былъ въ состояніи натянуть оставленный отцемъ лукъ и опоясаться его поясомъ; потому онъ и остался въ странѣ; двое же старшіе—Гелонъ и Агаѳирсъ — не могли исполнить заданной задачи и были матерью изгнаны изъ страны. Отъ Скиѳа произошли, говоритъ преданіе, „всегдашніе цари скиѳовъ“, а въ воспоминаніе геракловой чаши (укрѣпленной къ пряжкѣ на его поясѣ) скиѳы до сихъ поръ носятъ чаши на поясахъ (гл. 10) ¹⁾.

Очевидно греческая легенда не что иное, какъ эленизированная туземная скиѳская. Въ скиѳскомъ богѣ, вѣроятно имѣвшемъ атрибутомъ быковъ, греки признали своего Геракла, въ томъ періодѣ его подвиговъ, когда онъ похитилъ чудесныхъ быковъ Геріона и гонитъ ихъ къ Еврисею. Можетъ быть, къ отождествленію послужила и носимая скиѳами чаша, которая напомнила грекамъ золотой кубокъ (δέπας), данный Геліосомъ Гераклу именно во время этого его подвига изъ удивленія къ его смѣлости ²⁾. Какъ бы то ни было, Гераклъ замѣнилъ въ греческой легендѣ скиѳскаго бога родоначальника скиѳовъ, котораго Діодоръ называетъ Зевсомъ (II 43) и который называется этимъ же именемъ въ выше-разсмотрѣнной скиѳской легендѣ. Дочери Борисеена соотвѣтствуетъ женщина-эхидна, живущая въ пещерѣ въ Гилеѣ, т. е. туземная богиня этой приднѣпровской области. Обоимъ миѳическимъ типамъ—*богу гонящему быковъ и богинѣ, связанной со змѣей*—можно указать параллель въ иранскихъ представленіяхъ, соединенныхъ съ культомъ Миѳры. Намъ кажется, что скиѳскимъ, эленизированнымъ типамъ божествъ можетъ служить комментариемъ слѣдующее мѣсто изъ трактата Фирмика Матерна (Firmicus Maternus IV в. по Р. X.) de errore

¹⁾ На изображеніяхъ скиѳовъ въ греческихъ произведеніяхъ искусства мы не видимъ у скиѳовъ чашъ на поясахъ; но не напоминаетъ ли обычай ношенія при себѣ чашъ нашихъ каменныхъ бабъ, обыкновенно держащихъ чаши на серединѣ живота?

²⁾ Страдая отъ жара, Гераклъ дерзнулъ пустить стрѣлу въ солнце.

prof. relig. c. V: Persae et Magi omnes, qui Persicae regionis incolunt fines, ignem praeferunt et omnibus elementis ignem putant debere praeponi. Hi itaque ignem in duas distribuunt potestates, naturam ejus ad utrumque sexum transferentes et viri et feminae simulacro ignis substantiam deputantes: *et mulierem quidem triformi vultu constituunt monstrosis eam serpentibus illigantes*. Quod ideo faciunt, ne ab auctore suo diabolo aliqua ratione dissentiant, sed ut dea sua serpentibus pullulans maculosis diaboli insignibus adornetur. *Virum vero abactorem boum colentes* sacra ejus ad ignis transferunt potestatem, sicut propheta ejus tradidit nobis dicens: Μύστα βοοκλοπίης, υἱὲ δέξιε πατρὸς ἀγαθοῦ. *Hunc Mithram dicunt, sacra vero ejus in speluncis abditis tradunt*, ut semper obscuro tenebrarum squalore demersi gratiam splendidi ac sereni luminis vitent.

Оставляя въ сторонѣ объясненія и благочестивыя разсужденія Firmicus'a, мы видимъ, что въ приведенномъ мѣстѣ содержатся черты, живо напоминающія греческо-скиѣскую легенду о Гераклѣ и женщинѣ-эхиднѣ: 1) Миѳра, изображенный какъ *vir abactor boum* — напоминаетъ Геракла, гонящаго быковъ Геріона; 2) женщина связанная съ чудовищными змѣями (Гекага?) — дѣвушку-эхидну; 3) культъ Миѳры, совершавшійся въ пещерахъ, напоминаетъ пещеру, въ которой поселился временно Гераклъ. Напомнимъ, что Миѳра иранское (и даже арійское) солнечное божество, котораго культъ былъ широко распространенъ въ Иранѣ, какъ видно изъ Зендавесты и клинописныхъ надписей Ахеменидовъ. Не свидѣтельствуетъ-ли о существованіи этого культа у приднѣпровскихъ (иранскихъ) скиѳовъ разсматриваемая скиѣско-эллинская легенда?

Мы не станемъ останавливаться на миѳологическомъ толкованіи легенды и на культѣ Миѳры ¹⁾, что отклонило бы насъ слишкомъ далеко въ сторону, и обратимъ вниманіе на другія стороны разсматриваемой легенды. Такъ, слѣдуетъ отмѣтить, что эта легенда, въ отличіе отъ предыдущей, можетъ быть названа международной: она касается не только

¹⁾ См. Windischann-Mithra, p. 61 и слѣд. Объ отголоскахъ преданій о Миѳрѣ, именно о его рожденіи изъ скалы, въ осетинскихъ *нартскихъ* сказаніяхъ см. въ нашей статьѣ о 4-мъ вып. *Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа* въ Ж. М. Н. Пр. 1885.

происхожденія скиѳовъ, но и происхожденія сосѣднихъ народовъ—агаѳирсовъ, жившихъ, какъ полагаютъ, приблизительно въ нынѣшней Трансильваніи, и гелоновъ, жившихъ среди будиновъ, кажется, по ту сторону р. Танаиса и считавшихся эллинами по происхожденію. Легенда, отвѣчая національному чувству скиѳовъ, указываетъ на то, что оба эти народа, хотя и восходятъ къ одному предку съ родоначальникомъ скиѳовъ, однако уступаютъ скиѳамъ въ достоинствѣ и должны были уйти изъ родины. Дѣйствительно, относительно гелоновъ Геродотъ (въ 108 гл.) заявляетъ, что они были тѣ же эллины, удалившіеся изъ торговыхъ городовъ (слѣдовательно отъ моря) и поселившіеся среди будиновъ; относительно же агаѳирсовъ нѣтъ другого указанія, кромѣ легенды, на ихъ выселеніе изъ древней Скиѳіи, точнѣе изъ приднѣпровья. Какъ бы то ни было, содержитъ-ли легенда воспоминаніе о выселеніи агаѳирсовъ и гелоновъ или нѣтъ, она должна была, какъ и первая, принадлежать *осѣлымъ*, древнимъ скиѳамъ, а не кочевникамъ (номадамъ) и царскимъ, жившимъ гораздо восточнѣе территоріи, гдѣ эта легенда сложилась.

Третье преданіе, имѣющее уже историческій характеръ, говоритъ (гл. 11), что *кочевники-скиѳы* сначала жили въ Азіи, а затѣмъ, тѣснимые массагетами, перешли Араксъ и вторгнулись въ киммерійскую землю.

Сопоставляя это преданіе съ двумя предыдущими можно прійти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Два первыхъ преданія относятся къ скиѳамъ западнымъ, осѣлымъ, иначе къ древнѣйшей части населенія геродотовой Скиѳіи, третье же преданіе принадлежит скиѳамъ-кочевникамъ, болѣе позднимъ пришельцамъ изъ Азіи.

2. Западные скиѳы, какъ болѣе древніе обитатели, связывали свое происхожденіе съ *мѣстностью* и религіозными вѣрованіями. Ихъ легенда говоритъ объ ихъ *происхожденіи*. Восточные же скиѳы сохранили въ своемъ воспоминаніи преданіе о своемъ *приходѣ* изъ Азіи; сказанія же о началѣ ихъ племени мы не знаемъ.

3. Въ именахъ, упоминаемыхъ первой скиѳской легендой, а также въ содержаніи обѣихъ легендъ можно указать черты иранской національности; въ историческомъ преданіи скиѳовъ-кочевниковъ нѣтъ никакой черты, намекающей на ихъ національность и потому если и нельзя вывести съ *уверен-*

ностью, что они отличались отъ западныхъ скифовъ въ этническомъ отношеніи, то по крайней мѣрѣ *предполагать* это есть возможность.

III. Обращаемся теперь къ этимологическому разсмотрѣнію скиѣскихъ дошедшихъ до насъ словъ, именно собственныхъ именъ царей и божествъ. Въ числѣ именъ первой категоріи есть несомнѣнно иранскія и несомнѣнно неиранскія, но есть и такія, о которыхъ только и можно сказать: *non liquet*. Къ первымъ могутъ быть отнесены:

Ὀχταμασάδης (Her. 4, 80): Уже Мюлленгофъ правильно разложилъ это сложное имя на иран. *uxta—(прош. прич. страд. отъ глагольн. корня vac—*говорить*)=*сказанный* и *mazda, *мудрый*, такъ что Ὀχταμασάδης можетъ значить *славномудрый*; срав. авест. Mazdā, въ Ahuramazdā, Ормуздъ, фригійск. Μάσδης и авест. сложное слово Mazdāuxta, —состоящее изъ тѣхъ же элементовъ, какъ скиѣское имя, но въ обратномъ порядкѣ.

Ἀριαπίδης (Her. 4, 76); для первой части срав. персидскія имена: Ἀριαράμνης (Aryāgāmna — прадѣдъ Дарія Гистаспа), Ἀριαβίγνης, Ἀριάσπης, Ἀριомάρδος, Ἀριαμένης и мног. друг.; во второй части Мюлленгофъ видитъ слово авест. raesa — *видъ, образъ, наружность*, срав. авест. zaganuōraesa — *златовидный*, vīspōraesa — *всеобразный*.

То же слово находится во 2-й части сложнаго имени Σπαρυαπίδης (Her. 4, 76), царя скифовъ и царя агаѳирсовъ (ib. 78), причемъ другое начертаніе, указывающее на произношеніе ϑ находимъ въ имени Σπαρυαπίστης, сына массагетской царицы Томириды (Her. I, 211, 213). Spareya значитъ въ языкѣ Авесты: *зубецъ стрѣлы*, срав. н.-перс. asparaḡ.

Τάξακς — можетъ восходить къ корню taxš — *пускать бѣжать*, или къ корню авест. taš — *творить, рѣзать, тесать*, др.-перс. taχš, санскр. takṣ, сравн. авест. tašan — *творецъ*, санскр. takṣan, греч. τέκτων, санскр. takṣaka — *строитель*, эпитетъ бога Viṣvakarman'a и собств. имя, ново-перс. tāsīdān и друг.

Ὀρίκος (Herod. 4, 78) можетъ быть произведено отъ корня *var, срав. авест. var — *охранять, удерживать*, или var *избирать, желать, любить*.

Ἀρσακόμας (Luc. Тохар. 44) = Arša kāma; первая часть сопоставляется съ авест. arša (п. sg.) *мужчина, самецъ*, срав.

авест. aršōkara, по Justi: Bewirker der Mannheit; это слово встрѣчается во множествѣ иранскихъ именъ: 'Αρσάκης = др.-перс. Aršaka, 'Αρσακίδαи, 'Αρσάκιον γένος, 'Αρσης и друг., вторая часть восходить къ корню kam — *любить*, срав. авест. kam, др.-перс. kam, авест. kāmē — *желаніе, воля*, др.-перс. кама-на — *любящій*, н.-перс. kām; авест. kāmua — *желаніе*, χšaθrō-kāmua — *желаніе власти*.

То же слово въ имени скиѳа (?) 'Ατα-χάμ (Prisc. Pan. fr. 1, ed. Müll. IV, 72) и перса 'Αβροχόμας — Her. 7, 224).

Названіе импотентовъ у скиѳовъ 'Ενάρες (Herod. 4, 67, 1, 105) состоитъ изъ иранскаго слова пага — *мужчина*, срав. авест. пага, санскр. пага, н.-перс. pag, осет. нал — *самецъ*, авест. пагуа — *мужской* и друг., и такъ назыв. a privativum, анага = *не мужчина*, анагуа — *не мужской*.

Но вмѣстѣ съ этими именами у писателей встрѣчаются и такія скиѳскія имена, которыя не поддаются объясненію изъ иранскаго. Таковы, напримѣръ, царскія имена: Σαύλιος (Her. 4, 76), Σχύλης (ib.), Γνοῦρος (ib.), 'Ιδάνθυρος (ib.), Σχώπας (4, 120). Намъ извѣстно, что были попытки объяснить и эти имена изъ иранскаго, но, на нашъ взглядъ, попытки малоуспѣшныя. Малоубѣдительными намъ представляются и этимологіи иранскія нѣкоторыхъ скиѳскихъ названій божествъ, напримѣръ, скиѳскаго Аполлона Οἰτόσυρος (Her. 4, 59), иначе Οἰτόσχυρος (Inscrip. В. 3, 6013), Посейдона — Θαμισαδάδας (Her. 4, 59), богини земли 'Απί (ib.), Ураніи — 'Αρτίμπασα (вар. 'Αργίμπασα), Зевса — Παπαῖος (ib.), а также нѣкоторыхъ другихъ скиѳскихъ названій: Амазонокъ — Οἰόρπατα (причемъ, по Геродоту, οἶορ будто бы значить по скиѳски *мужъ*, а πατα = *убивать*), мѣстности 'Εξαμπαῖος (Her. 4, 52), по Гер. = ἱραὶ ὁδοί, народа 'Αριμάσποі (IV, 27), которое по Геродоту значить *одноглазые*: ἄριμα γὰρ ἐν καλέουσι Σχύθαι, σποῦ τὸν ὀφθαλμόν. Мы не отрицаемъ возможности того, что эти названія могутъ быть иранскими ¹⁾, но слѣдуетъ, кажется,

¹⁾ Таковы, повидимому, входящія въ составъ нѣкоторыхъ именъ слова: -μασαδас въ Θαμισαδάδας, -συρος (авест. sūra—*сильный*, санскр. sūra—*богатырь*) въ Οἰτόσυρος, 'Αρτι... въ 'Αρτίμπασα, -ασπα (срав. авест. aspa—*конь*) въ 'Αριμάσποі, -πατα (срав. авест. paiti, санскр. pati—*господинъ*) въ Οἶορ-πατα и нѣк. друг. Имя скиѳской богини домашнего очага Ταβίτι (IV, 59) можетъ быть восходить къ иранск. корню *tap, срав. авест.

сознаться, что они сильно искажены либо греческой транскрипціей иранских звуковъ, либо переписчиками Геродота, либо тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, и что самъ Геродотъ не всегда передавалъ точно нарицательное значеніе скиѳскихъ именъ.

Если отъ временъ Геродота мы перенесемся черезъ нѣсколько столѣтій къ тому періоду, отъ котораго до насъ дошли греческія надписи изъ Ольвіи, то найдемъ, что и въ нихъ еще сохранились слѣды иранскаго элемента въ населеніи этой Милетской колоніи и ея области. Ссылаясь на наше изслѣдованіе объ эпиграфическихъ слѣдахъ иранства на югѣ Россіи, отмѣтимъ, что изъ 100 слишкомъ ольвійскихъ „варварскихъ“ именъ, по нашему счету, немного меньше половины поддаются объясненію изъ иранскаго. Сюда относятся, напримѣръ, имена, которыя были выше (стр. 79) нами разобраны: Κάσαγος, Ἰνσάζαγος, Νάμγηνος, Σάναγος, Σπαδάκης, Ἀβνωζος, Ἰέζδραδος, Βαιόρμαιος, а также многія другія, которыя разсмотрѣны нами въ помянутомъ изслѣдованіи ¹⁾. Къ несомнѣнно иранскимъ принадлежитъ и упоминаемое въ надписяхъ имя скиѳскаго царя Саитафарна (Σαίταφάρνου τοῦ βασιλέως, у Латышева № 16), опущенное нами въ нашемъ изслѣдованіи. Оно заключаетъ во второй части иранское слово *farna — миръ, (срав. осет. фарн — миръ, счастье, обиліе, персид. имена: Фарнапáτης, Фарνάспης, Фарνούχης, Ἰνταφέρνης), а первая часть находитъ себѣ объясненіе изъ авестійск. šāiti — радость, производнаго отъ глагольнаго корня šā — радоваться; срав. также др.-перс. šiyāti — благоденствіе, парс. šāt, ново-перс. šād — радость, афган. šādī, курдск. šā; Σαίταφάρνης можетъ значить: радостно-мирный, счастливо-мирный. Вѣроятно, еще нѣкоторыя другія изъ ольвійскихъ „вар-

тар—горѣть, прош. прич. tafta, санскр. tap=id., tapas—жаръ, осет. тавд грѣтый, н.-перс. taftān; въ европ. языкахъ e: теплъ, τέπρη, tepere.

¹⁾ Напримѣръ: Χούναρος (№ 90), Χουάρσαζος (№ 83), Καρζίαζος № 78), Βαδάκης и Βάδαγος (№ 24), Ἰάφαγος (№ 31), Φάρναγος (№ 37), Ἀργουάναγος (№ 41), Αρσάκης (№ 43), Ἀβραγος (№ 45), Μήτακος и Μήθαγος (№ 49), Ὀρόντης (№ 57), Ζούρης (№ 57), Καράναγος (№ 59), Ἀρσηοίαχος (№ 67), Τούμβαγος (№ 71), Ουάρζβαλος (№ 73), Ραθάγωσος (№ 75), Χώδαρζος (№ 76), Ὀσπινμάζας (№ 77), Ἀμώμαιος (№ 79), Σαράξασος (№ 80), Μαίφαρνος (№ 81), Κούζαιος (№ 90), Ἀμώθαστος (№ 92), Καινάξαρθος (№ 94), Ἀμώспаδος (№ 93), Φλείμναγος (№ 7), Δάδαγος (№ 3), Βωρίψαζος (№ 98), Ούργβαζος (№ 99), Νάβαζος (№ 99), Μάκαγος (№ 107), Μανίαγος (№ 107), Ουμβηούαρος (№ 70) и другія.

варскихъ“ личныхъ именъ могли бы оказаться иранскими, еслибъ наши источники для древне-иранскихъ языковъ были богаче. Несомнѣнно, однако, что значительный процентъ ольвійскихъ именъ нужно считать не иранскими, а принадлежащими какому то другому, намъ неизвѣстному языку. Таковы, напр.: 'Αδόςης, 'Αλούθα(γ)ος, Βοττύλος, Γόλας, Ζάλσις, Κοιχούναγος, Κοινοῦς, Μοιχούναγος, 'Ρησπινδίαλος, 'Ρηχούναγος и другія.

Эти имена могутъ служить доказательствомъ тому, что „варварскій“ элементъ населенія области Ольвіи не ограничивался одними иранцами. Греческая колонія своею промышленностью, торговлей, культурной жизнью могла притягивать къ себѣ „варваровъ“ на значительномъ пространствѣ, и вѣроятно въ числѣ этихъ „варваровъ“ были западные сосѣди иранцевъ — представители той этнической группы, которую довольно неопредѣленно называютъ Θρακίϊσκῃ. Присутствіе другого этническаго элемента, кромѣ иранскаго, замѣтно и въ болѣе отдаленныя времена среди западныхъ скиѳовъ или рядомъ съ ними. Едва-ли мы будемъ когда нибудь въ состояніи точно опредѣлить этотъ элементъ (или эти элементы) и уяснить, были то Θρακίϊται или κιμμερίται¹⁾ или αγαῖρες, но о существованіи этого элемента говорятъ скиѳскія личные имена, сообщаемыя Геродотомъ (Ιδανῆϊρς, Γνυρῶς, Σαυλίῶς и друг.) и необъясняющіяся изъ иранскаго. То обстоятельство, что это имена царей, — а цари были изъ царственныхъ скиѳовъ, — еще не побуждаетъ насъ предполагать, что эти имена имѣли въ ихъ языкѣ нарицательное значеніе. Они могли быть и не скиѳскаго происхожденія, какъ, напримѣръ, имя скиѳскаго царя Λύκος, звучащее вполне по гречески. Въ виду того, что скиѳскіе цари брали женъ отъ разныхъ народовъ, женились на гречанкахъ, αγαῖρσιν кахъ, которыя, какъ мы знаемъ изъ примѣровъ, имѣли вліяніе на воспитаніе своихъ сыновей, не трудно допустить, что и въ царской династіи, помимо національныхъ именъ, могли встрѣчаться и иноземныя. Съ другой стороны, и изъ того обстоятельства, что имена нѣкоторыхъ скиѳскихъ царей объясняются изъ иранскаго, также нельзя дѣлать заключенія объ иранствѣ ихъ носителей. Эти имена сами по себѣ

¹⁾ Едва ли можно допустить вмѣстѣ съ Геродотомъ, что κιμμερίται были искоренены въ Скиѳіи безъ остатка.

не говорятъ ничего ни въ пользу иранства, ни въ пользу уралоалтайства царскихъ скиѳовъ. Они только свидѣтельствуя о томъ, что въ Скиѳіи долженъ былъ быть иранскій элементъ населенія, оставившій слѣды въ личныхъ именахъ. Всѣ другія заключенія идутъ дальше, чѣмъ позволяютъ факты, имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи.

Къ какимъ же выводамъ приводитъ насъ нашъ экскурсъ о скиѳахъ?

1) Въ противоположность тѣмъ, которые видятъ въ Геродотовыхъ скиѳахъ уралоалтайцевъ и тѣмъ, которые считаютъ ихъ иранцами, мы, вмѣстѣ съ Θ. Г. Мищенко, предполагаемъ этническое различіе между скиѳами восточными, — кочевниками и царскими, — и скиѳами западными — земледѣльцами.

2) Считаая послѣднихъ болѣе древнимъ населеніемъ и болѣе культурнымъ, мы считаемъ первыхъ болѣе поздними пришельцами изъ Азіи, болѣе дикими и воинственными, подчинившими себѣ Древнюю Скиѳію.

3) Сообщаемыя Геродотомъ двѣ легенды о происхожденіи скиѳовъ относятся къ скиѳамъ осѣдлымъ и приурочиваются къ Приднѣпровью. Обѣ легенды, на нашъ взглядъ, содержатъ черты, напоминающія легенды и религіозныя представленія Ирана.

4) Нѣкоторыя названія скиѳскихъ божествъ, а также нѣкоторыя занесенныя Геродотомъ личныя и нарицательныя имена находятъ объясненіе въ иранскомъ.

5) Значительный процентъ личныхъ „варварскихъ“ именъ Ольвійскихъ надписей носитъ яркіе признаки иранской національности.

6) Въ виду того, что Ольвія была въ сосѣдствѣ и общеніи съ скиѳами земледѣльцами, можно, на основаніи „варварскихъ“ именъ въ надписяхъ этого города, съ вѣроятностью предположить, что среди сосѣднихъ скиѳовъ однимъ изъ этническихъ элементовъ (и вѣроятно господствующимъ) былъ иранскій.

Напомнимъ при этомъ, что присутствіе иранскаго элемента въ западной Скиѳіи подтверждается косвеннымъ образомъ существованіемъ его еще западнѣе по ту сторону Пистра, если мы допустимъ иранство народа сигинновъ, который, по свидѣтельству Геродота (V, 9), самъ производилъ себя отъ мидянъ и одѣвался по мидійски.

Конечно, всё эти выводы мы не считаемъ прочно доказанными, какъ вообще ничего нельзя прочно доказать въ вопросахъ подобныхъ скиѣскому; но эти выводы представляются намъ наиболѣе согласимыми съ наличными фактами.

Что же касается народности скиѣовъ кочевниковъ, то не считая убѣдительными всё доказательства Нибура, Неймана, Мищенко и другихъ, что въ нихъ слѣдуетъ видѣть урало-алтайскую орду, мы однако не считаемъ убѣдительными и доказательства ихъ иранства, основанныя исключительно на лингвистическомъ анализѣ нѣсколькихъ собственныхъ именъ, въ виду возможности допустить заимствование послѣднихъ.

Въ нашей статьѣ „объ эпиграфическихъ слѣдахъ иранства на югѣ Россіи“¹⁾ мы указали на присутствіе персидскихъ именъ въ Каппадокіи, Понтѣ, Арменіи, а также у ближайшихъ сосѣдей скиѣовъ, у ѳракійцевъ, которыхъ, кажется, никто на этомъ основаніи не считаетъ иранцами. Таково, напри- мѣръ, имя ѳракійскаго царя 'Αριφάρνης, союзника Евмела, сына Пэрисада I (Діод. XX, 22). Если мы вспомнимъ, что скиѣы въ VII вѣкѣ своими толпами обрушились на Мидію и Малую Азію и прохозяйничали тамъ чуть ли не въ теченіе цѣлаго поколѣнія, что съ азіатскими скиѣами (саками) не мало воевалъ и Киръ, который, можетъ быть, и погибъ въ этой борьбѣ, что Дарій Гистаспъ называетъ саковъ своими данниками, то не трудно допустить возможность появленія персидскихъ именъ и у царскихъ (европейскихъ) скиѣовъ. Ношеніе благороднаго арійскаго имени, напр. 'Αριαπείδης, еще не позволяетъ намъ видѣть иранца въ какомъ нибудь скиѣскомъ кочевникѣ - царѣ, котораго подданные пьютъ кровь перваго убитаго врага, приносятъ человѣческія жертвы фетишу-мечу и котораго смерть сопровождается цѣлой бойней среди его приближенныхъ и отрѣзываніемъ ушей у множества народа; но, съ другой стороны, эти черты дикости и жестокости еще не могутъ служить доказательствами урало-алтайскаго его происхожденія. Словомъ, вопросъ о національности царскихъ скиѣовъ представляется намъ до сихъ поръ открытымъ и подающимъ весьма мало надежды на окончательное рѣшеніе.

¹⁾ См. стр. 277.

Грамматическіе экскурсы въ области осетинскаго языка¹⁾.

ФОНЕТИКА.

1. Въ главѣ II—о діалектахъ осетинскаго языка—мы говоримъ слѣдующее о „заставочномъ“ дигорскомъ *ä*: „Во многихъ именахъ существительныхъ, нѣкоторыхъ мѣстоименіяхъ и глагольныхъ формахъ, исходящихъ на согласный, въ дигорскомъ является гласная заставка *ä*, которой нѣтъ въ иронскомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дигорское заставочное *ä* соотвѣтствуетъ конечному гласному въ иранскомъ, который долженъ былъ отпасть по закону исхода словъ въ осетинскомъ; но восходитъ-ли дигорское *ä* дѣйствительно къ древнему иранскому гласному или представляетъ фонетическое явленіе позднѣйшаго происхожденія,—сказать трудно. Можетъ быть, въ однихъ случаяхъ онъ наслѣдіе древняго гласнаго, въ другихъ-же является подъ вліяніемъ аналогіи. Вывести какой нибудь опредѣленный законъ, объясняющій присутствіе или отсутствіе конечнаго *ä* въ дигорскомъ намъ не удалось“ (стр. 34).

Просмотрѣвъ перечисленные у насъ (на стр. 34 и слѣд.) случаи присутствія „заставочнаго“ *ä* въ дигорскомъ, проф. Фортунатовъ приходитъ къ предположенію, что „конечное иранское *a* сохранилось въ дигорской заставкѣ *ä*. Въ пользу

¹⁾ Въ этой статьѣ мы помѣщаемъ дополненія и поправки къ грамматической части „Осетинскихъ Этюдовъ“. Мы воспользовались замѣчаніями, сдѣланными намъ профессорами Ф. О. Фортунатовымъ и О. Е. Коршемъ, а также указаніями проф. Залеманна въ его критической статьѣ о нашихъ „Этюдахъ“, помѣщенной въ *Literaturblatt für. orient. Philologie* I, стр. 138—146. (1883) и трудомъ проф. Гюбшманна—*Etymologie u. Lautlehre der ossetischen Sprache*, Strassburg 1887.

этого мнѣнія говорятъ многочисленные примѣры: äфсä—кобыла, *aspā, мадä—мать—mātā, фидä—отецъ—pitā, äрвадä—братъ—brātā, гäдä—санскр. gadā, ав. gaḍa, бärзä—береза—Birke.

Дигорская заставка ä (общеосетинск. ä) восходитъ, повидимому, и къ иранскому ä *подъ удареніемъ* въ конечномъ слогѣ, по крайней мѣрѣ при томъ положеніи его, когда ему предшествовала въ иранскомъ одна мгновенная согласная. Такъ могла бы быть объясняема дигорск. заставка ä въ сädä—сто—с. satā-, мегä—с. meghā-; въ именахъ съ суффиксомъ—агä, напр. въ тärсагä—робкій-, съ котор. сравн. по образованію ведійск. раvākā—(въ текстѣ раvakā). Сравн. съ другой стороны дигор. хед—с. svēda и sētu.

Въ иронскомъ нарѣчій конечный гласный, соотвѣтствующій дигорской заставкѣ ä, вообще исчезъ (въ такихъ случаяхъ, какъ бärз—береза—д. бärзä, самое ä, а не а, какъ слѣдовало-бы ожидать (см. ниже стр. 141), указываетъ на то, что нѣкогда и здѣсь существовала заставка ä), но, повидимому, при извѣстнаго рода стеченіи согласныхъ такое ä (т. е. слѣдовательно первоначальное конечное -ā) и здѣсь сохранилось, напр. въ зäнгä—с. gānghā“.

Считая съ своей стороны эти предположенія весьма вѣроятными, мы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не уяснили себѣ законовъ, объясняющихъ присутствіе заставочнаго ä въ большинствѣ случаевъ, перечисленныхъ на стр. 35. Можемъ сдѣлать лишь нѣсколько предположеній:

а) Сопоставляя присутствіе заставочнаго -ä въ словахъ, перечисленныхъ подъ буквами Б и Д, мы рѣшаемся предположить, что сокращеніе ä находится въ связи въ эпентезой при н (п). Т. е. въ сугзär-inä (изъ сугд-зär-inä) первоначальный суффиксъ былъ -nā, (срав. с. hīgaṇya). Движеніе фонетическихъ измѣненій могло быть такое: *zaḡa-nā, zaḡa-i-na, zäḡinā; аналогія інä—анä показываетъ, что дифтонгъ, вышедшій изъ эпентезы, въ данномъ случаѣ не принимаетъ въ дигорскомъ вида ё¹⁾. Такимъ же образомъ для слова äнцöinä—покой—можно предположить суффиксъ nā (или nā̄?); изъ *-ā-nā чрезъ *onā, öina вышло—öinä.

¹⁾ О дигорскомъ ё, вышедшемъ изъ эпентезы, см. ниже.

б) Конечное ä, восходящее либо къ ā либо къ ä (-am), сохранилось, вслѣдствіе неудобнаго стеченія согласныхъ, равно въ обоихъ нарѣчіяхъ въ словахъ: дәрġ-цä—*длина*, үәрх-цä—*ширина*, имѣвшихъ кажется суффиксъ -tia (м. б. tiā или tiam) ¹⁾.

в) Къ I) на стр. 35 можно замѣтить, что и въ нѣкоторыхъ словахъ на -ūr находимъ въ дигорскомъ „заставку“ ä: qädūr—*бобы*, = дигор. qädorä. Слово хаз-гүл, д. хаз-гол, какъ сложное изъ хаст + гол (близъ-лежащая), слѣдовало оставить въ сторонѣ.

г) Къ именамъ на -äh, исходящимъ въ дигорскомъ на -änhä, напримѣръ, фүд-äh, фүд-änhä, можно присоединить и нѣкоторыя иронскія на -äg, имѣющія въ дигорскомъ суфф. -ängä: үас-äg—*пѣтухъ*, үас-ängä. Сохраненіе конечнаго ä объясняется, по видимому, сохраненіемъ въ дигорскомъ носоваго *n* передъ *g*, такъ какъ исходъ -äng и -änх не существуетъ въ этомъ діалектѣ.

2. Въ въ этой-же главѣ (стр. 32 § 5) у насъ сказано, что „въ глагольныхъ корняхъ, кончающихся на гласный и образующихъ основу настоящаго посредствомъ *j*, въ дигорскомъ этотъ *j* сохраняется, въ иронскомъ же выпадаетъ: äмбујун (гнить) ир. äмбіін (изъ äмбүјүн, äмбүјін)“ и т. д. Проф. Фортунатовъ находитъ, что это наблюденіе должно формулировать такъ: дигорскому *jy* (общеосетинск. *iy*) соотвѣтствуетъ иронское *i*, и подобнымъ же образомъ дигорскому *yi* соотвѣтствуетъ иронское *y* (срав. стр. 38, 10, диг. үін-ун (видѣть), ирон. унүн).

3. На стр. 35 к. у насъ, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Коршъ, дигорское ä въ фүдänhä (ир. фүдäh) не точно названо *носовымъ*; ср. стр. 39, § 7, гдѣ говорится, что въ такихъ словахъ, какъ дигор. фүдänhä, анз, слышится vocal + *n* того органа, къ которому принадлежитъ слѣдующій согласный, т. е. либо гортанный, либо зубной *n*. Что касается проис-

¹⁾ Проф. Гюбшманнъ (Et. u. Laut. p. 79) не раздѣляетъ нашъ взглядъ на происхожденіе „заставочнаго“ ä и видитъ въ послѣднемъ во многихъ случаяхъ *новый* суффиксъ, особенно въ формахъ Optativi: диг. фінсін-ä, фінсис-ä, фінсід-ä и т. д., соотвѣтствующихъ иронскимъ: фүссін, фүссис, фүссід. Такого же поздняго происхожденія дигорское конечное ä въ именахъ существительныхъ, исчезающее передъ суффиксомъ множ. числа -tä.

хожденія иронскихъ формъ, то точнѣе слѣдуетъ сказать, что общеосетинское *н*, сохранившееся въ данномъ случаѣ въ дигорскомъ, ассимилировалось въ иронскомъ слѣдующему согласному, причемъ, если послѣдній стоитъ на концѣ, геминація его не различается слухомъ: на примѣръ, срав. *хонх*—*хох* (но род. *хоххv*) и *әнгӕд*—ир. *ӕггӕд*, *анз*—*аз*, но *фӕнзун*—*фӕззун*.

4. Въ число примѣровъ дигор. *с* и *з* передъ *і* и *ё* (на стр. 38, § 3), какъ указываетъ проф. Коршъ, попало дигор. слово *ізді* (ирон. *здv*), гдѣ *з* не стоитъ передъ *і*. Здѣсь дигорск. *з* объясняется вліяніемъ *і* слѣдующаго слога.

5. Въ поясненіе описанія звуковъ *л* въ осетинскомъ (стр. 25), согласно съ замѣчаніями проф. Фортунатова, слѣдуетъ сказать, что *точно* въ осетинскомъ существуетъ 3 звука *л*: 1) русское открытое (польск. *ł*), 2) русское закрытое *ля* и 3) европейское (нѣмец. или франц.) закрытое *l*: *la*. Различеніе всѣхъ трехъ видовъ было бы затруднительно для печати и притомъ не всегда возможно; такъ передъ *а*, *о*, *у*, *ӕ*, *v* въ дигорскомъ и иронскомъ, по разнымъ мѣстностямъ (ауламъ) и даже у отдѣльныхъ лицъ, слышится то *ł*, то европ. *l*. Передъ *і* и *ё* слышится то-же *l*, что въ русскомъ языкѣ передъ *и*, *е*, *ю*. Особенно трудно уловить оттѣнки въ произношеніи *l* передъ *ӕ* и *v* въ иронскомъ. Въ южно-осетинскомъ говорѣ мы не слыхали вовсе открытаго *л* (*ł*).

6. На стр. 34, § 6 у насъ упомянуто выпущеніе *ј* и *ў* между гласными и стяженіе послѣднихъ, встрѣчающееся иногда въ иронскомъ. Для выпущенія *ў* приведены примѣры: диг. *рӕўӕг*—легкій, ир. *рўог* и *рог*, *нӕўӕг*—новый, ир. *нўог* и *ног*, д. *цӕўӕн*, ирон. *цӕўӕм*, *цўом* и *цом*. Проф. Фортунатовъ замѣчаетъ, что изъ примѣровъ не видно, чтобы *ў* между гласными выпадало и ссылается на стр. 63, гдѣ форма *нўог*, *ног* объясняется предварительнымъ выпаденіемъ звука *ӕ*, предшествовавшаго *ў* (*нӕўӕг*, **нӕўог*, *нўог*), такъ что *ў* уже не находилось между гласными.

7. Параграфъ 1, объ осетинскомъ *ӕ* (стр. 46), слѣдуетъ, по мнѣнію проф. Фортунатова, дополнить такимъ образомъ: Въ осетинскомъ *ӕ* является и иранскій гласный *α* (условное обозначеніе) передъ плавнымъ, образовавшійся изъ индоевропейскаго неслоговаго гласнаго въ сочетаніи съ слоговымъ плавнымъ; на примѣръ: *фӕрсун* сскр. *pr̥schati* etc; въ древне-персид. соотвѣтствуетъ *а*: *kartam*—сскр. *kṛtām*.

Примѣчаніе: Изъ примѣровъ соотвѣтствія осет. *ä* иранскому *a* слѣдуетъ исключить: *нäm-vн*, которое по значенію трудно сопоставить съ ав. *nam* и слово *магз*, въ которомъ слышится чистое *a* (см. опечатки).

8. Въмѣсто § 2 на стр. 48 и б на стр. 50, по замѣчанію проф. Фортунатова, слѣдовало бы сказать слѣдующее:

„Вмѣсто *ä* въ соотвѣтствіи съ иранскимъ *a* и *α* является въ осетинскомъ *a* передъ двумя согласными въ общеосетинскомъ конечномъ слогѣ, т. е. тамъ, гдѣ дигорское нарѣчіе не имѣетъ „заставки“ *ä*: срав. *тär-vн*, но *тард*, *тäh-vн*, но *тагд*; съ другой стороны *цäст*, а не *цаст*, такъ какъ въ дигорскомъ это слово имѣетъ заставку *ä*: *цäстä*; *jäфс*, а не *јафс* по той же причинѣ (дигор. *äфсä*); *бärз*—д. *бärзä* и т. д.

Такъ какъ въ случаяхъ, перечисленныхъ въ § 3 (стр. 48), чистое *a* въ винословныхъ глаголахъ объясняется изъ иранскаго долгаго *ā* въ основахъ Causativi (напр. *мар-vн*—убивать—изъ *mār-aya*), то эти случаи могли бы быть помѣщены подъ буквой б (на стр. 49) въ томъ параграфѣ, гдѣ говорится объ осет. *a* изъ иранскаго *ā* (стр. 49).

9. На стр. 51 г.) у насъ сказано, что „чистое *a* является въ осетинскомъ вмѣсто иранскаго *a*, какъ возмѣщеніе выпаденія согласнаго. Проф. Фортунатовъ находитъ приведенные примѣры неубѣдительными; такъ *ам*, д. *амі* „здѣсь“ едва-ли можно отдѣлять отъ дигор. *амі*—мѣстн. отъ *a*- (стр. 152); *Баз*—подушка—изъ **балз*, но и въ **балз* надо ожидать *a*, а не *ä* по закону, указанному выше; если *тар*—темный—дѣйствительно тождественно съ ав. *tāŋga*, то осет. *a* восходило бы здѣсь къ иранскому носовому *ā*; *тасäг*—гибкій—едва-ли родственно съ сскр. *tañs*, такъ какъ въ соотвѣтствіи съ санскр. *s* послѣ носоваго гласнаго едва-ли можно ожидать осет. *s*; притомъ, по замѣчанію проф. Корша, дигорское нарѣчіе сохранило бы *n* передъ *s*. *Дас-vн*—родственное съ *s*. *дас*, имѣетъ то *a* (иранск. *ā*), какое является въ глагольныхъ основахъ X-го класса, какъ въ *дарvн*, *давvн* и друг.

10. Согласно съ замѣчаніями проф. Фортунатова, считаемъ нужнымъ слѣдующимъ образомъ формулировать § 7 на стр. 52:

а) Иранское *ca* передъ группой согласныхъ переходитъ въ дигорскомъ въ *ya*: *хуарз*—авест. *hūarezu*; если же сохранилось древнее конечное *ā* въ видѣ „заставки“ *ä*, то (какъ въ

бәрзä) уа переходитъ въ үä, сравн. хуärä изъ *hуаgä изъ сильной основы *hуаhāgam.

б) Общеосетинское и дигорское уа переходитъ въ иронскомъ въ о: хорз=хуарз, хо изъ *хуар (безъ заставочнаго ä) ¹⁾.

в) Иранское ца въ открытомъ слогѣ переходитъ въ дигор. въ үä: хуädäг=*hуataka.

г) Дигорскому үä соотвѣтствуетъ въ иронскомъ одно ä: хуär-ун=хär-ун, хуäd-äг=хädäг, хуä-цун=хäц-ун.

д) Группа hva, съ иранскимъ hv а не h^v, является въ дигорскомъ въ видѣ хо, въ иронскомъ въ видѣ ху: срав. авест. hvare=дигор. хор, ирон. хур. Въ дигорскомъ хуссун, ирон. хуссун (н.-п. хusrīdän) вѣроятно является слабая иранская основа *hufs, срав. санскр. sur- при svar-).

11. Изъ числа случаевъ svarabhakti слѣдуетъ исключить, согласно замѣчанію проф. Корша, слово мälät, которое, по видимому, имѣетъ суф. -ät сравн. цäу-ät—*поколнiе*; цäу=*суава-. Прочіе случаи также весьма сомнительны, какъ мы замѣтили на стр. 53. Гюбшманнъ (стр. 80) приводитъ, какъ примѣръ svarabhakti, слово дарäc—*одежда*, которое онъ сопоставляетъ съ авест. dēgeza—*оковы*, узы, и ново-перс. darz—*шитье*; но это сопоставленіе несогласно съ фонетическими законами осетинскаго языка, такъ какъ мы ожидали бы въ осетинскомъ *дарз въ соотвѣтствіи съ dēgeza и ничѣмъ не можемъ объяснить перехода z въ осет. c; дарäc, кажется, производится отъ глаг. корня дар (дар-ун—*держатъ, носить*), хотя суффиксъ намъ не ясенъ.

12. Къ примѣрамъ соотвѣтствія осетинск. а (изъ ā) иранскому ä можемъ еще прибавить слѣдующіе:

1) а передъ группой гласныхъ: алг—*кончикъ пальца*, санскр. agra—*остріе, край*; фäхс—*сторона, край, бокъ*, сравн. санскр. rakṣā—*бокъ, крыло, сторона, половина*; äхсарт—*подвижъ, мужество*, ср. авест. xšaθra—*владычество*, с. kṣatra—*моущество*, др.-перс. xšatra въ имени Artaxšatra; арц—*штыкъ, копье*, можетъ быть родственно съ авест. aršti—*копье, пика*, др.-перс. aršti, санскр. rṣti, пеглев. arst; ахс-ун—*попастъ выстрѣломъ*, ср. санскр. akṣ—*попадать, достигать*, ākṣati и akṣnōti.

¹⁾ Гюбшманнъ производитъ иронск хо изъ именит. падежа, праиран. hуahā, санскр. svāsā, ав. hуaṇha (стр. 70).

а́д—*ладвея*, ав. *haχti* (Unterleib), санскр. *sakthi*, *sakthan*; начальное *h* отпало, конечные *χt* стали звучными *íd*;

д. анз, ир. аз — *юдъ* — родств. съ ав. *azan* — *день*, с. *aħan*, слаб. основа ав. *asn* — с. *aħn* —; суффикс неизвѣстенъ.

2) *a* въ глагольной основѣ, объясняющійся изъ *ā* въ causativ: ар-*vn* — *рождать*, ср. с. аг-, *gnomi*, *ōr-vu·mā*, *ōr-to*, *or-iog* etc.

Примѣч. Протетическое *ä* находимъ еще въ слѣдующихъ словахъ: *älġä* — *противность*, м. б. родственно съ сскр. корнемъ *glā* — *чувствовать отвращение*, праес. *glāyati*.

äxсарт — *сила, подвиж* (см. выше).

äxсврф — *серпъ*, срав. сскр. *kṣura-gra* — *ножницы, коса?*

äxсvнvн, диг. *äxсinун* — *глотать*, м. б. сскр. *kṣi* — *уничтожать*, праес. *kṣiṇāti* и *kṣiṇoti*.

13. Гласный *ī*, диг. *ë*, въ словѣ *mīdäg*, д. *mēdäg*, сближаемомъ съ авест. *maīduya*, сскр. *madhya* (*medius*), мы объяснили (на стр. 56) вліяніемъ эпентезы. Можетъ быть, такимъ же вліяніемъ объясняется тотъ же гласный въ глаголѣ *сimvн*, диг. *сёмун* — *плясать*, если онъ въ родствѣ съ сскр. *ṣam*, *трудиться, работать*, праес. *ṣamyati*, а также *сimyuati*.

Слово *xin* — *коварство, обманъ* — мы считаемъ теперь заимствованнымъ (55). Въ виду неизвѣстности иранск. корня для слова *fēstäg* — ир. *fīstäg* — *пшій* — это слово лучше оставить въ сторонѣ (стр. 56).

14. Въ числѣ отличій дигорскаго діалекта отъ иронскаго мы упомянули (стр. 37, 9), что во многихъ случаяхъ въ началѣ словъ является въ дигорскомъ протетическое *i* (преимущественно передъ начальными *p*, *s*): *irāz-ун* — *рости*, ир. *rāz-вн*, *icdäун* — *восходить*, ир. *сdäун*. Въ настоящее время намъ кажется сомнительнымъ, чтобы это начальное *i* было всюду протетическимъ гласнымъ въ дигорскомъ. Въ нѣкоторыхъ словахъ оно, повидимому, остатокъ предлога *vi-*, лишившагося начального *v* (сравн. *incäi* = сскр. *viṃṣati*). Такое *i*, обратившееся въ иронскомъ въ *v* и затѣмъ отпавшее, кажется, можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ:

i-xäl-ун — *развязываться*, *i-xäl-ун* — *развязывать, разорять*, м. б. с. *khall* — *быть свободнымъ, разрѣшеннымъ*, праес. *khallate*.

i-tind-ун — *растягивать*, **vi + ðaĩġ*

i-gärd-ун — *разрѣзѣть* — **vi + kart*.

і-нәр-ун — і-нарстон — *иремть*, м. б. $vi + nard$ (для выпаденія δ , перешедшаго однако въ c передъ m , срав. лә-мар-ун — *выдавливать*, ләмарстон отъ корня $mard$?)

і-ўаз-әг — *юсть*, ир. ўазәг, $*vi + vāzaka$?

і-ғал-кәнун — ир. қал-кәнун — *будить* = $*vi + gar$.

і-ўар-ун, ир. ўарун — *дѣлать*.

і-ғос-ун — *слышать*, ир. қусун — $vi + gauš-$?

і-зај-ун — *оставаться*, ир. зајн — $*vi + zā$?

Примѣч. Начальное i (=предлогу vi) сохранилось и въ иронскомъ передъ звукомъ v : і-вај-ун (д.) і-ва-ін (ир.) *блѣднѣть*, і-вад — *блѣдность*, бонүваін — *разсвѣтъ*, можетъ быть сопоставлено съ арійск. $vi + bhā$ (*сіять*); і-вазә (д.) і-ваз — (ир.) *мѣра*, *сажень*, срав. авест. $vībāzu$ — *известная мѣра*. (Впрочемъ можетъ быть і-ваз того же корня какъ глаголѣ і-вәз-ун — *растягиваться*, і-ваз-ун — *растягивать*, котораго начальное i также сводится къ предложной приставкѣ vi).

15. Къ приведеннымъ въ § 4 (стр. 58) примѣрамъ соотвѣтствія дигор. o , иронск. $\bar{u}$, иранскому дифтонгу au , авест. ao , можно присоединить слѣдующіе:

бүд — *ладанъ*, ср. ав. $baoda$ — *запахъ*, $baoidi$ — *благоуханіе*.

бүс-тә кәнун — *пенять*, ср. ав. $baosu$ — *Ungerechtigkeit (Justi)*.

боз, бүз — *благодарность*, бүзн-үг — *благодарный*, ср. авест. $baosna$ — *Reinheit (Justi)*.

д. сог. ир. сүг — *дрова*, срав. ав. $saoka$ — *Feuerbrand*, $saokavant$ — *блистательный*, санск. $soka$ — *пламя*.

16. Иронск. u въ соотвѣтствіи съ дигорскимъ u можно указать еще въ словахъ: урдүг — д. урдуг — *крутой, вверхъ торчащій*, срав. сскр. $ūrdhva$ — *высокій*; урс, ўүрс — *жеребецъ*, ср. авест. $varšni$, сскр. $vr̥ṣṇi$, $vr̥ṣan$ (*самецъ*); усмән д. усмән — *часто*, м. б. родственно съ др. перс. $vasi$ — *очень* и слав. *весьма*; ург, д. ург — *почка*, срав. авест. $vareka$ (Z. P. Gloss.) н.-перс. $bārg$ (*листь*). См. соображенія проф. Гюбшманна (Et. u. Laut. p. 88) о словахъ: хуссун, урс, урнү, урдүг, урүнү (волна).

Примѣч. I. Въ словахъ: ўдарм — *подставка*, чурбакъ, на которомъ колятъ дрова, ўмәл д. ўомәл — *влажа*, начальное $\bar{u}$ можетъ быть, представляетъ предложную приставку иран. ava ; $*ava-dharman$, $*ava-mala$ (ср. сскр. $mala$ — *грязь, потъ*).

Примѣч. II. Въ словѣ д. урдә, ирон. урд — *ласочка, выдра*, если оно соотвѣтствуетъ авест. $udra$, санскр. $udrā$, начальное u въ обоихъ нарѣчійхъ восходитъ къ иранскому u .

Примѣч. III. Глаголь дор-ун, ир. дūr-ун — *говорить* — мы еще менѣе, чѣмъ прежде, склонны сопоставлять съ сскр. ḡar, авест. ḡar — *звать*. Послѣдній глаголь находитъ себѣ соотвѣтствіе въ зар-ун — *идти*, причемъ а объясняется изъ а основы causativi.

Примѣч. IV. Глаг. косун, ир. kūs-ун — *работать*, сближается съ н.-п. kūšīdān — laborare, operam dare; такъ что сопоставленіе Юсти кос-ун съ н.-п. kāšīdān, ав. kareš не вѣрно (стр. 59). Глаг. сорун, сūr-ун — *имать*, по предположенію бар. Штакельберга, соотвѣтствуетъ н.-перс. šorīdān — confundere, turbare.

Примѣч. V. Въ соотвѣтствіи глагола ālxān-ун — *покупать* съ сск. krīnāmi сомнѣваются гг. Залеманнъ, Коршъ и Фортунатовъ. Дѣйствительно, точнаго доказательства тождества обоихъ глаголовъ мы не имѣемъ. Затрудненіе составляетъ корневой гласный: ālxān-ун могло-бы быть сведено къ *kra-nāmi а не krīnāmi; но сравн. кал-ун — *сыпаться*, сскр. kir-ati — id.

17. Начальные иранскіе *i* и *u* отпадаютъ въ осет. языкѣ:

та — *же* ср. авест. iθa — so, wie, nun.

сі-аг — *зябкій*, ср. авест. isi ледъ (?).

ба — иран. пра

з-с- (цсл. възъ) — авест. uz- us-.

Въ дигорскомъ предлогъ *uz- *us- является въ видѣ іс-, гдѣ *i*, вѣроятно, протетическій гласный.

18. Подъ буквою в) стр. 65 мы говоримъ, что „корневой долгій гласный *a* или *o* подвергается ослабленію при присоединеніи вторичныхъ суффиксовъ и при сложеніи: хох, — но хāххон, хорз, — но хārзмуккаг; по замѣчанію пр. Корша, точнѣе слѣдовало бы сказать, что и въ этихъ словахъ *a* ослабилось въ *ä*, ибо въ хох звукъ *o* вышелъ изъ *a* подъ вліяніемъ н (дигор. хонх), а въ хорз изъ *ya*, дигор. хуарз.

19. Для соотвѣтствія осетинскаго начальнаго к (стр. 66) иранскому можемъ привести еще слѣдующіе примѣры:

кал-ун — *сыпать*, *литъ*, ср. с. kī, kirati — *сыпать*, н.-перс. kālīdān.

карз — *стройный*, *жестокій*, м. б. с. kr̥sa, ав. keresa по Юсти Reiniger, ut, 11, 6.

кәун — *плакать*, срав. ц. слав. кы-ти.

кал-мәрзән — *платокъ*, м. б. *кага, с. кага — *рука*?

Примѣч. Можно, кажется, принять переходъ к между гласными въ г въ словѣ агайн - д. агајун. — *пробую*, ср. ав. kā — *желать*, сскр. kā (kāyamāna).

20. Пр. Фортунатовъ сомнѣвается въ соотвѣтствіи начальнаго осетинскаго г иранскому начальному g, въ виду того, что послѣднее является въ осетинскимъ въ видѣ ġ въ дигорскомъ и q въ иронскомъ, и считаетъ слова съ начальнымъ г заимствованными. Дѣйствительно, изъ 3-хъ приведенныхъ у насъ (§ 2) словъ — *два* — гал и голлаг — заимствованныя; слово же гадү — *обманъ* мы не можемъ теперь сопоставить съ ав. гада — *убійца*, въ виду еще и того, что въ осетинскомъ есть слово родственное авестійскому: қад-гом — *рана*.

Примѣч. I. Пр. Гюбшманнъ (Etym. u. Laut. p. 43 и 100) предполагаетъ, что въ словѣ қудтаг — *дѣло, надобность* — звукъ q вышелъ изъ k, такъ какъ қудтаг возводится къ глаголу кән-ун — *дѣлать*, imperf. кодтон. Сопоставленіе, очевидно, ошибочно, какъ по несоотвѣтствію q съ k, такъ и потому, что қудт-аг восходитъ къ глаголу қәун — *долженствовать*, дигор. ġәун, прош. прич. қуд, д. ġуд (см. О. этюды II стр. 175); форма кутаг у Розена простая ошибка.

Примѣч. II. Объ отдѣльныхъ словахъ имѣющихъ k можно замѣтить (стр. 68 слѣд.): кала — *значить* не олово, а *мѣдь* (ср. араб. qal'a), козо — *трибъ въ полѣ*, зоко — *трибъ на деревѣ*; мәск — *ступица колеса*; канәг — *малый* нельзя сопоставить съ н.-перс. kām = ав. кампа; ках — *нога* — слово заимствованное, какъ видно изъ чечен. кок, ингушск. ког, тушск. кок, акушинск. ках (Ө. К.); сопоставленіе словъ корд, куту, кудур, куп съ другими индоевропейскими лучше оставить въ сторонѣ.

21. Относительно осетинскаго ġ, по замѣчанію проф. Фортунатова, слѣдуетъ точнѣе сказать, что онъ соотвѣтствуетъ праиранскому g, восходящему какъ къ индоевропейскому g, такъ и къ индоевр. gh. Въ началѣ же слова (передъ гласнымъ) въ иронскомъ является q въ соотвѣтствіи съ дигорскимъ ġ (иранск. g).

Послѣднее соотвѣтствіе можемъ подтвердить еще слѣдующими примѣрами:

қәу д. ġәу — *селеніе м. б.* сскр. gavyam — *пастбище*; срав. қәу-бәстә — *мѣсто жительства, поселеніе*. (Такое происхожденіе названія селенія указывало бы на кочевой, пастушескій бытъ).

Сопоставленіе qāu съ ав. gātu, въ которомъ сомнѣвается и проф. Залеманнъ, этимъ устраняется.

qāl-qāl-ag, д. ġāl-ġāl-agā — *дыхательное горло*, м. б. родств. съ сскр. gala—*лтка*—съ удвоеніемъ и суффиксомъ.

qārз-уn, д. ġārз-уn — *охать, стенать*, ср. авест. garez, сскр. garḡ, ср. ав. gereza — *жалоба*.

qād-гом — *рана*, м. б. родств. съ ав. gaḍa — *болѣзнь*.

qāзд-уг, д. ġāзд-уг — *богатый, сильный*, ср. сскр. gādha (изъ gaḍda) — *крпикій, сильный*.

quз-уn, д. ġuз-уn — *подкрадываться тайно*, м. б. авест. корень guz — *скрывать*, сскр. guh, gūhati, авест. gūz-ra — *verborgen*.

qaz-уn, д. ġaz-уn — *жаловаться*: ср. н.-перс. gāzīdān—*pungere, dolore affici, aegre ferre*. Сопоставленіе qaz-уn съ ав. garez, съ которымъ мы выше сопоставили иронск. qārз-уn, должно быть оставлено (стр. 72).

qurh-уn, д. ġirh-уn — *визжать*, м. б. родств. по корню съ сскр. grṇāti, grṇīte и girate въ sam-girate.

aqar-уn — *просачиваться, промокать*, дигорск. ġar-уn—срав. сскр. ghar — *кропитъ*, praes. ḡigharti и gharati.

qāz — *камышъ*, м. б. родств. съ н.-перс. gāz—*ulna, cubitus, „a gamrod“, genus sagittae, gāzām — tamarix*.

qāb-īc, д. ġāb-ēcā — *объятіе*: 2-я часть слова происходитъ отъ глагола jec-уn,—īc-уn; 1-я, повидимому, восходитъ къ корню *gabh, ср. сскр. gabh-asti — *локоть*, gabh-īra — *глубокій*, gabh-a — *vulva*.

Примѣч. Начальное q общее иронскому съ дигорскимъ находимъ, кромѣ приведенныхъ (на стр. 73) словъ (qur и qāin, д. qājун), еще въ словахъ: qar—д. qarā—*сила*, qaz—д. qanz—*мозъ*, нvqur-уn—д. nīqūār-уn — *лотаю*.

22. Проф. Фортунатовъ сомнѣвается, чтобъ осетин. конечное x соотвѣтствовало иранскому k (стр. 74): въ словахъ (мы) осет. x восходитъ къ иранскому χ, какъ показываетъ древне-перс. amāχat, а потому и въ смах надо признать такое же x; что же касается хурх, то сопоставленіе съ санскр. kṛka не оправдывается и отношеніемъ осет. хур—съ сскр. kṛ. Точно также, по мнѣнію пр. Фортунатова, нѣтъ вѣрныхъ примѣровъ для осетинск. начальнаго x изъ k: сопоставленіе ос. хаун съ курдск. di-kewim и осет. хуфун—съ курд. kūxin ничего не можетъ доказывать, такъ какъ

курдское k въ началѣ слова соотвѣтствуетъ иногда иранскому χ; остающійся затѣмъ примѣръ не убѣдителенъ уже по своей единичности, а также и по неправильному соотвѣтствію осет. урф-улф—съ авест. ehrp.

Конечно, мы сознаемъ сомнительность нѣкоторыхъ сопоставленій, но все еще не отказываемся отъ мысли, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вслѣдствіе еще не вполне ясныхъ причинъ, осет. x соотвѣтствуетъ иранскому k.

Такъ, мы не согласны съ проф. Фортунатовымъ въ томъ, что др.-перс. amāxam—указываетъ на χ въ праиранскомъ; этому препятствуетъ авест. ahmākem (санскр. asmākam); древнеперсидская форма, которая, по мнѣнію Бартоломэ (Arische Forschungen I р. 79) вѣроятно звучала ahmāxam¹⁾, объясняется изъ ассимилирующаго вліянія согласнаго (h) предшествующаго слога на согласный (k) слѣдующаго. Мы предположили вліяніе выпавшаго h на послѣдующій k въ ahmākam для объясненія осет. формы max; x въ сумax могло бы объясняться просто аналогіей съ max. Что касается до сопоставленія хурх—съ kṛka и хулф д. хурфä съ ав. kehrp-, то мы обращаемъ вниманіе на совпаденіе двухъ фонетическихъ фактовъ: во 1-хъ, арійск. r въ языкѣ Авесты передъ согласн. k и p получаетъ въ графикѣ видъ ehr: vṛka = vehrka, *kṛpa = kehrpa-; во 2-хъ, въ томъ и другомъ случаѣ, въ осетинскомъ мы замѣчаемъ переходъ k въ x и иранск. a въ o, ū y²⁾: kṛka авест. *kehrka = осет. хорх, ир. хурх; ар. kṛpa ав. kehrpa = осет. д. хурфä ир. хулф. Нельзя-ли связать оба эти факта между собой и приписать переходъ начального осет. k въ x дѣйствию какого-то особеннаго звука r (p), который выражается въ авест. графикѣ буквами hr³⁾? Вліяніе спиранта на переходъ предшествующаго k въ спирантъ x, кажется, можно видѣть въ осет. хäф — д. хäfä — сопля, иной, ср. ав. kafa — schleim, schaum, с. karpa (хотя въ языкѣ удинскомъ находимъ, какъ заимствованное, слово

1) h передъ m не пишется, срав. tauma и н.-п. tuxm.

2) Не подъ вліяніемъ ли p? Срав. кор-ун, qur, хурх, хурфä; срав. въ авест. coreṣ, ṣworeštāra, voirieitē, dorešt, Bartholomae, Handbuch der Altiranischen Dialekte. § 8.

3) Die Schreibung hr soll jedenfalls tonloses r bezeichnen, Bartholom. Handb. d. Altir. Dialekte p. 33.

хaf). Сопоставленіе осет. хуф-ун — *кашлять* съ курд. kuḫin встрѣчаетъ затрудненіе не только въ х=к, но и ф=х; м. б. и осет. и курд. глаголы образованы изъ звукоподражательныхъ междометій хуф и кух, ср. н.-п. кух-кух—sonus tus-sientis (Vullers); но все же, кажется, начальное х (вм. к) въ осетинскомъ объясняется ассимилирующимъ вліяніемъ ф, какъ х (вм. к) въ словѣ хăф; если сопоставить осет. хăсс-ун — *нести* съ перс. kâšīdān — *тащить* и авест. kareš, то и здѣсь, кажется, можно видѣть особенное глухое р (r), которое, ассимилировавшись слѣдующему свистящему (ср. kâš-īdan), оказало вліяніе на переходъ начальнаго к въ х. Глаголь тăхун — *летать* можно сопоставить съ сскр. tak—stürzen, praes. takti, takati, р. р. takta. Не перенесенъ ли х въ основу настоящ. времени изъ основы прош. прич. takta = тахт? Такимъ образомъ хотя доселѣ и нѣтъ вполне убѣдительныхъ объясненій соотвѣтствія осет. х иранскому к, мы однако не теряемъ надежды, что впослѣдствіи этотъ вопросъ можетъ быть уясненъ.

Примѣч. I. Признать глухое р въ нѣкотор. случаяхъ въ осетинскомъ побуждаетъ насъ и слово әрф-уг — *бровь* — изъ *bruka; срав. әрвад изъ *brātā; конечное х въ словѣ хұрх вм. ожидаемаго г (krka) можетъ объясняться либо *глухимъ* р, либо вліяніемъ начальнаго х.

Примѣч. II. Сопоставленіе фун ир. фун (сонъ) съ авест. hʼafna для насъ по прежнему не вполне ясно. Вмѣсто объясненія, предложеннаго на стр. 53, можемъ предложить другое, но также гадательное: глаголь хусс-ун изъ хufs-āmi? показываетъ, что въ немъ слабая основа (hufs) корня hvar (svap); такая же основа могла быть и въ фун; изъ *hufn чрезъ выпаденіе f (срав. ассимиляцію f въ хусс-ун) послѣ предварительной ассимиляціи ему начальнаго h (hufna, fufna) могло бы выйти фун.

Примѣч. III. Слово іх, д. jex — *ледъ* — (стр. 74) тождественно съ авест. аеҳа (см. Hübschmann въ Zeit. f. V. Spr. XXVII р. 105).

23. Къ приведеннымъ въ § 2 (стр. 73) соотвѣтствіямъ осет. х иранск. hv и hʼ можно добавить еще слѣдующія: хуінун- д. хуннун — *зваться*, отъ svap съ примѣтой 4-го класса или raasivī svap+ya-; ср. хон-ун — *звать* — изъ *svap съ основой X-го класса.

хор—хлѣбъ зерновой, м. б. авест. h^uarena—пища; объ отпаденіи коречнаго и см. ниже.

д. ахъад-ун—пробовать, ср. санскр. ā+svādayati—пробуетъ; сюда же аходән—закуска, завтракъ.

хәләг—завистливый, м. б. родств. съ авест. h^uairi—попицаніе.

24. х изъ иранск. χ=индоевр. kh можно указать еще въ словахъ: хадт—разъ, јухадт—однажды, ср. ав. корень χад-, vi-χад—разломить, разбить (для перехода значенія ср. русс. *разъ* и *разить*); сскр. khad? Далѣе въ глаголѣ i-хәлун—развязываться, i-халун—развязывать, который можно сопоставить съ сскр. khall—быть разрѣшеннымъ, свободнымъ, праес. khal-late. Начальное i въ i-хәлун вышло изъ предложной приставки vi.

Примпчаніе. Въ глаголѣ әм-бохун—гордится, если его можно возвестъ къ корню *pus, (срав. лат. pus-tula, цсл. пыха, пухлѣ, сскр. puṣ, puṣṭa, pūṣa, poṣa etc.) звукъ х соотвѣтствуетъ индоевр. s.

25. Другими примѣрами отпаденія начальнаго h и выпаденія его между гласными и между гласн.+m (м), n (н), могутъ служить: агд—лядвезь—ав. haχti; әхс-ун—ав. haχš; д-ән—есмь=ahmi.

26. Начальное иран. t передъ гласными (кромѣ i) сохранилось въ осет. т (стр. 76). Другіе примѣры:

тон-ун—разрывать, рвать, отъ корня tan въ causat.; ср. р. *тянуть*.

тәфс-ун—знобить, тәфс-әг—лихорадка, ав. tafs, tafsač (у. 9. 36), н. п. täfsidän.

тiг, д. тегә—ребенъ горы, ср. ав. taeyā, *острее* (?). Гюбшманнъ (Е. и L. р. 59) сопоставляетъ н.-перс. tēγ- *altitude, vertex montis*.

тарф—сильно, изъ *tarpa, ср. ав. tarep—*einem zukommen lassen* (Justi), сскр. trpat—*вдосталь*.

тав-ун—ирнть=*tāpaуāmi.

талм—вязь (дерево) ср. лат. termes.

тәлм—полоса, рядъ, ср. л. terminus, сскр. tarman? др. в. нѣмец. drum—finis, др. сѣвер. Ǿröm.

тән-тә—бока нижней части живота, ср. сскр. tanu—тѣло, н.-п. tān etc.

тәнд-тә—струны, м. б. родств. съ санскр. tantu—струна.

27. Осет. *т*, соотвѣтствующее иранскому *θ*, находимъ еще (стр. 76, 3) въ словахъ: *та—же, опять*, = авест. *iθa*, с. *ithā*; *ѣф-тонг—готовый, нарядный*, ав. корень *θañǵ*.

Примѣчаніе: Какому *t* (*t* или *θ*) соотвѣтствуетъ осет. *т* въ глаголѣ *тайн*, д. *тајун*, ср. слав. *таяти*, — трудно сказать. О словѣ *мал-әт—смерть* — см. выше.

28. Другими примѣрами соотвѣтствія осет. *д* иранскому *м* могутъ служить (стр. 77, § 5):

дом-ун—домүн—усмирять, укрощать, кор. *dam*, ср. лат. *domare*.

дәрзәг—шероховатый, жесткій, твердый, ср. авест. *darezišta—sehr fest*, *darši—stark*, цсл. *дръзъ*.

дау—сомнѣніе, срав. авест. *davi—обманъ*, *dava—обманчивый*; Гюбшманнъ (Et. и L. р. 34) сопоставляетъ *дау* съ санскр. *dvaуа—двойной, двойственностъ, лживостъ*, греч. *δοῦν*, гот. *tveifls*, что, впрочемъ, ему самому кажется мало вѣроятнымъ.

даун—чистить метлою, м. б. ав. *dav—чистить*, сскр. *dhāv*.

дард—далекій — Гюбшманнъ сопоставляетъ съ цсл. *даля* (Е. и L. р. 35) р. *даль*, хотя безъ иранскихъ параллелей этимологія сомнительна. Онъ же сближаетъ:

дарәс—платье съ авест. *dareza—оковы*, н.-перс. *darz* шитье, армян. *handerj—платье*, и съ санскр. глаголомъ *dṛh—укрѣплять*. Это сближеніе намъ не кажется возможнымъ по причинамъ, изложеннымъ выше.

29. Осетин. *ц* соотвѣтствуетъ иранскому *с* (русс. *ч*) еще въ слѣдующихъ словахъ:

цүд-үн, д. цод-ун—спотыкаться, толкать, ср. сскр. *суд*, со-
дāуāmi—подионять, сōda—стрекало, кнутъ?

цүр-үн—поджаривать, м. б. сближается съ сскр. *сүр* (*dhātup.*) — *brennen*, *сүрṇака—geröstetes korn*.

30. Проф. Фортунатовъ предлагаетъ формулировать § 5 (стр. 79) такъ: Иранское *t* передъ *i*, тамъ гдѣ ему (*t*) не предшествовало *s* (*с*), перешло въ осет. въ *ц*; кромѣ приведенныхъ примѣровъ, можемъ привести еще слова: *цүрв—дрожжи*, которое, кажется, м. б. сопоставлено съ сскр. *tivṛa—острый*, *tivṛā—горчица*; *цүгд—сыръ*, м. б. сскр. *tikta—острый*, отъ глагольн. корня *tiḡ*.

Примѣчаніе. Въ *фäи-і* мы видимъ теперь предлогъ *pati* (см. ниже). Слово *фитцаг—первый* — (стр. 162) сводимъ мы къ **patiāka* **fitiāka*; и въ *хіц-ау—самъ*, м. б. найдетъ анало-

гію въ персид. χῑś (χwīś); срав. цум-ун=ав. šam, цäун=ав. su, а также смѣну и и с въ сä, цä—eos; такое же соотвѣтствіе въ словѣ барц—*прива* (д. барцä) авест. bareša—хребетъ (лошади), н.-перс. buš, collum, juba equi.

31. Въ § 8 (стр. 80) мы привели, въ видѣ предположенія, соотвѣтствіе начальнаго осет. д иранскому начальному j. Пр. Фортунатовъ замѣчаетъ по этому поводу: „Образованіе осет. д изъ j въ д̄ус, д. досä (ср. сскр. jūša etc.) мнѣ кажется несомнѣннымъ; очень вѣроятно также происхожденіе осет. д изъ j и въ д̄уг, д. дог (сскр. yoga, срав. лат. ju-mentum и jugum, τὸ ζεύγος, сскр. ргауога—конь). Въ виду такихъ случаевъ, какъ осет. jäу (сскр. yava), гдѣ j сохранился, не слѣдуетъ-ли указать на то, что осет. д изъ j мы находимъ передъ ū=диг. ō=иранск. au?“ Мы не можемъ привести новыхъ примѣровъ осет. д=j, но и оба вышеприведенные кажутся намъ еще болѣе сомнительными. Такъ д̄уг, дог—стадо—слово заимствованное, какъ видно изъ грузин. ḡogī—стадо, тушск. ḡog—табунъ (см. Hübschmann, E. u. L. 125), а въ словѣ досä—похлебка, соляной растворъ—непонятенъ гласн. o въ сравненіи съ санскр. yūša. Въ виду этого слѣдуетъ, кажется, отказаться отъ вывода осет. начальнаго д изъ иранскаго j.

32. Осет. д въ соотвѣтствіи съ иранскимъ ḡ (стр. 78, 2) можно указать еще въ словахъ: дāгар—болѣзнь не смыканія глазъ, м. б. родств. съ сскр. ḡagāga—бодрствование, ḡāgagaṇa—id., даг̄ур—покойникъ съ раскрытыми глазами, луноглазый—срав. авест. ḡaṇaṇu—бодрствующій.

33. Соотвѣтствія осетин. с, по мнѣнію проф. Фортунатова, слѣдовало бы представить слѣдующимъ образомъ (стр. 81): Осетин. с соотвѣтствуетъ иранскимъ s и š различнаго происхожденія:

1 а) Осет. с=иранск. s изъ индоевроп. s: передъ t (т, т̄): іст-ун, стāг, стаун, стуг, стāлv; послѣ r: тāрс-ун.

Новымъ примѣромъ осет. с изъ иранскр. s передъ t можетъ служить глаголѣ астār-ун—лизать, если его сопоставить съ авест. ā-star—пятна, āstareta—запятнанный, āstara—пятнаніе. Такого же происхожденія s передъ k въ глаголѣ ск̄уін—лопаться, ск̄унvн—разрывать, если онъ въ родствѣ съ сскр. sku—отдѣлять, praes. skunoti, skunāti и skauti.

б) Осет. с=иранск. s изъ индоевроп. k' (небнаго): фарс. *фус*, *сәр*, *сау* и друг.

Новые примѣры: *ән-сон-ун* (д.) *толкать*, ср. др.-перс. *vi+saп*—*сокрушатъ*, *разрушатъ*, авест. *sāna*—*уничтоженіе*; *әф-сәр-үн*—*наступать*, *напирать*, *нихать*, срав. санскр. *ṣar*, *ṣṛñāti*, *ломать*, *сокрушатъ* (или *ṣar* 3 у BR. *sich anlehnen*), др.-перс. *asarijata*—Bh. III 91 (?), авест. *sar*—*verletzen*; *рә-сiн*, д. *рә-сујун*—*пыхнуть*, ср. сскр. *ṣu*, *ṣvi*—*пыхнуть*, праес. *ṣvaуati*.

в) Въ такомъ случаѣ какъ *сәг*—*коза*—осет. с восходитъ къ тому иранскому s, которое соотвѣтствуетъ сскр. *ch* (*chāgā*), срав. авест. *ḡasaiti*=сскр. *gachati*.

г) Осет. с=иранск. s изъ индоевр. *ts* (ц) первонач. *t* передъ s, на примѣръ: *йәсс*—*теленъ*,=сскр. *vatsa*, (срав. авест. *masya*=сскр. *matsya*—*рыба*).

2. а) Осет. с=иранск. š изъ индо-иранскаго š (индоевроп. s): *аст*=сскр. *aṣṭa*, *qūs*=ав.=*gaosā*, *урс*=сскр. *vṛṣan*, *үрс*—авест. *auruša* и друг.

б) Осет. с=иран. š изъ индоевроп. k's (съ k небнымъ): *сүд*=ав. *šuda*, *арс*=ав. *areša* ¹⁾, *әхсәз* (з=с), ср. ав. *χšvaš*. Сюда же относится *тасәг*—*ибкiй*, если оно восходитъ къ авест. *taš*, сскр. *takṣ*, *тесать*.

Примѣчаніе I. Въ словѣ *смах* (вы) осет. с соотвѣтствуетъ авест. *χš*. (*χšmākem*) изъ иранской группы „?“, между тѣмъ какъ въ иранск. группѣ *χš* (=индоевр. *ks*) осет. языкъ сохранилъ *χ*, на примѣръ: *әхсiр*—авест. *χšīra*, с. *kšīra*, *әхсәз*—ав. *χšvaš*; *әхсәв*—ав. *χšar*, сскр. *kṣar*, *рүхс*, ав. *gaouxšna*, ср. сскр. *rukṣa*, *әхсiнаг*—(голубь) ав. *aχšaena* и друг.

Примѣчаніе II. Проф. Гюбшманнъ (*Iranica*, p. 425) не сомнѣвается, какъ проф. Фортунатовъ и Коршъ, въ соотвѣтствiи осет. *сәдтүн*—*ломать* (кор. **scand*) съ н.-п. *šikāstān*, *šikānām* (срав. *бәдтүн*—*вязать*, при корнѣ *band* и ново-перс. *bāstān*). Онъ предполагаетъ, что иран. корень *skand*, *šcand* спрягался въ др.-персид. по 9-му классу, причемъ въ группѣ *dn d* выпало (ср. авест. *buna* съ сскр. *budhna*). Т. о. въ др.-персидскомъ праес. отъ *skand* было *skanāmiy* (изъ *skad-nāmi*; срав. сскр. *badhnāmi* отъ *bandh* при авест. *bañdayaeti*), а въ ново-перс. произошло *šikān-ām*. Этими соображеніями устраняются, на нашъ взглядъ, нѣкоторыя фонетическія за-

¹⁾ См. Hübschmann. *Iranica*, въ Zeit. d. D. M. G. XXXVIII, p. 429.

трудненія, существующія при сопоставленіи осет бадт-ун и садт-ун съ корнями band и scand. Затрудненіе состояло въ томъ, что, въ параллель съ иронскимъ ättämä (внѣ)=дигор. äндәмә, мы ожидали бы въ дигорскомъ не бадт-ун, садт-ун, а банд-ун, санд-ун. Теперь же, предполагая иранск. формы—*bad-nāmi, scad nāmi, мы должны допустить что группа согл. *dn* перешла черезъ *dd* въ *dt*.

34. Для соотвѣтствія осет. з иранскому z, ž, ġ можемъ привести еще слѣд. примѣры:

зән-äg—*днѣти*, ав. корень *zan*; ср. н.-перс. *färzänd*—*днѣти*;
змäl-ун—*шевельиться, крутиться*, ср. с. *hmal, hmalati* (*calane, gatau*);

зар-ун—*нѣтъ*, ав. *gar*—*звать*, сскр. *gar*;
зүд-кәнүн—*жадничаютъ*, м. б. ав. *zu*—*спѣшить*, сскр. *gu, gavati, hzv. zūt, н.-п. zūd*;

зү-нон, знон—*вчера*, ср. сскр. *hyas, н.-п. dī*;
ірвāзүн—*освобождаются, вырываются*, м. б. изъ *īv-rāzүн* =
*arī+raz, ср. ав. *raz, с. rah*—*оставляютъ, покидаютъ*;

қәрзүн д. ġärz ун—*стенать*, ав. *garez*; қәзд-үг—д. ġäzd-уг—*богатый*, ср. сскр. *gādha* (изъ *gaṛda*)—*крѣпкій, сильный*, қузүн д. ġuz-ун—*подкрадываются*, ав. *guz, с. guh*—*скрываютъ*, івазä—*мѣра, сажень*, ср. ав. *vībāzu*—*мѣра*; дәрз-äg—*жесткій, твердый*, ср. ав. *darezišta*—*крѣпчайшій*; карз—*строгий, жестокій* (з изъ с) м. б. с. *kīsa, ав. keresa*.

äv зәрүн—д. äv зәрүн—*пускаютъ ростки, всходитъ, проростать*, ав. *zar*—*altern, zaršta*—*gewachsen, gezogen*;

äv-залү, д. äv-залу—*уголь*, ср. с. *hagas*—*ныль*, или скорѣе русск. *зола*.

äv-зарүн—*выбираютъ*, срав. авест. *zar*—*хватать*, сскр. *har*—*id.*

35. Объ осетинскомъ б, по мнѣнію пр. Фортунатова, можно точнѣе сказать (стр. 84, § 3), что оно соотвѣтствуетъ въ началѣ словъ (и послѣ носовыхъ согласныхъ?) иранскому b, вышедшему изъ индоевроп. bh. Кромѣ перечисленныхъ въ § 3 примѣровъ, можемъ теперь привести и слѣдующіе:

д. боз, ир. бӯз, *благодарность*, бӯзн-үг—*благодарный*, срав. ав. *baōšna*—*чистота* (по Юсти);

бӯстä-кәнүн—*пеняютъ*, м. б. ав. *bausu-Ungerechtigkeit*;

бӯд—*ладанъ*, ав. *baoidi*—*благовуханіе*, баода—*запахъ*;

бар үн—*взвѣшивать*, ср. сскр. *bhaga*—*тяжесть*;

барц—*прива*, ав. *bareša*—*спина*;

а-бур-ун, д. ра-бурун—*кататься*, м. б. сводится къ корню *bhur, ср. сскр. bhur—pulsari, bhur-ana—*подвижный*.

Примѣчаніе. Въ словѣ бвл, д. білә—*губа, берегъ, край*, б кажется, соотвѣтствуетъ сскр. b: сравн. bila—*отверстіе, ротъ, устье*, samambila—*полный до края*.

36. Переходъ иранскаго р (п) между гласными въ осетинск. б можно, кажется, подтвердить (кромѣ ба=иран. пра) еще слѣдующими примѣрами:

д. бауар — ир. буар — *тѣло*, м. б. = *ура-vara, отъ корня корня var — tegere, ср. сскр. var-man — *тѣло*, м. б. и сскр. kale-vara—*тѣло*;

баста—*страна, мѣсто* м. б. родств. съ сскр. upastha—*лоно, мѣстопребываніе*. Въ такомъ случаѣ сопоставленіе баста—съ сскр. vastu—*жилище*, vasti—*житіе* (въ § 4 на стр. 85) устраняется.

Примѣчаніе I. б изъ иранскаго р между м и гласнымъ, кажется, можно указать въ глаголѣ ам-бäхсун—*прятать*, сближающемся съ авест. рахš — sticken (срав. для перехода значенія нѣмецкіе sticken и stecken, русск. ткать, затыкать); такого же происхожденія б въ словѣ ам-біс—*полосина*, изъ *hama+praesa—*равновидный*?

Примѣчаніе II. б иногда переходитъ въ выговорѣ въ м подъ вліяніемъ слѣдующаго н: мунт и бунт=русск. *бунтъ*, фäсмун и фäсбун—*сукно*; такого же происхожденія м въ глаголѣ нām-ун—*бить*, если онъ восходитъ къ корню *nabh, срав. сскр. nabh praes. nabhate, nabhnāti—*трескать, вредить, портить*, по Naigh. vadhakarman, по Dhātup. hiṁsāyām, см. В. Р. s. v. Обратный переходъ вслѣдствіе *диссимиляціи* находимъ въ словѣ псулмон (изъ *бсулмон, *мсулмон, *мусулмон)—*мусульманинъ*. Въ словѣ цубур иронскому б соотвѣтствуетъ въ дигорскомъ м: цумур (короткій); срав. также: ам-бäхсун—*прятать* и анумäхсун—*спрятать*.

37. Объ осетинскомъ ф можно точнѣе сказать, что въ него перешли иранскіе р (п) и f.

Къ соотвѣтствію осет. ф иран. р можно прибавить слѣдующія слова: фуд д. фуд—*зло, дурное*, м. б. = *pūta отъ корня рū, ср. авест. rūiti—*мнѣніе*.

фадун—*разщеплять, раскалывать*, м. б. сскр. paṭ (caus. praes. pāṭ-ayati)—*разщеплять, раздирать*,

фал-дәр (изъ фар-дәр) *дальше*, фар-аст, *девять*, ср, авест. rāga, с. rāga.

фәлм д. фәлмә — *дымка, туманъ*. м. б. родств. съ н.-перс. rālm — pulvis (Vullers).

Примѣч. Проф. Фортунатовъ думаетъ, что осет. әјафүн — *достигать* — нельзя сопоставлять съ ар, әр, какъ показываетъ у въ персид. yāftān (ср. авест. āyarta); осет. ф здѣсь изъ иранск. f, между тѣмъ какъ р при такомъ положеніи обратилось бы въ осет. в (v) [см. далѣе]. Въ ўаф-үн осет. ф также изъ иранскаго f; авест. формы ufyāni и т. под. могутъ восходить къ корню vaf, uf (индоевр. varh при vabh? ср. греч. ὕφος, ὕφαίνω, нѣм. weben). Осет. ф изъ иранскаго f является и въ нафә — авест. nāfo (пупъ). Вполнѣ соглашаясь съ этимъ, мы можемъ подтвердить соотвѣтствіе осетинск. ф (между гласными) иранскому f еще слѣд. примѣрами: хәф — *слюна*, ав. kafa — schleim, сәф — *копыто* = ав. safa.

38. § 3 на стр. 87, по мнѣнію г. Фортунатова, слѣдуетъ формулировать такъ: осет. в соотвѣтствуетъ иранскому v, а также иранск. b при положеніи его не въ началѣ слова (и не послѣ носовыхъ согласныхъ?). Къ приведеннымъ въ этомъ параграфѣ примѣрамъ можемъ присоединить еще слѣдующіе: іваін = vi + bhā, івазә — ср. ав. vībāzu, лавар — *даръ* изъ rābāra?

39. Что же касается соотвѣтствія осет. в (v) иранскому р (русск. п), то пр. Фортунатовъ замѣчаетъ: Въ виду того, что иранское f въ положеніи между звучными сохранилось въ осетинскомъ (см. 37) какъ ф, нельзя предполагать, что осет. в (v) изъ иранскаго р (п) въ положеніи между звучными образовалось чрезъ посредство f (напр. фәлїв-үн — отъ корня gir). Слѣдуетъ предполагать, что въ ту эпоху, когда иранск. р сохранялось въ праосетинскомъ языкѣ неизмѣненнымъ въ f, дѣйствовалъ здѣсь законъ относительно измѣненія глухихъ мгновенныхъ согласныхъ въ звонкіе въ положеніи между звучными; слѣдовательно, одновременно съ осет. г, д изъ *k, *t, явилось въ осетинскомъ и б изъ иранскаго р (п) въ положеніи между звучными. Затѣмъ, въ то время, когда иранск. р (п) [въ положеніи не между звучными] измѣнялось въ осетинскомъ въ ф, тогда и осетинск. б (какъ изъ иранск. b, такъ и изъ иранск. p) стало переходить въ соотвѣтственную фрикативную, т. е. въ в (v), за исключеніемъ однако

того б, которое стояло въ началѣ словъ или послѣ носоваго согласнаго; впрочемъ, и въ положеніи между гласными, какъ видно изъ параллельныхъ формъ рѹбас и рѹвас — *лисица*, зѹбѹт и зѹвѹт — *пятка* (см. примѣч. III на стр. 85) въ осетинскомъ слышится и болѣе древнее б.

Примѣч. Осет. в, вышедшее изъ иранск. р (черезъ б) находимъ также въ словахъ: зѹрватѹг — *ласточка* изъ *зѹрд-фатѹг, срав. со второй частью цсл. пѣт-ѣка, пѣт-ица; ав-дѣу — *водяной*, изъ иранск. *ār — вода и daeva — *демонъ*.

40. Мы видѣли (стр. 86 § 1), что иранская группа sr перешла въ осет. фс: ѹфсад = ав. srāda. Но таже группа sr (санскр. sph), судя по слѣдующимъ примѣрамъ, теряла передъ і звукъ р: сіс-тѹ — *вошь*, ср. авест. spiš — *вошь*, н.-пер. šibiš, šuruš, курм. speh; осет. сѹд, д. сідѹ — *задница*, ср. санскр. sphicaṇ (dual), sphigaṇ-id. Можетъ быть, исчезновеніе иранск. р объясняется здѣсь тѣмъ, что въ данныхъ словахъ начальная группа sr перешла въ fs, но не получила спереди протетического гласнаго, вслѣдствіе чего начальное f передъ согласнымъ отпало, срав. осет. ра изъ fra, [spiš- *fsiš- *siš- sis-].

41. Что касается соотвѣтствія начальнаго осетинскаго б иранскому v (§ 4, стр. 85), то мы не нашли новыхъ примѣровъ, подтверждающихъ такой переходъ звуковъ и сомнѣваемся еще болѣе въ убѣдительности случаевъ, приведенныхъ въ названномъ §. Такъ, для глаг. біін, д. біј-ун — *вить, плести* (лит. vuti etc.) нѣтъ иранск. формы, которая позволяла бы судить о томъ, какому иранскому звуку соотвѣтствуетъ осет. б; слово бѹстѹ мы сближаемъ теперь не съ vastu, vasti, но съ сскр. upastha; слово бар, тождественное съ парс. bār, можетъ быть заимствованнымъ, а если и незаимствовано, то во всякомъ случаѣ нѣтъ полной убѣдительности въ соотвѣтствіи bār съ сскрит. vāga; родство слова бѹлас съ авест. vareša — *лѣсъ* — крайне сомнительно по несоотвѣтствію въ гласныхъ. Въ соотвѣтствіи съ vareša слѣдовало бы въ осетинскомъ ожидать *ѹарс.

42. Для соотвѣтствія осетинскаго м иранскому можемъ привести еще: мон въ словахъ; дѹлі-мон — *подземный (нижній) духъ*; руі-мон — *злой духъ*, ѹѹлі-мон — *небесный (верхній) духъ*, срав. авест. mainju; змѹнт-ѹн — *мнѣшатъ*, ср. manth съ предл. uz; змѹл-ѹн — *шевелиться, крутиться*, ср. сскр. hmal, hmalati (calane, gatau); мѹн-г — *обманъ*, м. б. родств. по корню съ

слав. словомъ; тѣлм — *полоса, рядъ*, м. б. родств. съ лат. *terminus*, сскр. *tarman*; талм — *вязь*, ср. лат. *termes*; мѣтвх — *сирани* (заимств.), ср. авест. *madaḥa*, н.-п. *malaḥ*, парс. *matah*, балуч. *мадах* (см. *Zeit.* XXVII, 103); сѣмвн, д. сѣмун — *плясать*, сскр. *ṣam* (см. выше).

43. Просматривая слова съ *л* въ осетинскомъ, мы должны въ одну рубрику поставить тѣ, въ которыхъ *л* соотвѣтствуетъ санскритскому *l* или *l* въ иранскихъ языкахъ, за исключеніемъ языка авест. и древне-персидскаго, въ которыхъ (по крайней мѣрѣ въ графикѣ) нѣтъ звука *l*; сюда относятся:

бѣл, д. бѣлѣ — *уба, край, берегъ*, м. б. сскр. *bila* — *устье, отверстіе*; *samaṁbila* — *bis zum Rande voll*.

гѣлгѣл-аг, д. гѣлгѣл-агѣ — *дыхательное горло*, ср. сскр. *gala-Kehle*, Hals, л. *gula*.

змѣл-вн — *шевелиться*, сскр. *hmal, hmalati*;

і-хал-ун — *разорять*, м. б. ср. *khall* (см. выше);

тѣл-вн — *валять, катать*, ср. сскр. *tola* — *колеблющийся*, *tul* — *поднимать, вѣсить*.

ѣо-лѣф-ун, ир. ѣ-лѣф-вн — *вздыхать*, м. б. сскр. *lap* — *шептать*, *lapanā* — *ротъ* etc.

ѣл-вн — *подбрасывать*, м. б. сскр. *vell—vellati*, колебать, качать; ѣл-вн-вн, д. ѣлвн-ун — *отстригать*, изъ *ѣвлн-ун, срав. сскр. *vlī, vlīnāti*, *сжимать, сдавливать*.

Во вторую группу можно поставить тѣ слова, въ которыхъ осет. *л* вышелъ изъ иранскаго *г* подъ вліяніемъ слѣдующаго *і* (или *і* слѣд. слога); въ другихъ иранск. языкахъ находимъ здѣсь *г*, хотя съ исключеніями для *l*:

лѣст-ѣг — *мелкій*, лѣст-ітѣ — *щепки*, ср. сскр. *giṣ* и *liṣ* — *отрывать*, *giṣṭa* — *разорванный*.

кѣл-вн — *сыпаться*, кал-вн — *лить, сыпать*, сскр. *kṛ, kī-rati*, но н.-п. *kālīdān*.

калм — *змѣй*, сскр. *kṛmī*, н.-п. *kirim*; здѣсь осет. *л* явился подъ вліяніемъ конечнаго *і* въ послѣдствіи отпавшаго.

д. мул-дуг — *муравей*, ср. ав. *maōiṛi*, н.-п. *mūr*, сскр. *vaṁṛī* изъ **maṁṛī*.

ир. дѣл, д. дѣл-ѣ — *внизу* ср. ав. *adaīṛi*.

бѣл (д.) — *подлъ, на*, ср. сскр. *uragī*, н.-п. *bāg*, но н.-перс. *bālā* — осет. *ѣлѣ*.

нѣл — *самецъ*, изъ **naṛiā*.

фѣл — сскр. *paṛi*, др.-п. *paṛiṣ*.

лїн, д. лїун—*испражняться*, ср. парс. rīmanī, н.-п. rīmān.

ālхāнун — *покупать*, ср. с. krī nāmi.

āl-вїсун — *прятать*, (изъ āв-лїс-ун) ср. н.-п. rīštān.

фā-лїв ун — *обманывать*, кор. rір.

лїмāн (д.) *прїатель, милый*, отъ корня *rī?

лїд-ун — *блжать*, сскр. rīc, н.-п. rīxtān.

тāлм — *полоса*, ср. лат. terminus, *tarīman?

алг—*оконечность пальца*, м. б. изъ *agrīa [*algia, *alg?]

зун, д. зуун — *кривой*, ср. сскр. hvar и hval; [если зуун не восходитъ къ послѣдней формѣ, то л могло бы произойти отъ вліянія глагольной примѣты -ya hvar-ya-].

ўал-д-āг—*весна*; ўал, соотвѣтствующее н.-перс. bāhār, лит. vasara, могло бы сводиться къ *vaḥarīa.

га-лїу, д. га-лїу — ср. лѣв-ый, (происхождение начального слога га — намъ неизвѣстно).

Смѣну р на л въ осетинскомъ вслѣдствіе диссимиляціи находимъ, кромѣ приведенныхъ у насъ случаевъ, еще въ слѣдующихъ словахъ:

āлмāрун и āрмāрун — *локоть* (ср. арм).

фал-дār — *дальше* (ср. фар-аст).

цāлм-артāн — *крыжа* изъ цārм-артāн.

кāl-мārзāн — *платокъ* изъ *kār-мārзāн.

Въ приставкѣ лā = rā: лā-дāрун — *понимать*, м. б. родств. съ сскр. pradhāraṇāmi — *соображаю; наблюдаю*; лāвар — *даръ*, м. б. родств. съ *pra-bhara; лā-марун — *выдавливаетъ*, лā-дāрс-ун — *капаетъ*, лā-бūr-ун — *хватаетъ*, лā-гār-дун — *пырнутъ* и друг.

Примѣчаніе. Чѣмъ объясняется осет. л = иранскому г въ словахъ, приведенныхъ въ б) стр. 89: цалх — сахга, салд — авест. sareta, алї — авест. haugva, — до сихъ поръ остается вопросомъ.

44. По поводу осет. ў и ј проф. Фортунатовъ замѣчаетъ, что онъ не видитъ основаній, по которымъ можно было бы различать въ иранскомъ языкѣ неслоговые и и і съ одной стороны и спранты в и ј съ другой. Индоевр. ц и в совпали еще въ индо-иранскомъ языкѣ въ одномъ ц, и точно такъ же индоевр. і и ј совпали здѣсь въ одномъ і. По поводу сближенія ігār съ сскр. yakṛt etc., проф. Фортунатовъ замѣчаетъ: „то обстоятельство, что это слово имѣло въ индоевр. яз. *неслоговое і*, между тѣмъ какъ въ уава (осет. јāу)

было *j* (*jot*), не имѣетъ значенія для осетинск. языка ¹⁾. Осет. *i* въ *igär* произошло вѣроятно изъ *ia* = иранск. *ia*, срав. авест. *uākaṛe*“.

На это замѣтимъ, что хотя у насъ и нѣтъ примѣровъ на то, чѣмъ бы стало въ осетинскомъ начальное иран. *ia*, однако переходъ *ia* въ *i* намъ не кажется вѣроятнымъ, особенно если сравнить *igär* съ н.-пер. *gīgār*. Замѣтимъ, что вмѣсто *igär* быть можетъ точнѣе писать *jigär* (т. е. *igär*); срав. дигор. *idonä* и *jidonä* (узда).

Примѣч. I. Относительно протетического *j* пр. Фортунатовъ замѣчаетъ: въ иронск. *jäfs* (д. *äfsä*) дѣйствительно можетъ быть признаваемъ протетическимъ *j* передъ начальнымъ *ä*, какъ и въ иронской основѣ мѣстоименія *jäh*- (напр. въ *jähī*) при дигор *äh*- (*ähē*), хотя при этомъ остается непонятнымъ, почему, на примѣръ, и *äz* (я) не имѣетъ въ иронскомъ протетического *j* передъ *ä*. Что же касается ирон. *is* = *asti*, то здѣсь нѣтъ и не было протетического *j*, такъ какъ дигорск. *jes* при иронск. *is* указываетъ на общеосет. **ies* съ дифтонг. *ie*“. Въ такомъ случаѣ спрашивается, откуда же явился этотъ дифтонгъ? Намъ казалось бы, что безъ протезы, если не *j*, то *i*, обратившагося въ послѣдствіи въ дигор. въ *j*, дѣло не обойдется.

Примѣч. II. Кажется, можно привести еще одинъ примѣръ судьбы начального иранскаго *ia* (уа). Это слово: *üän-vg*, *üon-vg*, он-vg гал—бычокъ, теленокъ,—если оно въ родствѣ съ авест. *uavan-* (юнъ) н.-п. *gävān* etc; нельзя-ли предположить форму *javānika*, изъ которой вышли **iüän-ug* (срав. *paṇa*—*näü-äg*, *nüog*, ног), а съ отпаденіемъ начального *i*—*üän-vg*? Для перехода значенія срав. цсл. юнъць — *taurus*, бычокъ, юница — *juventa*.

45. Примѣромъ перехода иранской группы согласныхъ *dr* (*ḍr*) въ осет. рд можетъ служить слово *urd*, д. *урдä*—ласочка, ср. авест. *udra*, сскр. *udra*, р. выдра.

46. Отпаденіе конечнаго *n* (стр. 92. § 4 в) послѣ *s*, *z* и *p* (*r*) можно указать еще въ словахъ боз, пр. *büz* — ав. *baōšna* (ср. *būzn-vg*); хор — хлѣбъ, ав. *hārepa*.

¹⁾ Ср. однако выше, гдѣ, и по мнѣнію пр. Фортунатова, начальн. *j* передъ *u* (*au*) перешло въ осет. въ *d*: *dūs*, *dūg*.

47. По поводу выпаденія согласныхъ (стр. 93, § 5) проф. Фортунатовъ предполагаетъ, что въ словахъ хуздаръ, баз ¹⁾ выпало не *р а л*, такъ какъ *р* передъ *с и з* обыкновенно сохраняется. Изъ хурз-дар могло выйти чрезъ диссимиляцію хулздаръ, а затѣмъ *л* выпало; для баз (авест. bareziš) срав. н.-п. bāliš. Это соображеніе намъ кажется весьма вѣроятнымъ.

Примѣч. I. Заимствуемъ у Гюбшманна (Et. u. L. p. 109) еще слѣдующіе примѣры упрощенія группъ согласныхъ:

сс изъ фс: хусс-ун — спать — ав. hʰafs, н.-п. xuspidān.

сс изъ сц: іств — чтонибудь — изъ іс + цв.

дт изъ дд: фундтас — пятнадцать — изъ фонд + дас.

тд изъ цд: хатдунан — буд. время отъ хатун — биться (изъ хат-дунан)

ск изъ стк: цаском — лицо — изъ цаст + ком

q изъ їк: тарqūs — заяць — изъ дарї + qūs.

р изъ гр: фандараст — изъ фандаг + раст.

Примѣч. II. Значительное отпаденіе конечныхъ согласныхъ является въ иронскомъ алгау — мѣдная луженая сковорода — при дигорскомъ алгауиндә. Сначала отпало конечное *д* (алгауин), а затѣмъ и *н*. Отпавшее *д* снова является во множ. числѣ: алгәд-тә (изъ алгә(у)ндтә?).

Примѣч. III. Не совсѣмъ понятно отношеніе между иронск. qūazn — лань и дигорскимъ гауанз. Въмѣсто конечной группы *zn* мы ожидали бы одного *з*, какъ въ ирон. аз (годъ), соответствующемъ дигорскому анз.

48. Въ начальной иранской группѣ *sr* звукъ *г* повидимому выпадалъ въ осет. языкѣ, если вѣрны слѣдующія сопоставленія:

д. сіуа — рога, — ср. авест. srua въ sruaga — рогатый, евр. татск. sürg, н.-пер. surū.

д. суinä, ир. сін — бедро, м. б. ав. sraoni, н.-п. surun, сскр. sroni.

49. Мы упомянули (на стр. 95 а), что при присоединеніи предложныхъ приставокъ нв- фә- къ глаголамъ, начинающимся съ cons. + voc. происходитъ геминація начальныхъ согласныхъ: цвдї, — но нвццвдї (т. е. нвтцвдї), кәсун, — но фәккәсун. Въ объясненіе этого явленія проф. Коршъ предполагаетъ, съ чѣмъ мы теперь согласны, что предлогъ фә- вышелъ изъ

¹⁾ Слово qast пужно оставить въ сторонѣ (см. выше).

иранскаго **ratī*, др.-пер. *ratīy*, парс. *rat-*, н.-перс. *bād* (напр. *bād ū guft* — онъ ему сказалъ) *bā*; а предлогъ *nī-* *nv-* изъ иранск. *nīš-* *nīž-*, и что геминация начального согласнаго объясняется ассимиляціей ему конечнаго согласнаго этихъ предложныхъ приставокъ. Въ видѣ *фāц-* (изъ *ratī*) эта приставка сохранилась въ формахъ: *фāц-ī*, *фāц an*, *фāц-aītā*, *фāц-āncā* (см. стр. 198); формы *сцī*, *сцан* и т. д. образовались, вѣроятно, по аналогіи.

Словообразование.

50. По словообразованію можемъ сдѣлать лишь очень немногія дополненія.

Проф. Коршъ высказываетъ догадку, что иронск. имена на *-v*, которымъ соотвѣтствуютъ дигорскія на *-y*, напри-
мѣръ, *с'тал-v*—*с'тал-y*—звѣзда (см. № 31, стр. 115) исхо-
дили въ иранскомъ на *-ца* (**starca*),—въ параллель тому, что
иронск. имена на *-v*, соотвѣтствующія дигорскимъ на *-i* (на-
примѣръ *доінv*—*доіні*—жажда), имѣли, по нашей догадкѣ,
исходъ *-ia*. Подтвердить чѣмънибудь это предположеніе мы
не можемъ.

Примѣчаніе. Слово *разv д. разі*—*согласенъ*—есть заимствова-
ніе татарское, восходящее къ арабскому; слово *холv* имѣетъ
въ дигорскомъ не *y*, но *i*: *хўалі*.

51. Къ числу суффиксовъ можно еще присоединить:

суф. *-дāг* въ словахъ: *ўал-дāг*—*весна*, *қал-дāг*—*бодрый*.

суф. *-дуг*; *мāл-дуг*, д. *мул-дуг*—*муравей*.

суф. *-тāг*: *фīс-тāг*—*пшій*, *сāф-тāг*—*копыто*, *рўос-тāг*—*бодрый*.

суф. *-ас* д. *-асā*: *ўj-ас*—*такой*, д. *oj-асā*.

суф. *-стон*, именнаго происхожденія (= **stāna*): *цāхv-стон*—*складъ соли*.

Склоненіе.

52. Согласно съ замѣчаніями проф. Залеманна, мы оконча-
тельно останавливаемся на нашемъ мнѣніи, высказанномъ
(стр. 129) въ видѣ предположенія, о происхожденіи *-v* дигор.
-i род. падежа изъ суф. *-iуа*, *-ia*, *-уа*, образующаго относи-
тельныя прилагательныя. Съ перс. *изафетомъ*, каково бы ни
было происхожденіе послѣдняго, осет. *-v* (*-i*) не имѣетъ ге-

нетической связи. Любопытную параллель осет. родительному находимъ въ еврейско-татскомъ языкѣ. Здѣсь есть два способа выраженія род. падежа: 1) Чрезъ прибавленіе суф. -i къ управляемому слову, съ обращеніемъ послѣдняго въ имя прилагательное: *ásb bābā-i* — лошадь отца (соб. отцова); *kuk χunāi* — сынъ дома (соб. домашній); 2) прибавленіемъ -i къ управляющему слову (какъ въ ново-персидскомъ): *ásb-i bābā* — лошадь отца, *kuk-i χunā* — сынъ дома (ср. н.-перс. *asb-i pidār*, *pusār-i χānāh*).

53. Производство флексіи *ablativi* -äi изъ **hasā* (н.-п. *äz*), предложенное г. Лерхомъ и казавшееся намъ вѣроятнымъ, становится теперь для насъ сомнительнымъ. Во 1-хъ, происхожденіе -i изъ **sa* въ иронскомъ все же не можетъ считаться вполне нормальнымъ; во 2-хъ, санскр. *sasā* и др.-перс. *hasā*, авест. *hasā* и *hasa*, указываютъ на долготу конеч. *ā* и мы, кажется, должны бы ожидать въ дигорскомъ заставочное „ä“ съ сохраненіемъ *и* [безъ перехода с въ *ǵ* и *j*], а въ иронскомъ конечн. *д*; въ 3-хъ, значеніе *ablativi* придаетъ **hasā* только сопровождая *ablat.* или *gen.* (въ древне-персидскомъ); въ *zend̄*, впрочемъ, при значительномъ паденіи значенія падежныхъ окончаній, *hasa* съ значеніемъ *отъ* сопровождаетъ и другіе падежи; въ ведійскомъ же сскр. *sasā* = съ; срав. корень *sac*, авест. *has* — *sequi*. Кажется, слѣдовало бы ожидать, что **hasā* въ такомъ архаическомъ языкѣ, какъ осетинскій, приметъ видъ нарѣчія или *postpositionis*, сопровождающей родит. падежъ, а не видъ падежнаго окончанія, присоединяющагося прямо къ основѣ. Притомъ сокращеніе **hasā* въ одно *ä* въ такихъ формахъ, какъ *zārdāj-ä* (д. *zārdāj-äi*) какъ-то трудно вяжется съ представленіемъ, которое невольно себѣ составляешь о звуковомъ архаизмѣ осет. языка; въ 4-хъ, -äi — фонетически можетъ восходить къ -*asua* (род. мѣстоим.), сравн., напримѣръ, *kāi* съ сскр. *kasua*, авест. *kahe*. Вліяніе же мѣстоименнаго склоненія на именное въ осетинскомъ обнаруживается во многихъ падежахъ; сравн. объясненіе пад. окончаній: дат. -*än*, мѣстн. внѣшн. -*mä*, мѣстн. внутр. -*i*. Внутренняя возможность утилизаціи *genetivi* для выраженія отношенія *ablativi* слишкомъ очевидна, чтобы слѣдовало на этомъ останавливаться. Срав. формальное совпаденіе *genetivi* и *ablativi* въ сскр. языкѣ во всѣхъ основахъ кромѣ осн. м. и ср. р. на -*a* и кромѣ мѣстоименій.

54. Въ дополненіе склоненія мѣстоименія слѣдуетъ прибавить, согласно съ замѣчаніями проф. Залеманна, слѣдующія опущенныя у насъ формы:

а) Личн. мѣстоименіе 1-го лица: sociat. *mānīmā*, adess. *mānrl* gen. plur. poss. *max*; locat. exterior: *nām*.

2-е лицо: loc. int. *ɖri* (см. Осет. Т. Шифнера 37, 5); sociat: *ɖäyīmā*, adessiv. *ɖäyl*; gen. plur. poss: *сmax*, loc. int. *сmaxr*, loc. exter. *yām*, *ум* (О. Т. Ш. 47, 12), adess. *ул*.

б) При возвратномъ мѣстоименіи (стр. 152) хадäg можно было бы упомянуть формы: *māxādäg*, *dāxādäg*, *jāxādäg*.

в) При склоненіи указат. мѣстоименія прон. *ai*—этотъ— нужно замѣтить, что мѣстн. внутр. падежъ совпадаетъ по формѣ съ родительнымъ.

г) Отъ мѣстоименія *ɖv* мѣстн. внутр. ед. ч. *ɖāmɖ*, м. ч. = *ɖvɖv*.

Числительныя.

55. а) Едва-ли конечн. *ä* въ *дууä* заставочный гласный, такъ какъ въ склоненіи онъ не исчезаетъ передъ падежными окончаніями (замѣч. пр. Корша).

б) Въмѣсто предполагаемаго **pratiaka* для объясненія осет. *фитцаг*—первый—мы выставляемъ, согласно съ замѣчаніемъ пр. Корша, **patiaka* = *pati* (ср. литов. *pats*) + суф. *-ag*.

Примѣчаніе. По поводу числительныхъ количественныхъ кстати замѣтимъ, что, сопровождая имя существительное, они не склоняются, но за то имя существительное принимаетъ падежныя окончанія мѣстоименнаго склоненія, напри- мѣръ: авд *бäxv*—семь коней, дательн.: авд *бäxемän*, отложит.: авд *бäxемäi*, мѣстный внѣшній: авд *бäxемä*, мѣстн. внутр.: авд *бäxемi* или авд *бäxv*.

Спряжение.

56. Относительно личн. окончанія — *n* въ *praes. ind.* (*фвсс-ун* д. *финс-ув*) проф. Коршъ предполагаетъ, что оно объясняется не переходомъ *-mi* въ *n* (*n*), но перенесеніемъ въ *praes. ind.* личнаго окончанія *conjunctivi*, древняго *-ni*.

57. По поводу *ë*, являющагося въ окончаніи 2-го л. мн. числа въ дигорскомъ *-ëtä* (*финс-ëtä* — *вы пишете*), проф. Залеманнъ указываетъ на объясненіе, данное г. Дармштетте-

ромъ (Etudes Iran. I, 191) новоперсидск. окончанію -īd (2 pl.) ¹⁾ изъ *ayata (примѣты 10-го кл. + личн. оконч.) и спрашиваетъ, нельзя-ли и для осетинскаго принять смѣну двухъ основъ -а и -ауа. На нашъ взглядъ, это предположеніе съ фонетической стороны не встрѣчаетъ затрудненія для 2-го л. мн. ч. въ дигорскомъ, но едва-ли можно основой на -ауа объяснить краткое і (ирон. *γ*) во 2-мъ лицѣ ед. ч. (финсіс ир. *фүссүс*), какъ это предлагаетъ проф. Залеманнъ.

58. Относительно загадочнаго *д*, являющагося въ 1-мъ и 2-мъ л. ед. ч. въ *д-ән* = ? + *ahmī* и *д-ä* = ? + *ahī* мы сдѣлали (на стр. 191) предположеніе, не состоитъ-ли этотъ *д* въ родствѣ съ частицей *de*, являющейся передъ нѣкоторыми глагольными временами въ мазандеранскомъ и курманджійскомъ (напр. курмандж. *de-kim* = н.-пер. *kunām*, *de-bī* = н.-п. *buvī*). Проф. Залеманнъ не находитъ правдоподобнымъ это сопоставленіе въ виду того, что *д* — въ осетинскомъ является только въ двухъ формахъ, между тѣмъ какъ *д* въ курд. и мазандеранскомъ есть „живая времяобразовательная приставка“.

Въ виду того, что происхожденіе курманджійской и мазандеранской приставки намъ совершенно неизвѣстно, еще нельзя отрицать положительно родства ея съ осетинск. *д* въ *дән*. Г. Залеманнъ далѣе спрашиваетъ, нельзя-ли объяснить это *д* изъ *дү* (ты), такъ что *д'ä*, изъ *дү ä*, значило прежде *ты еси*, а затѣмъ, когда *д'ä* перестало чувствоваться какъ мѣстоименіе 2-го лица *дү* + *ä*, потребовалось уже повторить мѣстоименіе еще разъ: *дү д'ä*; по аналогіи же *дү д'ä* стали говорить и äз *дән*. Противъ этого предположенія можно возразить, что едва-ли въ какомъ нибудь иранскомъ и даже неиранскомъ языкѣ можно найти какое нибудь явленіе, могущее служить аналогіей подобному вліянію 2-го лица на 1-е съ одной стороны, или повторенію личнаго мѣстоименія съ другой. Очевидно эта догадка уже *ultimum refugium*. Предлагаемъ еще одну, можетъ быть, въ томъ же родѣ: *д* могло бы восходить къ иранскому **hadā*, авест. *hada*, сскр. *sadā* (всегда); *дән* = *äd-än* = **hada* + *ahmī*; начальное *ä*, отпавшее въ праес., можетъ быть какъ нибудь пригodiлось бы для объясненія дигорск. *praeteritum* *адтән* (*eram*), соотвѣтствующаго иронскому *удтән*. Конечно, при такихъ предположеніяхъ, важна

¹⁾ А также *ī* (2-е sg.), *im* (1-е pl.).

хоть какая нибудь аналогія, и кажется, можно указать таковую въ ново персид. *ī* (*ē*), которое, какъ *postpositio*, въ 1-мъ и 3-мъ л. сопровождаетъ *perfect. defn.*, придавая ему значеніе *imperfecti*. Эта частица имѣетъ то же значеніе, какъ н.-перс. частица *hamī*, *hamē*, *mī*, *mē*, которая восходитъ къ авест. *hamaθa* — (всегда) и сопровождаетъ *praes.* (*hamē kunad* — онъ дѣлаетъ, т. е. постоянно дѣлаетъ) ¹⁾. Частица же *-ē* восходитъ къ авест. *haða* (всегда) и потому равносильна по значенію съ *hamē*. Отмѣтимъ, какъ аналогію осетинскому, что какъ *e* изъ **de* и *mē* изъ *hamē* лишились въ н.-персидскомъ цѣлаго начальнаго слога *ha*, такъ и осет. *d* — вышло изъ *ha-δ(a)* съ утратой конечнаго *a* и начальнаго *ha*.

59. Согласно съ замѣчаніями проф. Залеманна и проф. Корша о происхожденіи ново-перс. формы *praeter. kârdâm* (см. также Darmest. Et. Iraniennes I. 222) изъ *kard + hām*, мы, конечно, отказываемся отъ аналогіи осетинскаго *Imperf. act.* кодтон съ *kârdâm*, но все же продолжаемъ считать осет. *Imperf. activi* формою *простою*, а не сложенною съ вспомогательнымъ глаголомъ, какъ *Imperf. medii*. Во всякомъ случаѣ *Imperf. act.* состоитъ изъ основы *part. praet.*, къ которой присоединены личныя окончанія древняго *conjunctivi*, согласно съ объясненіемъ, даннымъ нами на стр. 207 и слѣд.

60. Для объясненія той формы *passivi*, которая, повидимому, состоитъ изъ прош. причаст. съ прибавленнымъ къ конечному *d* или *m* гласнымъ *ä* и изъ нѣкоторыхъ временъ вспомогат. глагола въ ед. числѣ (напр. дигор. *bäxi* (gen.) *aftä nä ävgärstä-ÿyü* — конь такъ не рѣжется, коня такъ нельзя рѣзать), мы склоняемся (на стр. 211) въ пользу предположенія, что эта форма *passivi* состоитъ изъ отглагольнаго существительнаго со вспомогательнымъ глаголомъ *esse*, т. е. что *bäxi aftä nä ävgärstä-ÿyü* значитъ собственно: коня (род.) такъ *рѣзаніе* не есть. Аналогію этой формѣ *passivi*, кажется, можно видѣть въ пеглевійскихъ страдательныхъ оборотахъ вродѣ — *āsārīhed* — *уничтоженъ есть*, *vīnīhed* — *увидѣнъ есть*, которые, по объясненію West'a, принятому Darmestetter'омъ (Etud. Iran. I. 236), также состоятъ изъ отглагольнаго отвлеченнаго существительнаго сложеннаго съ *êt* (*est*); вмѣсто

¹⁾ См. Etudes Iraniennes I, p. 214 и слѣд.

et является иногда *st* и *hast*, напр. *frêbî-hast* — обмануть есть, собственно *обманутіе есть*.

61. Въ § 2 (стр. 212) по недосмотру описательныя глагольныя формы на — гä съ глаг. кән-үн — напр. бадгä кәнүн — *сидѣть* — названы причастіями; бадгä, лідгä, фүссгä и др. скорѣе отглагольныя отвлеченныя имена — *сидѣніе, бѣжаніе, писаніе* и т. д., формы вродѣ Infinitiv'a. По такому же недосмотру названы причастіями мн. числа прош. времени такія описательныя многократныя формы, какъ разүлдіт-үтä кәнүн (кружить взадъ и впередъ); сравн. въ томъ же §: *paänp-үтä* код-тон (я прыгивалъ).

62. Предложную приставку фä- мы теперь производимъ не отъ *ара-, но отъ *rati, *rat- (н.-перс. *bad-*); сравн. такія формы какъ дигор. фäd-тән, ирон. фä-дән (стр. 196), фäц-äi, ир. фäц-ī (*ibid.*) фäk-кодта и т. п. Поэтому нѣтъ затрудненія находить предлогъ *ара въ приставкѣ äф- (передъ звучными äв-), которую мы прежде сближали съ др.-перс. *abiü*, авест. *aibī* (стр. 218); срав. äв-дїсүн — *свидѣтельствовать, указывать*, съ санскр. *ара-deçayati* — *онъ указываетъ, свидѣтельствуемъ*, äв-гäрдун (д.) — *зарѣзать* съ авест. *ара-keret*, сскр. *ара-kṛt* — *отрѣзать*. О предложной приставкѣ нi- нү-, вышедшей изъ иран. *niš-, *niž, см. выше.

63. Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ пополнить эти замѣтки обзоромъ *новыхъ* словопроизводствъ, представленныхъ проф. Гюбшманномъ въ его послѣднемъ трудѣ.

1) Осет. *ад* — *вкусъ*, сближается съ лат. *od-or*, гр. *ὀδμή*, *запахъ*, лит. *ūdimas* — *обоняніе*. Со звуковой стороны это сближеніе не встрѣчаетъ затрудненій, но, къ сожалѣнію, нѣтъ параллелей изъ иранскихъ языковъ.

2) Äнгом — *согласный, любящій*, удачно сопоставлено г. Штапельбергомъ (*Btr. zur Syntax d. Osset. p. 9*) съ авест. *hama + kama* — *gleichen Willen habend*. Объясненіе принято и Гюбшманномъ (р. 19).

3) Союзъ ämä — *и*, дигор. ämä, подъ сомнѣніемъ сопоставляется съ авест. *hama* — *равный*, *hamaða* — *равнымъ образомъ*, сскр. *sama* — *подобный* (р. 20).

4) Äнцад — *покой* удачно сближается съ авест. *šāiti*, др.-перс. *šiyāti* — *радость*, н.-пер. *šād*, лат. *quies, quietus etc.* (р. 22).

5) Ängäлун, д. ängälun — *думать*, ср. н.-перс. ängärdän — *упоминать, цѣнить*, авест. hañkārayemi. Но почему въ осет. q (ġ) а не г?

6) Äхсінäg — *голубь*, ср. авест. ахšaena — *темно-синій*.

7) Ўарт — *щитъ*, ав. vareθra — *панцырь* или *щитъ*, сскр. vartra — *защищающій, оплотъ*.

8) Ўідон, д. ўідонä и јідонä — *узда*, ср. ав. aiwidāna, сскр. abhidhānī — *перевязь* (Halfter), сарикольск. vidān — a bridle.

9) Дүссон — *вчера вечеромъ*, ав. daošatara — *западный*, н.-п. dōš — *вчера вечеромъ*, сскр. dośā — *вечеръ*.

10. Äвзär — *зло*, ав. zbar, сскр. hvar — *идти вкривъ, кривить*. Мы подъ сомнѣніемъ сопоставили это слово съ сскр. ġvaga — *горячка, печаль* (Осет. э. II. 87).

11) Äнүсон — *въчный*, ав. анаoša — *нетлѣнный*, диг. äносон.

12) Јонг (д.), онг (ир.) *членъ*, ср. сскр. аṅга — *членъ, тѣло*. Гюбшманъ спрашиваетъ, какъ объясняется начальное i (j) въ дигорской формѣ. Но также загадочно при этомъ сопоставленіи начальное ў въ иронскомъ, ибо рядомъ съ онг есть болѣе древняя форма ўонг, мн. ч. ўänгtä (см. Осет. этюды I, стр. 104).

13) Нўар — *жила, артерія*, ср. авест. snāvare — id. сскр. snāvan — *связь, жила*, греч. νεῦρον.

14) Нарäg — *узкій*, ср. афган. paraī — *тонкій, узкій*, армян. пел — *узкій*.

15) Нўостä (д.) *невѣстка* — сближается Гюбшманномъ (р. 52), хотя подъ сомнѣніемъ, съ сскр. sniśā. Сближеніе, безъ сомнѣнія, невѣрно. Нўостä сопоставляется съ слав. *незнѣста, невестка*, хотя звуковая сторона обоихъ словъ не вполне ясна.

16) Ставд — *крѣпкій, толстый*, ср. авест. stawra — *крѣпкій*, сскр. stabh — *укрѣпляютъ, подпирать*, stabhita — *подпертый*, stabdha — *торчащій, упругій*.

17) Сүнт — *воронъ*, ср. въ памирск. діалектѣ вахи: šönd — *воронъ* (?).

18) Ту — *плевокъ*, н.-перс. tuf, tuh, курд. tef, tiw, tuw, tu, tuk, афганск. tūkaḷ, πτόω, spuо etc.

19) Ўäрдон — *арба*, н.-перс. gardūn — id., сскр. vartani — *ободъ колеса*. Срав. чечен. wardaṇ, абхаз. uardyn, ингушск. wурдо. Намъ кажется осет. слово заимствованнымъ.

20) Ўахск, д. усқа — *лопатка, плечо*, сскр. vakśas — *грудь*, верхняя часть тѣла.

21) Фадун — *раскалывать, разщеплять*, ср. армян. hatanem — *отрѣзаю*. (см. выше).

22) Фаззэг — *осень*, н.-перс. rādēz. Для насъ сомнительно. Впрочемъ и Гюбшманнъ сопровождаетъ сближеніе двумя?? (р. 63).

23) Фалä — *но*, д. фал, сскр. ragam — *однако*.

24) Фанд, д. фандä — *совѣтъ, желаніе, воля*, н.-перс. ränd — *совѣтъ*.

25) Фіјаг, д. фіјагä — *лопата*, ср. курд. rîeh — *лопата* деревянная, въ нарѣчій waχī: rēi, въ нарѣч. sarîqolî: fēi (?).

26) Фіртон (д.) *крупный скотъ*, ср. греч. πόρτις — *молодая скотина* (?).

Образцы южноосетинскаго нарѣчія (1).

1. О безыменномъ сынѣ Урызмэга (2).

Нартон Урүзмэг уді. Нарт әркодта әмә сәл сүн кодта. Умән әнәном ләппү уді; үсі ләппү амарді. Сөппәт әндәр фәлдүстоі, фәлә үсі ләппүјән ја ном н'ардтоі. Ләппү Барастүрмә басүді әмә ракурдта: „үәлзәхмә фәндаг мүн радт“. Барастүр үн захта: „нісі дүн радтсүнән, үәд мәрдтә јулдәр дә фәдүл сәуцүств“. Ләппү Барастүрү нал үахта, курдта жі ножі дәр: „әз мәхисән схоскәнжүнән!“ Јә бәхән сәфхәдтә жгуммә нүссахта. Уәд үн бар радта Барастүр әмә ләппу мәрдтәі расүді. Мәрдтә үі ку базүдтоі, үәд ја фәдүл расүдүств. „Дүаргәс сүн захта: кәдәм сәут?“—Үі ку асүд, махдәр

1. О безыменномъ сынѣ Урызмэга.

Былъ Урызмэгъ изъ нартовъ. Онъ позвалъ нартовъ и сдѣлалъ имъ угощенье. Былъ у него безыменный сынъ-мальчикъ; этотъ мальчикъ умеръ. Всѣхъ другихъ поминали, а имени этому мальчику не знали (не нашли). Мальчикъ пошелъ къ Барастыру и просилъ: „дозволь мнѣ идти на поверхность земли“. Барастыръ сказалъ ему: „ничего тебѣ не дамъ (не дозволю), тогда и всѣ мертвые пойдутъ по твоему слѣду“. Мальчикъ не отставалъ отъ Барастыра, снова его просилъ: „я себѣ найду средство!“ Онъ прикрѣпилъ своему коню подковы задомъ на передъ. Тогда Барастыръ позволилъ и мальчикъ вышелъ отъ покойниковъ. Когда покойники это узнали, то пошли слѣдомъ за нимъ. Придверникъ сказалъ: „куда идете?“—Какъ онъ пошелъ, такъ и мы пой-

сом ја фадул.—Дўаргас афтә зәгн: „ўадә ма ин ја фад фәнүт, фәстәмә ку раздәхт“. Мәрдтә фөдтоі фад әмә фәстәмә раздәхтүстү. Ләппү ссүдї ўәлзәхмә ја фүдү хәжарү дўармә әмә јәм барвүста ләг әмә ин захта: „сўом хәтүнү хәтүммә, әвзәрүммә“. Урүзмәг үн фәстәмә захта: „асү Јеранетү бвдүрмә, ахсәв үм әрүнчәі, раісом дәм басәужүнән“. Ләппү асүд бвдүрмә әмә үм әрүнчад. Урүзмәг скувдта Хсаумә: „О Хсаутү Хсау! Ахәм мїт әрўарүн кән, әмә әппүндәр сәўән ку нїчі ардәм ўа“. Уїтүххәі скувдта әмә сувәлонїмә сәун нә фәндүд: нартәі хүдїнагәі тарстї. Раісом түхгін мїт әрўарүд. Урүзмәг схүст мәсүгї сәрмә әмә кәсәнчәстәі акаст: ләппүјї бәрәг кодта. Ку акаст, ўад фөдта ју ран авд мүсі зүлдас цәх бвдүр, әмә үм хуссүдї ләппү, ја нүмәт ја ўәлә афтәмәі. Уї ку фөдта Урүзмәг, ўад ја ўсән захта: „хүдїнаг мін ўжәнїс ку нә асәўон ўад“. Стәі ја бәх сїфтүхта әмә асүд Јеранетү бвдүрмә; түххәі фүдәі бвдүрмә бахәтцә әмә афтә әггәлдта: „ләппү мїтәі амард“. Ләппү фөстад әмә Урүзмәгән захта: „нүрмә кәм удтә? сәі әмә сўом, дү хїстәр дә әмә раздәр асү!“ Урүзмәг захта: „мәнән мә бон нәу: әз зәронд

демъ по его слѣду.—Придверникъ говоритъ такъ: „такъ посмотрите-же на его слѣды, вѣдь онъ назадъ повернулъ“. Покойники увидѣли слѣдъ и вернулись назадъ. Мальчикъ поѣхалъ на землю къ дверямъ дома отца, послалъ къ нему человека и сказалъ ему: „Поѣдемъ странствовать, испытывать себя“. Урызмәгъ сказалъ ему затѣмъ на это: „Поѣзжай на Јеранетскую равнину, эту ночь тамъ отдохни, а завтра утромъ я къ тебѣ прїѣду“. Мальчикъ поѣхалъ на равнину и тамъ отдохнулъ. Урызмәгъ молился Богу: „О богъ боговъ! Пошли такой снѣгъ, чтобъ никуда совсѣмъ не было проѣзду“. Онъ молился потому, что не желалъ ѣхать съ ребенкомъ, боялся срама отъ нартовъ. Утромъ выпалъ сильный снѣгъ. Урызмәгъ влѣзъ на вершину башни и посмотрѣлъ въ подзорную трубу; наблюдалъ за мальчикомъ. Какъ посмотрѣлъ, то увидѣлъ, (что) въ одномъ мѣстѣ на пространствѣ семи круговъ токовъ зеленый лугъ, и тамъ спалъ мальчикъ покрытый буркой. Увидѣвъ его, Урызмәгъ сказалъ своей женѣ: „стыдно будетъ мнѣ, если не поѣду“. Потомъ онъ осѣдлалъ (снарядилъ) коня и поѣхалъ на Јеранетскую равнину; насилу доѣхалъ до равнины и подумалъ: „мальчикъ умеръ отъ

лӓг дӓн ӓмӓ дӓхӓдӓг ас̄у раздӓр“.—Лӓппӯ јӓ бӓх с̄ѳтѳхтӓ ӓмӓ ас̄уд̄і јӓ разӓі. Бӓх ку с̄уд̄і, ӱӓд м̄т сау кодтӓ јӓ ком̄і тӓфӓі. Урѳзмӓг дӓр јӓ фӓдѳл с̄с̄уд̄. Тӓрк ӓмӓ Туркмӓ ас̄удѳстѳ удонӓн сӓ рӓґау скӓрѳммӓ. Лӓппӯ Урѳзмӓгӓн захтӓ: „дѳ зӓ-ронд дӓ, ам лӓу; ӓз с̄с̄ӓѳѳѳнӓн ӓмӓ рӓґау раскӓрѳѳнӓн“. Рӓґау ку скӓрдтӓ лӓппӯ, ӱӓд ѳл сӓмбӓлд̄і рӓґауґӓс тѳгзѳх б̄ірӓґ ӓмӓ фосѳ скӓрѳн нӓ ӱӓхтӓ. Лӓппӯ б̄ірӓґӓн јӓ қ̄ус рӓ-л̄ігкодтӓ н̄ісанӓн ӓмӓ јӓ јӓ з̄іппѳ нѳѳѳӓрдтӓ. Б̄ірӓґі фӓстӓ арбас̄уд̄ афсӓнзѳх қӓртґіґӓ. Ӱмӓн дӓр лӓппӯ јӓ кӓх рӓл̄іг-кодтӓ н̄ісанӓн ӓмӓ јӓ з̄іппѳ сӓѳӓрдтӓ. Ӱі фӓстӓ фос раскӓрдтӓ ӓмӓ сӓ Урѳзмӓґі ф̄ітѳаг бакодтӓ: јӓхӓдӓг қӓумӓ арбас̄уд̄ ф̄е-қ̄усѳнґӓнѳммӓ. Адӓм тӓ куѳдѳ бадтѳстѳ ӓмӓ сӓм лӓппӯ дӱӓрӓі бакӓркодтӓ: „О Тӓрк ӓмӓ Турк! ӱӓ фос ун ф̄ескӓрдӓ ӱ!“ Удон захт̄і: „Махӓн нӓ фос скӓрѳн к̄і баӱӓнѳӓн̄і? Ӱі ч̄і ж̄ӱрі, ӱі хӓрдӓнқӓл ар̄с̄уд̄і, ӓмӓ јӓ м̄дӓмӓ арбакӓ-н̄ӱт хӓрѳммӓ. Лӓппӯ захтӓ:—Ӓз бас̄ӓӱӓн, фӓлӓ м̄н мӓ бӓх к̄і бауромґӓн? (Јӓ бӓх тӓ тӓрқ̄усѳас уд). ӱӓд ӓм іннӓ рас̄уд̄і ӓмӓ лӓппӯ јӓ бафарстӓ: мӓ бӓхӓн с̄ӓул фӓхӓтѳѳнӓ?“—Ӱідонѳл.— „Ӱідон ку аск̄уна?“—ӱӓд тӓ јӓ қ̄устѳл.— „Қ̄устӓ ку ас-

сн̄ґа“. Мальчикъ всталъ и сказалъ Урызмӓгу: „Гдѣ былъ ты до сихъ поръ? Поѳдемъ-же, ты — старшій, такъ поѳзжай впередъ“. Урызмӓгъ сказалъ: „Я не въ силахъ, я старый человѣкъ, поѳзжай ты впередъ“. Мальчикъ обрядилъ коня и поѳхалъ впередъ. Когда конь шелъ, то сн̄ґъ черн̄ѳлъ отъ пыла его рта. Урызмӓгъ же ѳхалъ по его слѣдамъ. Они поѳхали къ Теркамъ и Туркамъ, чтобъ угнать ихъ табунъ. Мальчикъ сказалъ Урызмӓгу: „Ты старъ, стань здѣсь; я поѳду и выгоню табунъ“. Когда мальчикъ гналъ табунъ, ему встрѣтился сторожившій табунъ волкъ съ кровавой пастью и не пускалъ гнать скотъ. Мальчикъ отрѣзалъ ухо волку для замѣтки и положилъ его себѣ въ карманъ. Послѣ волка явился желѣзноклювый ястребъ. Ему также мальчикъ отрѣзалъ ногу для замѣтки и положилъ себѣ въ карманъ. Затѣмъ онъ выгналъ скотъ и пригналъ его (соб. ихъ) къ Урызмӓгу и самъ поѳхалъ въ аулъ извѣстить. Люди-же сидѣли за *куздомъ* и мальчикъ крикнулъ имъ изъ двери: „Эй Терки и Турки! У васъ скотъ угоняютъ!“ Они сказали: „Кто отважится угнать нашъ скотъ? Тотъ, кто говоритъ, пришелъ въ надеждѣ на ѳду; пригласите его въ *саклю* поѳсть“. Мальчикъ сказалъ:

кујоі?“ — Ўад та ја барш'ул. — „Ја барш' ку ас'куна, ўад та?“ — Ўад ја куділ. „Ја куді ку ас'куна, ўад та?“ — Ўад ја чуппар кахул нуххатцунан амә ја ма буну скәнцунан. — Стаі јам лаппу ја бәх радта, јәхадәг хәжарма ба'суд амә та адәмән захта: „Төрк амә Турк! Ўа фос ун фәскәрда у“. Удон ын захтоі: „Дәттја, бахәр амә баназ, ујјәттәмә мах фос н'к' аскәрцән'с. Лаппу ја зипма нивнәлдта амә фјаутв нисәндта сә разма бакалдта амә фәстәмә фездәхт. Удону бауривдта; захтоі: „у'і тухгәнәг ахам к'і у?“ — амә ја фәстја сурун байдудтоі. Ку ја бајәфтоі, ўад сәм фәстәмә фездәхт амә сә сәгдун байдудта: футцәгтә сәгдгә-кодта, фәстәгтә та туг ласта. Ку сә фәсәгдта ўад а'суді, Урузмәг'і бајәфта амә ра'гау јумә аскәрдтоі нартәм. Ўад лаппу Урузмәгән захта: „дә х'истәр дә амә фос ба'йуар“. — Аз зәронд ләг дән, дү та лаппу, амә сә дү ба'йуар. — Лаппу фос ўәрста амә сә әртәд'ху кодта. Урузмәг јәх'инумәр ба'цун'чун кодта: — әвәтчәгән жи мәнән әртүцаг хәјі јәттәмә нә дәдтү. — Лаппу захта: әртә

„Я вошелъ-бы, но кто подержитъ моего коня? (Его-же конь былъ величиной съ зайца). Тогда нѣкто (другой) вышелъ къ нему и мальчикъ его спросилъ: за что ты будешь держать моего коня? — За узду. — „А если узда разорвется?“ — Тогда за уши. — „Если уши оторвутся?“ — Тогда за гриву. — „Если грива оторвется?“ — Тогда за хвостъ. — „А если хвостъ оторвется?“ — Тогда я ухвачусь за четыре ноги и его подъ себя повалю! — Потомъ ему мальчикъ отдалъ своего коня, самъ-же вошелъ въ домъ и снова сказалъ людямъ: „Терки и Турки! У васъ угоняють вашъ скоть“. Они сказали ему: „За тобой! Поѣшь и выпей, конечно никто нашего скота не угонитъ“. Мальчикъ тронулъ карманъ, высыпалъ передъ ними примѣты сторожей и отправился обратно. Они убѣдились, сказали: „Кто это такой насильникъ?“ — и начали гнать за нимъ. Когда они догнали его, онъ обернулся назадъ къ нимъ и началъ ихъ бить: переднихъ перебилъ, а заднихъ кровь уносила. Перебивъ ихъ, онъ поѣхалъ, догналъ Урузмәга, и они вмѣстѣ погнали табунъ къ нартәмъ. Тогда мальчикъ сказалъ Урузмәгу: „ты старшій, такъ и дѣли скоть“. — Я старый человекъ, а ты мальчикъ (сказалъ У.), ты ихъ и дѣли. — Мальчикъ скоть дѣлилъ и сдѣлалъ изъ него (соб. ихъ) три части. Урузмәгъ сокрушался въ душѣ: Должно быть изъ него (скота) онъ отдастъ

хајі бар сїс. „Дәхәдәг мін чү радтаі, үі раісжүнән“.—Ју хаі дүн хістәрәккаг дәдтүн, іннә хаі та әнбаліхаі; әртүцаг хаі та мәммә сәўү, фәлә дүн әі ләваркәнүн, үі түххаі әмә аз дө нәном ләппү удтән әмә мін мә ном нәссардтаі, хәрнаг ку кодтаі ўад.—Үсү фосәі ләппү сәвзәрста әрмәст ју үрс гал, іннә фос јулдәр радта Урузмәгән әмә јәхәдәг үсү галімә Барастүрмә басүд. Јә нүтчүдмә хӯр анігулд әмә ін дӯар нал кодтоі. Ләппү Хсаумә скувдта: „Хсаутү Хсау! рагтүл ма дүжү хӯр әрбакәсүн кән!“ Хсау бафәндүд әмә хӯр әрбакаст. Ўад үн дӯар бакодтоі, ләппү гал баскәрдта әмә Барастүрән ба- ләвар кодта. Барастүр ін арфә ракодта әмә јін хорз бүнат радта. Үіфәстә Урузмәг сү фос үн радта ләппү удонәі хәр- нәгитә фәккодта јә әнәном фүртү түххаі.

2. О Тамарѣ.

Тамар-дедопалі әнәзәнәг үспатцах уді. Бурсабзелі (3) хох- хүл сарді. Үсі хоххаі Імөрәтмә асүді әмә јә фәсчәўінән захта:

мнѣ только третью долю.—Мальчикъ сказалъ:—выбери себѣ изъ трехъ долей (любую).—„Что ты самъ мнѣ дашь, то возьму“ (сказалъ У.).—Одну долю я даю тебѣ, какъ часть старшаго, другую долю, какъ долю товарища; третья же часть приходится мнѣ, но я дарю ее тебѣ потому, что я былъ твоимъ безыменнымъ сыномъ и моего имени ты не нашелъ (не поминалъ), когда справлялъ поминки. — Изъ этого скота мальчикъ выбралъ только одного бѣлаго быка, а прочій скотъ весь отдалъ Урузмәгу, а самъ съ этимъ быкомъ пошелъ къ Барастыру. Во время его хода солнце закатилось и ему не отворили двери (въ подземный міръ). Мальчикъ молилъ бога: „Боже боговъ! Вели появиться на хребтахъ еще на мгнове- ніе маленькому солнцу!“ Богъ далъ согласіе и солнце появи- лось. Тогда ему (мальчику) отворили ворота, мальчикъ во- гналъ быка и подарилъ его Барастыру. Барастыръ его бла- гословилъ и далъ ему (мальчику) хорошее мѣсто (въ раю). Послѣ этого Урузмәгъ сдѣлалъ изъ скота, который ему далъ мальчикъ, поминки ради (въ честь) своего безыменнаго сына.

2. О Тамарѣ.

Тамара-дэдопали (невѣста) была бездѣтной царицей. Она жила на горѣ Бурсабзели. Съ этой горы она отправилась въ

„дәгәлтә ма кәнәм радт“. Тамар ку асүд, үад ја фәсчәүин
 нал фәлләүүд, дүәрттә дәгәлтәи баігом кодта әмә үрдүгәи
 бонвәрнән ратахт әмә арвүл абадт. Уіфәстә арв сасәст әмә
 стүр мīt үарүн баідүдта. Тамар үи ку фәдта, үад фәстәмә
 раздәхтī әмә Үәнма ку'рхәтцә і, үад ја бәхән мīt ја үәнтәи
 акалдī. (Үі түххәи Үәні (4) калак хуінү). Үрдүгәи Күдармә
 асүд әмә үм ја бәх амардī. (Үі түххәи үсі ран Күдар (5) хуи-
 нү). Расүд үрдүгәи әмә ја бүнәт Бурсабзелімә ссүд әмә ја
 фәсчәүинімә хүл кәнүн баідүдта, дүәрттә кәи баігомкодта
 үитүххәи. Ју бон к'удī, үад Тамарәмә хункәи хүрүтүн бакаст
 әмә басәвәргін і. Афәзмә јін ләппү раігүрд. Үсі сүвәллонү
 Тамар қәдмә ахаста әмә ја үм нууахта, хүдīнагәи кәи тарстī
 үитүххәи. Ләппүмә саг басүд әмә ін зīзī дардта. Ју хат к'удī,
 үсі ранүл ју сүанон фәсәісүд әмә фәдта саг. Топпәи јәм
 бақавүд, фәлә сагән ја бүнү ләппү фәдта әмә ја нууахта,—
 вал әи фәхста. Саг алүгд. Сүанон ләппүјі ја хәжармә әрха
 ста әмә ку сқомүл, үад үәрүгкитә хүста. Ју бон фәстәмә ку
 раздәхт, үад кашкәші (6) фәдта әмә ін үі захта: „абон дәм

Имеретію и сказала своей служанкѣ: „Никому не отдавай
 ключей“. Когда Тамара уѣхала, ея служанка не устояла
 отворила двери ключами и оттуда (изъ комнаты) вылетѣла
 утренняя звѣзда и сѣла на небо. Послѣ этого небо заволокло и
 началъ валить сильный снѣгъ. Увидѣвъ это, Тамара вернулась
 назадъ и когда достигла Они, то снѣгъ перевалилъ ея коню вы-
 ше лопатокъ. Поэтому и называется городъ Они (Үәні). Оттуда
 поѣхала она къ Кудару и тамъ ея конь умеръ. Поэтому это
 мѣсто и зовется Кударъ. Оттуда она выѣхала, прибыла въ
 свое мѣсто, Бурсабзели, и начала ругать служанку, за то что
 она отворила двери. Однажды изъ щели солнечный лучъ
 упалъ на Тамару и она забеременѣла. Черезъ годъ у нея
 родился мальчикъ. Тамара снесла этого ребенка въ лѣсъ и
 тамъ его оставила, потому что опасалась срама. Къ маль-
 чiku пришла лань и давала ему сосать. Однажды по этому
 мѣсту проходилъ охотникъ и увидѣлъ лань. Онъ прицѣлился
 въ нее изъ ружья, но увидѣлъ подъ нею мальчика и отпу-
 стилъ ее,—не застрѣлилъ ее. Лань убѣжала. Охотникъ при-
 несъ мальчика въ свое жилище и когда онъ (мальчикъ) выросъ,
 то сталъ пасти барашковъ. Однажды, когда онъ возвращался
 домой, онъ увидѣлъ сороку и она сказала ему: „сегодня къ

дуѣадас барагі арсаузан“. Лаппу үсі зүрдта сүанован захта
амә ин үі зауматә радта. Үсі баргітә ку'рсүдүстү, үад лап-
пүјі сөмә акодтоі Калакмә амә ум ин үс ракурдтоі — мә-
лікі кізг.

3. Ләг амә рүвас.

Ју ләг фәтчүдї чїрәјі үәрдонүл; ја чїрә ку нүлласта бв-
натмә, үад раздәхтї ја хәжарәрдәм амә іл фәстәмә фөмбәлдї
кәфтү ласінәг. Ләг үсү кәфтә раласта, јәхәдәг үәрдонүсәр
спадтїс амә зарцїтә кодта: афтәмәі бафүнәјі. Рүвас әрбачүдї
үәрдонмә, схүстї амә үәрдонәі кәфтә фәккалдта. Ләг ку
сқалїс, үад рүвас үәрдонәі сүсәгәі нүгкәпп кодта амә ләг
нїчі базүдта. Стәі рүвас јәхї мардүфсон скодта, фәндагул
ја разү фөстадїс амә ләг әі сүста амә ја үәрдонүл сәвәрдта.
Захта јәхїсән: „Асү рүвасү чарм мә үсән хорз кәрчаг үжә-
нїс“, амә чїнкодта. Рүвас та кәфтәі чї баззадї, удон дәр фәк-
калдта үәрдонәі, јәхәдәг та нүгкәпп кодта амә ралүгдї. Ләг
ја хәжармә ку басүдї, ја үсмә фәдцүрдта: „Аттәмә ракас,
мәнә дүн хорз кәрчаг әрластон, амә кәфтә дәр бїрә!“ Үс

тебѣ прїѣдутъ двѣнадцать всадниковъ“. Мальчикъ передалъ
эти слова (сороки) охотнику и тотъ далъ ему доспѣхи. Когда
всадники прїѣхали, то взяли мальчика съ собою въ Тифлисъ
и тамъ сосватали ему жену, дочь *малика*.

3. Человѣкъ и лиса.

Одинъ человѣкъ ѣхалъ на арбѣ съ грузомъ. Когда онъ при-
везъ свой грузъ на мѣсто, то возвращался къ дому и ему
досталось везти обратно рыбу. Человѣкъ повезъ эту ры-
бу, самъ сѣлъ на верхъ арбы и пѣлъ пѣсни: такъ онъ за-
снулъ. Пришла къ арбѣ лиса, влѣзла и выбрасывала съ арбы
рыбу. Когда человѣкъ проснулся, лиса тихонько спрыгнула
съ арбы, и онъ ничего не замѣтилъ. Затѣмъ лиса притво-
рилась мертвой, очутилась на дорогѣ передъ нимъ и чело-
вѣкъ, взявъ ее, положилъ на арбу. Онъ сказалъ себѣ: „шкура
этой лисы будетъ отлично годиться на шубу моей женѣ“—
и радовался. Лиса же разсыпала и ту рыбу, что оставалась
на арбѣ, а сама опять спрыгнула и убѣжала. Когда чело-
вѣкъ вошелъ въ саклю, то крикнулъ женѣ: „Выгляни на-
ружу, вотъ я тебѣ привезъ отличную (шкуру) на шубу и

ракаст, фёдта ўярдонү амә жі нал дәр кәфтә уді, нал дәр рӯвас. Јә мојі бафарста: „кәм і у́сү кәрчаг амә кәфтә?“ Ләг дәр фёдта ўярдонү амә жі нал дәр кәфтә уді, нал дәр рӯвас у́м уді. Афтамәі рӯвас ләгі фәсаідта амә әфтідәі баззаді.

много рыбы также!“ Жена выглянула, посмотрѣла на арбу, а тамъ не было ни рыбы, ни лисицы. Она спросила мужа: „Гдѣ же эта шкура на шубу и рыба?“ Мужъ также посмотрѣлъ на арбу, а тамъ не было рыбы, да и лисицы тамъ не было. Такъ-то обманула лиса человѣка и (онъ) остался ни при чемъ (соб. пусто).

Примѣчанія.

1. Изъ предлагаемыхъ образцовъ южно-осетинскаго (туальскаго) говора первыя двѣ сказки были записаны мною въ 1883 году въ Горійскомъ уѣздѣ въ аулѣ Джавѣ, лежащемъ въ ущельѣ рѣки Большой Ліахвы. Последняя сказка записана мною же въ Тифлисѣ, въ 1881 году, отъ южнаго осетина всадника Парсадана Гогичева.

2. Варіантъ сказанія о безыменномъ сынѣ Урызмэга смотр. въ Осетинскихъ текстахъ Шифнера, стр. 71 и слѣд.

3. *Сабдзели* по грузински обозначаетъ плетеный, стоящій на столбахъ, сарайчикъ для помѣщенія *самана*, соломы, оставшейся отъ молоченнаго хлѣба. Въ географіи Грузіи царевича Вахушты эта гора называется Брутцабдзель. См. *Description géorg. de la Géorgie* p. 449.

4. Здѣсь народная этимологія названія города Они (Ўäñi). Названіе Ўäñi напомнило осетинамъ ихъ слово ўän—*лопаточная кость*.

5. Кӯдар значитъ *обрубокъ, колода* и примѣняется иронически къ покойнику.

6. Кашкаші — грузинское названіе сороки.

На основаніи приведенныхъ образцовъ и личныхъ наблюденій мы можемъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія о туальскомъ говорѣ:

Гласные: ä звучитъ не такъ открыто и близко къ а, какъ въ иронскомъ и дигорскомъ нарѣчіяхъ. Южно-осетинское ä ближе къ открытому е.

Звукъ v ближе къ открытому i, чѣмъ къ y.

Плавные: Открытое л (польск. l) отсутствуетъ; всюду слышится европейское l.

Согласные: Вмѣсто ц и д слышатся с и з передъ гласными: сәус=цәус, кәнзүяән=кәндүнән. Нерѣдко эти, вышедшіе изъ ц и д, звуки с и з переходятъ далѣе въ с̣ и з̣ или ш̣ и ж̣: үс̣і, үш̣і=үцү, зі, жі=дү, үжәнī=үдәнī, хәжар=хәдар. Въ тѣ же ш̣ и ж̣ передъ мягкими гласными или подъ ихъ вліяніемъ переходятъ равно и древніе с и з, не вышедшіе изъ ц и д: үш̣і=үсү, жімәг=зүмәг.

Вмѣсто ч и ц передъ мягкими гласными у стариковъ слышатся чаще к̣ и г̣: к̣і=ч̣і, Урүзмәг̣і=Урүзмәцү.

Другой переходъ ц и д въ ч и ц встрѣчается, повидимому, рѣже, чѣмъ переходъ ихъ въ с и з, с̣, з̣, ш̣, ж̣; на примѣръ: әрүячаі=әрүнцаі, фонц=фонд. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что въ обоихъ видахъ соотвѣтствій иронскимъ ц и д нѣтъ послѣдовательности и постоянства. Отъ одного и того же лица можно услышать, на примѣръ, формы: фонз, фонж, фонц или сәус, шәүш̣, чүппар.

Осетинскія загадки ¹⁾.

1. Нæ цару цæхæру кæфоі — на нашемъ чердакѣ совокъ жару: сталутæ — звѣзды.
2. Нæ дѣармæ хæфцæст ӯс — у нашей двери гнойноглазая женщина: зад — солодъ.
3. Нæ фæсдѣар ӯісоі зæронд — за нашей дверью старая метла: чунд — невестка.
4. Цæӯу, цæӯу æмæ нĕкæдæм хæтдæкæну — ходитъ, ходитъ, никуда не придетъ: авдæн — колыбель.
5. Нæ ӯæлхæдар ӯæлібæх — на нашей кровлѣ лепешка: мæі — мѣсяцъ.
6. Нæ хæдару астæу æлдару мард — средь нашей сакли трупъ алдара: мæнæӯу нæмуг — пшеничное зерно.
7. Дуӯæ калму хæцунц, хæцунц, æмæ кæрæдĕмæ нæ хæтцæ кæнунц — двѣ змѣи бьются, бьются, а другъ съ другомъ не сойдутся: æрфгутæ — брови.
8. Нæ чусул аду қæдуртæ тæлфунц — въ нашемъ маломъ котлѣ бобы движутся: дону кæсæгтæ — рыбы въ рѣкѣ.
9. Не'нахур гал дон нѣазу — нашъ неученый быкъ воду пьетъ: дурун — кувшинъ.
10. Не скæту дæлгом к̄ус — въ нашемъ закутѣ опрокинутая чашка: стурн кæхдæф — слѣдъ отъ ногъ крупнаго скота.
11. Сау қӯду бун ӯрс роод — подъ черной коровой бѣлый теленокъ: æхсур — молоко.
12. Кодаху бун лустутæ — подъ пнемъ щепки: карчу бун цѣутæ — подъ курицей цыплята.

¹⁾ Нижеслѣдующія загадки, представляющія дополненіе загадкамъ, собраннымъ учителемъ Цораевымъ и изданнымъ акад. Шифнеромъ (Осет. стр. 30), были записаны мною въ разное время и въ разныхъ аулахъ.

13. Цæх дūrул цæх цæстутæ — на сфромъ камнѣ сфрые глазки: қаз — гусь.

14. Кæрдæг јæ халæг, змїс јæ цурѓгæнæг — трава ее разрушаетъ (тупить), песокъ ее точить: цæвæг — коса.

15. Нæ кројі фæстæ хæцæг калм — за нашей мельницей жальщій змѣй: пусура — кропива.

16. Тасгæ-ўасгæ Таусултан — гнется и звучить (какъ) Таусултанъ: јæхс — плеть.

17. Нæ к̄улл сасіртæ — к̄ухæі конд нæ стл — на нашей стѣнѣ сито — рукой не сдѣланное: хæлварæцл тлн — паутина.

18. Не скæтл сурх гал баст — въ нашемъ закутѣ красный быкъ привязанъ: æвзаг длхл — языкъ во рту.

19. Дада бадл, дїда к̄усл — Дѣдъ сидить, бабка работаетъ: кројі флдтæ — жернова.

20. Ју кудлрл фараст хулчл — на одномъ чурбанѣ девять дыръ: лæцл б̄уар — человеческое тѣло.

21. Сау қ̄уцл бвл б̄ур роод — подъ черной коровой желтый теленокъ: алл бвл арт — подъ котломъ пламя.

22. Ыæларвæі дæларвмæ цлппар топахæцл — сверху неба внизъ четыре стрѣлка: қ̄уцл д̄дїтæ — сосцы коровы.

23. Нæ донл æнæстæг кæсаг — въ нашей рѣкѣ безкостная рыба: гумбл — сыръ въ сывороткѣ.

24. Нæ д̄уармæ кæблс хуссл: нæ хæцл, нæ рæјі, афтæмæі хæдармæ н̄кæі ўадл — у нашей двери щенокъ лежитъ: не дерется (кусаешь), не лаетъ, а всетаки въ домъ никого не пускаетъ: гудлр — замокъ.

25. Нæ фæсд̄уар лæугæ члнд — за нашей дверью стоящая невѣстка: цллн — вѣникъ.

26. Нæ к̄улл бæхл ф̄арск — на нашей стѣнѣ конское ребро: æхсæргард — шашка.

27. Нæ хæдарл қурқургæнæг зæронд ўс — въ нашемъ домѣ ворчливая старуха: амæтгæ — заторъ (сусло смѣшанное со спиртомъ).

28. Ацæўл æмæ нлққæркæнл: æз мæхæдæг сæнлч ас! — уходитъ и кричитъ: я самъ съ козленка ростомъ! ўасæг — пѣтухъ.

29. Нæ царл лустæг ўїстæ — на нашемъ потолкѣ тонкія хворостины: æрфгута — брови.

30. Ырс дæк̄улл б̄ур тлтл (тлккі) — въ бѣлой мошенокѣ желтый камешекъ: аік — яйцо.

31. Аехсæв даг, бон—афтід—ночью полно (занято), днемъ—пусто: ўат, хуссæн — постель.

32. Нæ цару сауқæд, сауқæдн бїрæгтæ — на нашей крышѣ черный лѣсъ, а въ лѣсу волки: сүстүтæ — вши.

33. Нæ тугурі сугзæринæ лæдгута (дигор.) — на нашемъ чердакѣ золотыя палки: хорі тунтæ — солнечные лучи ¹⁾.

34. Куі фæсхонх нїллїдта æма је смаг ардæмæ рақæрдтæі — собака за горой нагадила, а вонь сюда дошла: давонæ — черемша.

35. Амї тун, омї тун, Тїрані æфцæгæі ралæўїрдта—здѣсь хлопъ, тамъ хлопъ, чрезъ Тиранскій перевалъ перескочила: зæрватуг—ласточка.

36. Мæнкæі мæсугæі қўæцæ цæўуі—изъ маленькой башни дымъ идетъ: лолæ—трубка.

37. Нæ кóлїсæр кæугæ кіндæ — за нашимъ очагомъ плачущая невѣстка: тæдунæг—капель (тающія сосульки).

38. Гал скæтмæ тардтон, æ думаг ба мæ кóхї раїзадæі — я гналъ быка въ закуть, а хвостъ его остался у меня въ рукѣ: кæрдту—груша.

39. Нæ фарсбæл мүді гæбæт — на нашей стѣнѣ бурдюкъ меду: дæде—женская грудь.

40. Дарг мæсуг дорæі даст—длинная башня изъ камня построенная: нартхўар—початокъ кукурузы.

41. Дарг лæгбæл цубур кæредæ — на длинномъ человѣкѣ короткая шубка: донї хед—на рѣкѣ мостъ.

42. Кæдтæ мæдтæ кумæ цæўїс? кæдал, мүдул, нæ мæ ўадїс,—„зачѣмъ идешь вкривъ и вкось?“ Свитая, закрученная, ты меня не пускаешь: қўæцæ æма рæхїс — дымъ и цѣпь.

43. Цæўуі, цæўуі антæс ба ін нæ јес — идетъ, идетъ, а толку нѣтъ: авдæнæ—колыбель.

44. Мæнкæі куі јеу раўæн лæўуі; хўæцгæ дæр нæ кæнуі, рæїгæ дæр нæ кæнуі — маленькая собачка на одномъ мѣстѣ стоитъ: не кусаетъ, не лаетъ: кумæ—замокъ ²⁾.

1) Начиная съ № 33 слѣдуютъ загадки, записанныя мною по дигорски въ Ново-христїанскомъ селенїи отъ Михаила Саламова и Мурзабега Кесаевъ. Загадка называется по дигорски *бацеу*, по иронски *ўцїуцї*.

2) Въ видѣ обращїка мы напечатали загадки нѣсколько видоизмѣненной транскрипціей, которая принята нами для составляемаго нами осетинско-русскаго словаря: именно *æ* замѣнено буквой *æ*, а *ё* буквой *е*.

Дигорскія пословицы ¹⁾.

1. Цалх дандагкаі зёлуі—колесо постепенно вертится.
2. Мāнгі к̄ах цубур āі—нога обманщика коротка т. е. обманщикъ далеко не уйдетъ. *Чаб*
3. Х̄уарз ма к̄анā āма фуд ма ўёра—не дѣлай добра, не получишь и зла.
4. Фіді ўосā фіді рун—отцева жена—отцева болѣзнь т. е. мачиха все равно что наследственная отъ отца болѣзнь.
5. Г̄аўāн галāі г̄аўāн лīmāн х̄ўāздār āі—лучше имѣть въ каждомъ аулѣ по другу, чѣмъ по быку.
6. Расті дон дār нā ласуі—праваго даже вода не уноситъ т. е. правый и въ водѣ не тонетъ.
7. Јеунāг гог к̄авдāслі—если корова одна, то она и въ ясли гадитъ т. е. ее хозяинъ балуетъ.
8. Хор боні āнā нīmāt ма цо—въ солнечный (ясный) день безъ бурки не ходи.
9. Јеу бон раігурдтāн, іннā бон рамардтāн—въ одинъ день я родился, въ другой умеръ.
10. Дā досā к̄āmі нā ўа, омī дā к̄āбār ма толā—гдѣ нѣтъ твоего разсола, туда своего куска не мокай.
11. К̄адтār Āрдондār қабунтā ластва—когда то и Ардонъ лепешки несъ (т. е. встарину бывали разныя чудеса и жить было легче).
12. К̄е коі к̄анāі, к̄асārмā цāўуі—кого помянешь, тотъ къ порогу подходитъ (легкоъ на поминѣ).

¹⁾ Предлагаемыя дигорскія пословицы, собранныя жителемъ Ново-христіанскаго селенія учителемъ Михаиломъ Саламовымъ и записанныя мною отъ него въ 1883 г., представляютъ дополненіе къ иронскимъ пословицамъ, изданнымъ въ Осетинскихъ текстахъ академика Шифнера.

13. Бітдѣумă дă дăндăгтă ку ăвдѣсаі, ѱад сă цігд ăнгăлуі — когда ребенку показываешь зубы, онъ принимаетъ ихъ за сыръ, т. е. не балуй ребенка.

14. Саусăрбăл ăѱăндгă нă јес—нѣтъ вѣры (нельзя вѣрить) неблагогородному (собств. черной головѣ).

15. Ёосă ăма хăјѱавбăл ăѱăндгă нă јес—не довѣрай женѣ и коню.

16. Ідардбăл ăрзѣлă ма дă хăдарăмă ăгас ăрцо—далеко обогни (сдѣлай крюкъ) и домой цѣль (здоровымъ) приди.

17. Гал кѣ адтăі, оі роді хунăдăр нă бал фăцăі—чей былъ быкъ, тому не досталось даже куска толстой кишки.

18. Алкѣ дăр ăхѣ гомі фарс хѱăјуі—всякій стучитъ въ стѣнку своего закрома (въ смыслѣ русской пословицы: своя рубашка къ тѣлу ближе).

19. Хăфсăмă дăр ă бăдола хорітунă вăсуі—даже лягушкѣ ея дѣтенышъ кажется солнечнымъ лучемъ.

20. Бăхі хăрăгі фарсмă ку нпбăдтаі, ѱад ін ј'егдăутă раисдăнăі—когда привяжешь лошадь рядомъ съ осломъ, то она перейметъ его норовъ.

21. Басă кѣ басода, је донăі дăр тăрсуі—кого супъ обожжетъ, тотъ боится и воды.

22. Цалăммă тăвдă ѱа ăфсăінаг, ѱалăммă нăмă—куй желѣзо пока оно горячо.

23. Фіді лімăн фіді хăзна—отцовскій другъ—отцова казна (т. е. старый другъ надеженъ).

24. Лăхă размăнтă ăма бăстă нисмагкăндăнăі—размѣшай калъ и окрестность провоняетъ.

25. Біндітă кăмі ѱа, омі муд дăр одăнăі—гдѣ пчелы, тамъ будетъ и медъ.

26. Сабур—хуцаѱі лімăн—кроткій—Богу другъ.

27. Хуі вăрăмă ку баѱадаі, ѱад ін ă сăрмă схѣздăнăі — когдапустишь свинью къ кучѣ провѣяннаго зерна, то она на самый верхъ влѣзетъ.

28. Ѓавăгăі лăборăг фăфитдагдăр ăі—кто хватаетъ (сразу) опередилъ того, кто прицѣливается.

29. Ѓода гал ăхѣ біндітă сорун нă фăраста ăма ăгас ăрғауі біндітă сурдта—бозхвостый быкъ не могъ сгонять съ себя мухъ, а гналъ (т. е. хотѣлъ гнать) мухъ всего стада (говорится про хвастуна).

30. Дасні лăган ġадă хăстаг ай—для умѣлаго (ловкаго) человека лѣсъ близокъ (т. е. онъ сумѣетъ легче другихъ достать лѣса).

31. Бѣраġ а сінк-сінк нă нїуаданай—волкъ своей трусцы (манеры бѣжать) не оставитъ.

32. Кѣ бон уа је а фідіфідан дър доġ уадуі—кто состоятеленъ, тотъ даже и дѣду своему устраиваетъ скачку.

33. Мăгурай ка счал уа је а хуцауі дър фѣронхуі—кто изъ бѣдности (соб. изъ бѣднаго) становится богатымъ, тотъ своего бога забываетъ.

34. Јеунăг лăг дорбăл дър фăццăрданай—одинокій человекъ и на камнѣ проживетъ.

35. Хăдаргăнăгї мард фăсдур—трупъ домостроителя за дверью (говорится про несправедливости въ семьѣ).

36. Мѣт дър орс ай, фал кăхтă сујун кануі—и снѣгъ бѣлъ да ноги морозитъ.

37. Мінкї фăрăт стур бăласă ракалуі—маленькій топоръ сваливаетъ большое дерево.

38. Андагон мистă хăдарон мисті расурдта—чужая мышь домашнюю мышь выгнала.

39. Хурзăн бун ма сканă, лăгузăн ба бун ма нїуада—хорошему (сыну) состояніе не составляй, плохому же не оставляй (въ наследство).

40. Уалдай бѣраġан дър нă тајуі—излишекъ даже волку нейдетъ въ прокъ.

41. Фăстагї хаї хăлаїфаг—часть отставшаго расхватываютъ (другіе при дѣлежѣ).

42. Јеу лăг судай мардай иннă ба ин а роні кăрдінтă агурдта—одинъ человекъ съ голоду умиралъ, а другой у него за пазухой чуреки искалъ.

43. Арсі хăтдă кăрдту ма цăġдă—съ медвѣдемъ вмѣстѣ не отрясай грушъ.

44. Тохăг галан а сїуă сăдтуі—у драчливаго быка рогъ ломается.

45. Зăронд гал ауăдї цăуаг ай—старый быкъ умѣлый ходокъ по бороздѣ.

46. Дăġăл бадтай дăġăл куст хуăздър ай—лучше напрасно работать, чѣмъ праздно сидѣть.

47. Дууă хонхї нă сăмбăлдăнăнцă, андара дууă лăгї ба кăдтарідтар сăмбăлдăнăнцă—двѣ горы не встрѣтятся, а два человека когда нибудь да встрѣтятся.

48. Ләгузән цәрун әнцон әи—дурню легко жить.
49. Адәм кә ӯарзонцә, оі Хуцау дәр баӯарздәнәи—кого люди любятъ, того и Богъ полюбитъ.
50. Хӯарзән іронхәнун нә јес—добраго не забываютъ.
51. Тағд дон сабур доні нәјафуі—быстрыя рѣка тихой рѣки не догонитъ.
52. Әхәӯон ка нә ӯарза, је јескәӯоні дәр нә баӯарздәнәи—кто своихъ не любитъ, тотъ и чужихъ не будетъ любить.
53. Дуӯемә ка бағава, је јеунәг бәл дәр нә фәххӯаст одә-нәи—кто мѣтитъ на двухъ, тотъ и одного не поймаетъ (схватитъ).
54. Дәндагкәнән хӯәрун амонун нә іәуі—зубастаго нечего учить вѣсть.
55. Куі ә хуссән ку ӯада, ӯад әи бәрәғ хәссуі—когда собака оставляетъ свою постель, то волкъ ее уноситъ.
56. Містә әхәцән тікіс ракахуі—мышь сама себѣ кошку отрываетъ.
57. Ләг цал әвзагі зона, ӯал ләгіј—сколько человѣкъ языковъ знаетъ, столькимъ же людямъ онъ равенъ.
58. Јеу әхәцән цәстә әнгәл н'адтаі әма *әрфуи*, *әрфуи* кодта—одинъ не надѣялся получить глазъ и просилъ: *брови, брови!* (говорится о бесполезной просьбѣ).
59. Куігор куі әи, ка н'әи радта, је ба дуӯә кујі—кто проситъ собаку, тотъ—песъ, а кто не далъ пса, тотъ вдвойнѣ песъ.
60. Мәгурән әнгонбоні ә қәстә срәсуі—у бѣдняка въ праздникъ животъ болитъ т. е. судьба его преслѣдуетъ: когда ему можно было бы даромъ наѣсться, у него какъ нарочно болитъ животъ.
61. Әнкәттәи іуазәг хормә баізадәи—всеобщій гость остался на солнцѣ (т. е. безъ пріюта).
62. Тағд дон Тәркі нәјафуі—быстрая рѣка Терекъ не достигаетъ.
63. Дон кә фәлласуі, је сінді катар бәл дәр фәххӯәцуі—кто тонетъ (собств. кого вода несетъ), тотъ хватается и за колючій кустъ.
64. Донласт хулујәи нә бал тәрсуі—кто тонетъ (соб. несомый водою) болѣе не боится мокроты.
65. Хәрәг, м'әрзәлә, кәрдәг әрцәуі—не скатись, осель, трава всходитъ т. е. признакомъ появленія на горахъ травы служить то, что осель, на поискахъ за нею, скатывается съ горы.

66. Јеумä дїккаäј хѣцән сѣрä хўäздäр äі—лучше ѣсть особнякомъ *серу* (кушанье изъ пшеничной муки и воды), чѣмъ вмѣстѣ (съ другими) дзикку (кушанье изъ варенаго сыра).

67. Ёäдä талаäі тасуі—дерево гнется пока молодо (соб. *побѣломъ* (талаäі) т. е. пока оно *тала*).

68. Цäстä äі хурфi айдäнä—глазъ есть зеркало души.

69. Сäгi мёq бѣрäгäн ходун äі—жалобный крикъ козы волку смѣхъ.

70. Зонгä нѣзäі мälät нä јес—отъ извѣстной болѣзни смерть не бываетъ.

71. Дä ўат куд ўа, дä кäхтä ўотä радарг кäнä—какова твоя постель, такъ и протягивай ноги.

72. Фäлмäн ёäдi калм бахўардта—мягкое дерево червь источилъ.

73. Агiрiд нѣцäмäі кiзгä хўäздäр äі—дочь лучше чѣмъ все ничего.

74. Донäн ä дуўä фарсi дäхё ку нä хонаi, ўäд дä јеу дäр нä фäуўодäнäі—если не будешь называть своими оба берега рѣки, то твоимъ и одинъ (берегъ) не станетъ (т. е. желая малаго, проси бóльшаго).

75. Цäўäинон цi адагä нä басгара ўoi фiдäйдаг äнгäлуі—какой оврагъ охотникъ не изслѣдовалъ, тотъ считаетъ онъ полнымъ добычи (соб. мяса).

76. Хестäрäн ä фiнд нiссäрфä, уäдтаi зундбäl бафäрсä—ухаживай за старшимъ (собств. старшему носъ утирай), а потомъ у него уму поучись (соб. спрашивай его по части ума).

77. Седäрхäссäг—тогдух, қiбiлхäссäг—сондух—у воспитывающаго сироту—кровь во рту, у воспитывающаго поросятъ—ротъ въ маслѣ, т. е. выгодноѣ воспитывать поросятъ, чѣмъ сиротъ.

78. Ёäухўар бѣрäгäі ёäўi фарнä хўäздäр—(тухгiндäр) äі—счастье аула лучше (сильнѣе), чѣмъ поѣдающаго аулъ волка т. е. не держи сторону мiроѣда, а сторону аула, такъ какъ лучше счастье (благо) аула, чѣмъ благо мiроѣда.

79. Äнахур äвдёўäі ахур äвдёу хўäздäр äі—лучше ученая колдунья, чѣмъ неученая.

80. Тогкiнäі тогагорäі iгаугi дäр нä је сäмбälгäі—при встрѣчѣ (собств. встрѣтятся) нѣтъ разницы (въ правѣ) между должникомъ за кровь и кровомстителемъ.

81. Ўазăгăрцăун ахцăўап кăмăн ўа, ўоі мадă ма фідă куі бахўăрăнтă, арцăугăі ба аі хўарз ка нă фăўіна, ўоі мадă ма фідă ба дуўă куі бахўăрăнтă—кому пріятно прибытіе гостя, того мать и отецъ пусть пса съѣдятъ, кто же при приходѣ (гостя) хорошо не встрѣтитъ, того мать и отецъ пусть двухъ псовъ съѣдятъ.

82. Іўазăг куд цăдтăі, фусун ўотă цăдтă нăі—какъ гость готовъ, такъ не всегда готовъ хозяинъ.

83. Хуі сăр фінгăмă хастăі ама тăбăгмă зілдăі — свиную голову къ столу несли (собств. несъ), а она въ тарелку ска- тилась (говорится о нахалахъ).

84. Гал дон раніўазуі, ўăсс ба јех растăруі — быкъ воды выпьетъ, а теленокъ и ледъ оближетъ.

85. Јескѣ кăлісăрі зѣлуі бăсті дăхѣ фăсдуўартă разѣлă — вмѣсто того, чтобъ вертѣться у чужаго очага, кружись у себя за дверью.

86. Јескѣ кăхăі сіндă ма тонă — чужой рукой колючекъ не рви.

87. Ă бăхăн а бон кăмăн нă цудăі, јејă а саргі кăх надта — кто не могъ справиться съ своимъ конемъ, колотилъ переднюю луку сѣдла.

88. Нѣз дă ку фăндăўа, ўăд дă сіді кўăцăл фăццăвă—если тебѣ нравится болѣзнь, такъ воткни себѣ палочку въ задъ.

89. Хăрăг гудѣліаі тарстăі ма а білăбăл арзадăі — боялся осель нарыва, а онъ у него на губѣ выросъ.

90. Карк дон ку раніўаза, ўăдтăр ма Хуцаумă скăсуі — курица когда пьетъ воду и та смотритъ къ Богу (говорится про неблагодарныхъ и неблагочестивыхъ).

91. Мард дан тірд нă кăнуі? — будто покойникъ не б...тъ? (говорится про людей ничтожныхъ, но старающихся нанести вредъ).

92. Тог тогăі нѣхснадăўі — кровь кровью не смывается (противъ кровомщенія).

93. Сау халон ўăрдцă нă ахăссуі — черный воронъ перепела не поймаетъ.

94. Бонă сăдă дурді ка скăна јејă мăлгă кăнуі — кто въ день (днемъ) сто словъ скажетъ (соб. сдѣлаетъ), тотъ помретъ.

95. Бонă нăўăг дурд ку нă фѣгоса, ўăд лăг кăру кăнуі—если не услышитъ человѣкъ новаго слова въ день, то оглохнетъ.

96. Гал хўасәі ку рамәлідә! — пусть быкъ отъ сѣна умретъ! (говорится въ шутку, когда настойчиво приглашаютъ пить).

97. Куі накә нә кәнуйі цаләммә дон ә сіді бацәўа — собака не поплыветъ, пока вода ей въ задъ не войдетъ.

98. Сабур ўәсс дуўә маді бададта — тихій теленокъ двухъ матокъ сосалъ.

Иронскія пословицы (1).

1. Зонд-фәндаг амондхәссаг—путь разума (есть) носитель счастья.

2. Әррај' ја фәндагкаг раздәр ахорді—у глупаго его дорожный запасъ раньше съѣденъ.

3. Гаілаг роодаі барәгдәр — хорошій быкъ и теленкомъ замѣтенъ.

4. Сүндү бүнәі сүндү цәу — изъ подъ колючки колючка растетъ.

5. Әхсәв сүндү рүхсмә ма фәццү, донү қәрмә фәццү—ночью на свѣтъ колючекъ не иди, а на шумъ воды ступай (2).

6. Сәдті Бәдтііл худті, Бәдті та Сәдтііл худті—Садти смѣлся надъ Бадти, Бадти же надъ Садти (3).

7. Дә фос цас, дә скәттә ўас — сколько у тебя скота, столько и закутовъ.

8. Ысән ја зондаі ја дүккутә даргдәр үстү — у женщины волоса длиннѣе ея ума (4).

9. Фүд бон әмә фүд ләг бірә нә хәссүңц — дурной день и дурной человекъ долго не протянуть.

10. Фүд бон — дабүрцің, хүрбон — багәввад — ненастный день—онъ обуть, солнечный день—онъ босой (5).

11. Сау ләг кәрдүн ку бахәра, ўад сқал вәјјі — неблаго-родный, когда поѣсть хлѣба, дѣлается гордъ.

12. Хәрәгән цәх нә фідәўу, сауләгән хәтүн нә фідәўу — ослу не прилично ѣсть соль, а неблагогородному (саулагу) странствовать (т. е. проводить время праздно, разѣзжая по гостямъ).

13. Әвзәр ја ўдән тәрсү—плохой человекъ за душу (жизнь) свою боится.

14. Мäгурv зäрдä фvнтäи қал—сердце бѣдняка сновидѣнь-
ямъ радуется (6).

15. Äвзär куд jä дўармä хäцäг — плохой песъ у своей
двери кусается.

16. Донv äртахäи сvндäгкäи дўр хунк кәнv—отъ капель воды
понемногу въ камнѣ дыра пробивается.

17. Дä сvнтäг цас, ўас дä кäхтä адарг кән—какова твоя
постель, на столько и протягивай ноги.

18. Ўсv баист—ўдv аист—отнятие жены—отнятие жизни (7).

19. Хитäг хäтäг цäл арv, äгär хäтäг цäф арv—рѣдко разъ-
ѣзжающій находитъ угощеніе, слишкомъ (часто) разъѣзжаю-
щій (по гостямъ) находитъ удары.

20. Ју лäг, зäгv, арс фäдтä äмä „арс, арс!“ кодта; иннä
та, зäгv, арс фäдтä äмä фäд агурдта—одинъ человекъ, гово-
рятъ, видѣлъ медвѣдя и кричалъ: „медвѣдь, медвѣдь!“ Дру-
гой же, говорятъ, увидѣлъ медвѣдя и искалъ его слѣдъ.

21. Јўән, зäгv, jä цäстv кала удi, иннämән та äрдū, äмä
äрдū кämән удi, yи, зäгv, иннämән афтä, зäгv: „yи дä цäстv
цv y?“ У одного, говорятъ, въ глазу сучекъ былъ, а у дру-
гого волосъ, и тотъ, у кого сучекъ былъ, говоритъ такъ
другому: „что это такое у тебя въ глазу?“

22. Кäи ўäрдонv бадаи, yи зарäг кән—на чьей арбѣ сидишь,
того пѣсню пой.

23. Курiс, зäгv, сvгдi jä бäдтән та iл худтi, стäи звяг ку
бахäдцäи, зäгv, бäдтәнмä, ўäд бäдтән скудта — снопь, гово-
рятъ, горѣлъ, а его повязка надъ нимъ смѣялась, потомъ
когда огонь приблизился, говорятъ, къ повязкѣ, тогда она
заплакала.

24. Фvдvбон бäхмä ма бабäл, цäстv бон та чvндv ма
баўарз—въ несчастный день не позарись на (чужого) коня,
а въ день пляски не увлекись невѣстой (8).

Примѣчанія.

1. Эти пословицы доставлены мнѣ осетиномъ студентомъ
Алмахситомъ Кануковымъ.

2. Сvндv рўхс—костеръ изъ колючки. Ночью свѣтъ обман-
чивъ, такъ что имъ нельзя руководиться.

3. Говорится про плохого человека смѣющагося надъ не-
достатками другого. Садти и Бадти равно плохи.

4. Вариантъ этой пословицы: *ūsān jā zond cūbūr ū, jā dūekū ta darġ*—у женщины умъ коротокъ, а коса длинна.

5. Въ ненастный, дождливый день осетины ходятъ босикомъ, чтобъ сберечь обувь, поэтому эта пословица примѣняется къ людямъ неряшливымъ, не поступающимъ по людски.

6. Т. е. бѣднякъ услаждается только во снѣ.

7. Т. е. за похищеніемъ жены слѣдуетъ обязательно кровная месть со стороны мужа, кончающаяся чьей нибудь смертью.

8. Пословица имѣетъ тотъ смыслъ, что въ несчастный день, когда угрожаетъ личная опасность, не слѣдуетъ увлекаться похищеніемъ чужой лошади, а позаботиться о собственной безопасности; такъ же не слѣдуетъ выбирать себѣ невѣсту на пляскѣ, не узнавъ дѣвушки покороче, такъ какъ можно легко ошибиться.

Въспитаніе външнее, въ которомъ участвуютъ родители, воспитатели, общество, государство, и т. д., составляетъ воспитаніе външнее. Външнее воспитаніе, въ свою очередь, подразделяется на воспитаніе външнее, которое относится къ обществу, и воспитаніе външнее, которое относится къ государству.

Външнее воспитаніе, въ свою очередь, подразделяется на воспитаніе външнее, которое относится къ обществу, и воспитаніе външнее, которое относится къ государству.

Външнее воспитаніе, въ свою очередь, подразделяется на воспитаніе външнее, которое относится къ обществу, и воспитаніе външнее, которое относится къ государству.

Външнее воспитаніе, въ свою очередь, подразделяется на воспитаніе външнее, которое относится къ обществу, и воспитаніе външнее, которое относится къ государству.

Външнее воспитаніе, въ свою очередь, подразделяется на воспитаніе външнее, которое относится къ обществу, и воспитаніе външнее, которое относится къ государству.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ.

Абазги III 43, 44, 56—58, 68, 70, 110.	Аланда III 115.
Абазукъ III 25—27.	Аланетія III 115.
Абешура III 29.	Аланскія врата III 33, 42, (см. Даріальскія врата).
Абхазія III 19, 31, 34, 35, 45.	Аланы III 15, 25, 26, 28, 29, 33, 39—65, 75—77, 95, 102—116.
Абхазцы III 46, 58, 92, 110.	Аларды I 12, 103 II 250, 51, 53, 275, 276, 281.
Абхазовъ, генераль I 143, II 252.	Албанія III 47, 93, 108.
Абисаль I 140.	Албанцы III 104, 109, (см. Агваны).
Авсати I 139, 143, 144, II 244, 245.	Александръ Македонскій III 19, 32, 48.
Агаѳирсы III 52, 128, 130.	Алыпъ (конь) I 154, 155.
Агваны III 104, 109, 110—112.	Альда, Альди I 140, 159, III 34, 41.
Агунда I 147.	Альпъ-Арсланъ III 34.
Адайхохъ (гора) III, 5.	Амазонки III 87—93, 111, 132.
Адербейджанъ III 37, 48, 53, 101.	Амзаспъ III 28.
Азна I 71, 73, 127.	Амміанъ Марцеллинъ III 42, 43, 50—53, 59, 86.
Азнинское поле I 71.	Аминонъ II 246, 247.
Азонъ III 24.	Амиранъ I 8, 11, 59, 61, 63, 65, 67, 69, 71, 145, 146.
Азоркъ III 25, 26.	Амистолъ (мѣсяць) II 263.
Айтековы, князья III 114.	Анаклея (городъ) III 114.
Алагаевы I 39, 41, 47, 161.	Анахарсисъ скиѳъ III 124 и слѣд,
Алагирцы I 138, 139, 160, II 30, III 6, 108.	
Алагиръ (селеніе) I 11, (ущелье) I 138, 276.	
Алазоны III 118.	

- Анбалъ ясинъ III 68.
 Андрей св. апостолъ III 25.
 Андрей Боголюбскій кн. III 68.
 Аниголъ I 97.
 Апислія (область) III 56.
 Арабы III 33, 45, 56, 59.
 Арагва р. III 5, 30.
 Ардава гор. III 76, 96.
 Ардозъ (область) III 104, и слѣд.
 109.
 Ардонъ (селеніе) II 254, (рѣка) II
 30, 276, III 6, 78, 108.
 Арзимаѣха I 115.
 Аріанта (скиѣъ) III 123.
 Аріапейѣа (скиѣъ) III 125, 131.
 Аркызовъ зубъ I 39, 122.
 Армазель III, 25, 26.
 Армна р. III 104, 105, 107, 108.
 Арменія III 25—28, 34, 42, 48,
 51, 53, 93, 136.
 Армяне III 16, 20, 22, 27—29.
 Армянская хроника III 16, 25, 29,
 33.
 Арпоксайсъ (скиѣъ) III 126.
 Арріанъ III 110.
 Арташесъ III 25—27, 91, 106, 107.
 Арташиръ III 28.
 Арчилъ III 33.
 Асана с. Урызмѣга I 73.
 Аси I 162, III 7, 11.
 Асинта (мѣстн.) II 284.
 Аспарухъ III 103.
 Асфагуръ III 28, 29.
 Асъ III 38, 41, 77, 106.
 Асыныкъ с. Цалика I 139.
 Атаевы II 262.
 Атажукины III 10.
 Афридунъ III 19, 23, 24.
 Афсадагъ (великанъ) I 93.
 Афсамбитъ (великанъ) I 93.
 Афсизъ (мѣстн.) I 153, 154.
 Ахемениды III 72, 129.
 Ахматъ (гора) I 95.
 Ахсактемуръ II 300.
 Асау (ауль) II 243.
 Ахснартаккаевы I 65, 73, 75, 77.
 Ашкерги III 9.
 Аштигоръ III 104, 106, 109,
 112.
 Аштотуръ III 8.
 Аш-Эліа III 8.
 Багратиды III 34, 35.
 Багратъ (III) III 34, (IV) III 34.
 Бадила I 140, 159.
 Бадиляты I 118, 140, 159.
 Бадри I 16, 17, 59, 63, 65, 145.
 Базукъ III 25—27.
 Байсогуровы I 140.
 Баксанъ р. III 7, 59, 106, 113,
 (ущелье) III 9.
 Балинъ (городъ) III 67.
 Балкарское ущелье III 8.
 Балкарцы I 162, III 6, 7, 10, 97,
 104.
 Балсагово колесо I 25, 120.
 Барастыръ II 245, 275, III 170—
 174.
 Барбаро Іосафатъ III 41, 77.
 Бартамъ III 29.
 Бата I 139, 144.
 Батбай III 103.
 Батразъ I 6, 8, 9, 10, 14 и слѣд.
 18, 22, 25, 27, 29, 45, 148,
 150, II 248.
 Бедзенегъ I 10, 27—29.
 Бедіасъ (мѣстн.) III 114, 115.
 Безанъ I 11, 79.
 Бездежъ (городъ) III 70.
 Беппитѣ I 144.

- Берке-ханъ III 77.
Бесланъ (ауль) I 12.
Бештау (гора) I 9.
Бибертъ I 143.
Бибарсъ III 77.
Бибила I 11.
Бядзга I 140.
Бизеги III 7, 10.
Билатъ (мѣстн.) II 284.
Біаслановы I 101, 143, 160.
Бозировъ Бимболатъ I 12.
Болгарія Великая III 60, 61, 103.
Черная III 63—65.
Болгары III 60—65, 97, 102—112.
Большая медвѣдица II 300.
Бораевы I 17, 27, 39, 47, 49, 53, 73, 75, 79.
Борена III 34.
Борисѣенъ р. III 85, 93, 126, 128, см. Днѣпръ.
Боръ-хуаръ-али I 149.
Боспоръ III 25, 42, 51, 53, 60—65, 94, 102.
Броссѣ III 18 и слѣд. 25—29, 41—43, 69 и слѣд.
Буга III 33.
Бугъ р. III 82, 123.
Будины III 52, 130.
Бурдухана III 35.
Бурку II 269, 270.
Бурѣфэрныгъ I 10, 31, 121.
Вандалы III 47, 48.
Варданъ р. III 78, 102.
Васильевъ мѣсяць II 263, 268.
Вахтангъ Гургасланъ III 17, 29, 30—33, 43, 45; историкъ III 16—20, 25, 31, 32.
Вахушта царев. III 18, 28, 34, 35, 98, 115.
Великаны I 61, 93, 121, 125, 137, 145.
Византія III 46—58, 60.
Виршель III 37.
Владикавказская равнина III 5, 107.
Владикавказъ III 69, 70.
Водяные I 73, 127, II 249, 300.
Волга III 61, 87, 101, 103, 107, 122.
Волкъ I 83, 85, 87, 91.
Времена года I 129.
Вриксава III 78.
Гадзутѣ I 144.
Газарія III 77.
Газѣндонѣ (мѣстн.) II 283—285.
Галинъ (городъ) III 67.
Галиата (селенье) I 128, 140, 141, II 23, 31, 43, 251, 259, 262.
Гандза (городъ) III 35.
Ганъ К. III 43, 89.
Гатіевъ I 12, II 238, 241, 245, 248, 266, 269, 273—278, 280—82, 293.
Гатѣевъ II 238, 242, 251, 259, 261, 275, 282, 283.
Гаціевы II 289.
Гелоны III 52, 128, 130.
Георгій св. I 156, II 238, 242—43, 255—56, 263, 282, III 8.
Геракль III 123, 127, 128, 129.
Геродотъ III 11, 52, 84—96, 101, 117—125, 130—135.
Герросъ III 122, 123.
Геты III 85.
Гизель-донъ II 30, III 6, 78.
Гилея (мѣстн.) III 125, 128.
Гими II 283, 284.
Гиппократъ III 52, 88, 119—121.
Гіорги (III) III 34, 35, (V) 37, 38.

- Гобедза I 144.
Гобеевъ Бади I 12, 159.
Гогичевъ III 178.
Гогъ I 139.
Гори (городъ) I 8, 115, 147, 161, II 31, III 37, 38.
Готы III 48, 51, 60, 77.
Греки III 17, 25, 27, 28, 85.
Грузины III 18, 22—32 и слѣд.
Грузія I 141, 143, 144, III 26—38 и слѣд.
Гумиры (великаны) I 125, 145, 146.
Гунны III 20, 21, 42, 50, 51, 59, 60, 74, 97.
Гюбшманнъ III 137, 139, 142, 144, 146, 149—153, 161, 167—169.
Давидъ (III) груз. царь III 34, Давидъ-Сосланъ III 35.
Дагестанъ III 20, 45, 46, 53, 69, 109.
Дадіанъ III 91.
Даки III 48.
Далагкау (ауль) III 36, 69.
Дарезаны I 11, 61, 65, 67, 69, 145, 161.
Даріаланъ III 27.
Даріальскія врата III 70, 108, (ущелье) III 2, 20, 30—33, 36—38, 46, 55.
Дауэги (духи) I 109, 133, 149, II 240.
Двалетія III 6, 29, 38, 108.
Деяковъ (Тетяковъ) гор. III 69, 70.
Деметрѣ III 34, 35, 41.
Дербендъ гор. III 2, 18, 20, 30, 33, 36, 38, 70.
Дербендъ-Намѣ III 42, 56.
Джавъ (ауль) III 178.
Джелаль-эддинъ III 37.
Джики (зихи) III 31, 44, 45.
Джимара-хохъ (гора) III 5.
Дзавагикау III 69.
Дзендзетъ I 109.
Дзеранзетъ I 109.
Дзивгисъ (ауль) I 160, III 36.
Дзилиховы (База) I 160, (Григорій) I 159, (Иналуко) I 161.
Дзуары II 237, 240, 255.
Дзынга I 138, 140.
Дивенъ (Дедухъ) гор. III 69.
Дигоръ-кабанъ I 152—154.
Дигорія I 4, 8, 95, 130, 138, 140—142. III, 6, 7, 34, 43.
Дигорцы I 87, 138, 143, II 243, 269, 270, III 6, 10, 55, 73, 91, 98, 104—109; дигорское нарѣчіе II 30, 31 и слѣд.
Димитрій II-й. груз. III 69.
Діалекты осетинскіе II 30—45.
Діодоръ Сицилійскій III 84—86, 93, 119, 128.
Діонисій географъ III 48.
Діонъ Кассій III 49, 86.
Дманисъ III 33.
Днѣпръ III 44, 45, 63, 82, 123, 125, 127.
Домовой II 253, 269, 290.
Донбыттырь II 249.
Донифарсъ (ауль) I 119.
Донъ III 62, 63, 66—68, 71, 74, 75, 82, 87, 88, 94, 97, 101, 117, 122, см. Танаисъ.
Драконъ рѣка III 110, 111, 115.
Доргулель III 34, 35.
Думты (ауль) II 259—261.
Дунай III 85, 87, 101, 103, 135.
Дурдура (конь) I 41, 49.
Дурдзуки III 18, 19, 98, 109.
Душетъ (городъ) III 5.

- Едзіевы II 259.
 Евдоксъ III 84.
 Еksamпай III 123.
 Елтаганъ I 10, 31, 33, 35.
 Ессеневъ Гаги I 11.
- Заговѣнье II 263.
 Задалескъ (Заделискъ) аулъ I 103, II 243.
 Заки III 34.
 Залеманъ II 163—165, 172, 200, III 137, 135, 147, 162, 164—166.
 Залійскій (зарійскій) змѣй I 63, 126, 138.
 Заренъ III 27.
 Затменія луны II 299.
 Звѣзда полярная II 300, утренняя III 175.
 Згитъ (ауль) II 275.
 Змѣи I 99, 128.
 Зонара III 41.
 Зуаятэ I 140.
 Зэды I 109, 120.
- Иданѣирсъ III 124, 132, 134.
 Идыль (Эдиль, Атль) I 9, III 104, 107, см. Волга.
 Иловайскій Д. И. III 61, 63, 64.
 Илья св. I 120, II 296, III 8, 9.
 Имена аланскія III 96; варварскія въ понтійскихъ греческихъ надписяхъ III 79—82; сарматскія III 86.
 Имеретины III 6.
 Имеретія I 152, III 19.
 Ингуши III 5—7.
 Иранцы III 71 и слѣд.
 Ироны I 143, II 30, 44, 45, 269, III 73.
- Исседоны III 11.
 Итазь III 57, 96.
 Ична II 266.
- Іа I 144.
 Іаредъ III 19, 24.
 Іеліа II 241, 253, 296. III 8.
 Іелусанедская рѣка I 43, 123.
 Іима III 127.
 Іоаннъ св. I 120, II 285.
 Іорданъ III 47, 60.
- Кабарда I 160, 162, II 238, 258, III 6, 30, 32, 35, 90, 91, 98, 115.
 Кабардинцы I 143, 160, III 6, 10, 58, 66, 98, 99.
 Кавцій III 29.
 Казбекъ III 5.
 Каллипиды III 118.
 Камунта (ауль) I 4, 138, 159, 162, II 23, 31, 43, 250.
 Камынонъ Насръ I 138.
 Кани (ауль) II 253, 259.
 Кантемуrowы I 138, 141, 142.
 Канцысаръ хуандонъ I 75, 77.
 Кануковъ Алмахситъ III 190.
 Кануковъ Иналъ I 13.
 Карабахъ III 30, 34.
 Карагасъ (мѣстн.) I 93, 130.
 Карачаевцы III 10, 59, 91, 97, 111, 113.
 Каритинъ (гора) I 138.
 Картыль I 138.
 Карча III 113.
 Касарское ущелье III 36.
 Касоги III 45, 46, 65—68, 97.
 Каспій III 12, 93, 101, 107, 112, 123.
 Каспійскія врата III 44, 45, 54.

- Кашакъ III 45, 46.
 Кедринъ III 41.
 Кезо I 144.
 Керчь III 52.
 Кесаевъ Мурзабегъ III 182.
 Килахсарттонъ I 8.
 Киммерійцы III 134.
 Кипчаки III 21, 31, 36.
 Киркеръ (область) III 77.
 Кисты (народъ) III 6.
 Клавдіанъ III 94.
 Клапротъ III 39, 69, 70, 114.
 Кобизовы II 260.
 Ковалевскій М. М. III 98—100, 104.
 Когалукты (мѣстн.) I 93, 130.
 Бодоръ (рѣка) III 110, 115, 116.
 Кокіевъ С. В. I 4, 5, 12, II 13, 21, 238.
 Колаксай скиѣ III 124, 126, 127.
 Колхида III 54, 111.
 Колыбель, привязываніе къ ней II 290, 291.
 Константинъ Багрянородный III 44, 45, 62, 64.
 Конъ (посвященіе его) I 109 и слѣд. 132—134.
 Коршъ Ѳ. Е. III 137, 139, 140—142, 145, 146, 153, 161, 162, 164, 166.
 Крещенье II 269.
 Крымъ III 46, 62, 77, 113, 122.
 Кубанская область III 23, 97, 111.
 Кубань (рѣка) I 8 III 9, 10, 44, 45, 58—60, 63, 66, 97, 102, 103, 109—116.
 Кубати I 140, 160.
 Куговы I 140, 160.
 Кубратъ III 102, 103.
 Кудаберды I 153, 154.
 Кудзоевы II 260.
 Кумыцкое поле I 93.
 Кундуховъ Муса I 13.
 Кура р. III 25—27, 30, 93, 106.
 Курдалагонъ I 18, 19, 25, 27, 29, 73, 118, 147 II 247, 248.
 Куртатинцы I 160 II 30 III 6, 34, 35.
 Куругасовъ Байтемирко II 284.
 Курысь II 269, 271, 272.
 Кусу (ауль) I 142.
 Бутаисъ III 35.
 Бутургуры III 60.
 Лаба большая (рѣка) III 9, 10.
 Лавровъ III 4, 39.
 Ладзь (ауль) III 36.
 Лазія (область) III 53, 54, 56, 58.
 Ламберти III 90, 91, 114.
 Ламбинъ III 64.
 Латышевъ В. В. III 79, 122, 133.
 Левъ спаварій III 56—58.
 Лезгины III 33 см. Лэки.
 Лерхъ П. И. II 124, 125, 129, 133, III 163.
 Лечхумъ (область) III 115.
 Липоксайсъ скиѣ III 126.
 Лиса I 83, 85, 87. III 176.
 Ліахва рѣка III 5, 29, 30.
 Лукіанъ III 95, 96.
 Лэки III 18, 19, 25, 26, 28, 29, 98 см. также Лезгины.
 Маджаръ (Мадзаръ) I 140, 159 III 104.
 Майрамъ II 238, 252, 280, 281, 289, 290, 293.
 Мамисонское ущелье III 2, 36.
 Марино Санудо III 77.
 Марухъ III 55.

- Масамать I 109.
Массагеты III 11, 21, 71, 101, 130.
Масуди III 42, 46, 108.
Махамать I 109 II 238.
Махческъ (ауль) I 140 II 31.
Мацути (мѣстн.) II 261.
Мачабеловы князья III 100.
Меланхлены III 52, 79.
Менандръ III 54—56, 61.
Меотійское озеро (Азовское море) III 40, 42, 48, 51, 53, 60 65, 71, 74, 75, 84—87, 89, 92, 94, 97, 102, 103, 122.
Мерванъ III 33.
Металлы III 11 и слѣд.
Мидія III 42, 48—53, 72, 85, 86, 92, 100, 136.
Мингрелія III 19, 90, 110, 114.
Миндиміаны (народъ) III 55.
Мирианъ III 29, 43.
Михаиль кн. Тверской III 69, 170.
Михрандухтъ III 17, 30, 31.
Мищенко Ѳ. Г. III 117—121, 135, 136.
Миѳра III 128, 129.
Моздокъ III 5, 6.
Моисей Хоренскій III 16, 25—27, 40, 91, 102—107, 112, 115.
Монкастро III 77.
Мстиславъ III 66.
Муккара I 35, 37.
Мцхетъ III 27, 29.
Мыкалыгабыртэ I 8, 27, 120, 121 II 238, 255, 276.
Мысырби (Мусырби) I 16, 17, 59, 63, 65, 67, 69.
Мюлленгофъ III 76, 86, 117, 130.
Мюллеръ Фридрихъ II 124, 129, 131—134, 161, 190, 199, 200.
Нари (ауль) II 261.
Наръ (ауль) I 8.
Нарты I 6, 23, 27, 31, 41, 43, 45, 47, 49, 53, 71, 73, 77, 137, 148, 149, 161 II 247, 248.
Насиръ-Меликъ султанъ III 69.
Нейманъ III 118, 120, 136.
Никифоръ III 63.
Николай св. I 119, 120, 121, II 255, 256, 263, 276, III 9.
Никопсія (городъ) III 38, 102.
Новый годъ II 266 и слѣд.
Ногъ I 139.
Ногайцы I 141 III 7.
Новоосетинская станица II 22 III 6
Ново-христіанское селенье III 182, 183.
Ногмовъ I 7, 10, III, 10.
Нузалъ (ауль) I 160.
Овидій III 94, 95.
Одиши (область) III 19, 114, 115.
Октамасада скиѳъ III 125, 131.
Ольвія III 75, 79, 82, 88, 124, 133—135.
Оси-бакатаръ III 30, 37, 38.
Оссы III 15, 19, 22—49 и слѣд.
Осъ I 138.
Пакондзи (птица) I 65, 67, 126.
Пантикапея III 75, 82.
Паралаты III 126, 127.
Парѳяне III 49, 93.
Пасконди (птица) I 146.
Паткановъ К. П. III 15, 16, 20—24, 56, 102—106, 109.
Пахимерь III 59
Пахомпары I 149, 150.
Персы III 17, 23, 27, 28; 33, 53, 54, 59, 71, 72, 85, 100, 129.
Петра (крѣпость) III 53.

- Печенѣги III 31, 44—46.
 Платокарпини III 41.
 Плеяды II 300, 301.
 Плиний III 48, 78, 93, 94.
 Погребеніе II 294 и слѣд.
 Половцы III 67, 68, 70, 98.
 Поминки III 285—288.
 Помпоній Мела III 93.
 Понтъ III 75—77 см. Черное море.
 Потоцкій графъ III 69, 90, 113.
 Праздники осетинскіе II 262 и слѣд.
 Проконій III 43, 47, 53, 54, 60.
 Псевхросъ рѣка III 102, 103.
 Птоломей III 77, 78, 85, 110, 111.
 Пуховы II 258.
 Пфафъ д-ръ I 6, 7, 10, 159 III 35, 36.
 Пчелы I 95 и слѣд.
 Пшавы (народъ) III 6.
 Ранъ (область) III 30.
 Рейнегтсъ III 89, 114, 115.
 Рекомъ I 8, 27, 120, 121. II 238, 255, 256, 276.
 Ріонъ рѣка III 5, 6, 53, 55, 56.
 Розень II 2, 17, 31, 40, 41, III 146.
 Роксоланы III 42, 48, 85, 86, 95.
 Ростиславъ кн. III 66.
 Ростомъ I 11, 12, 79, 145, III 24.
 Руймонъ II 296.
 Руси I 145.
 Русудана III 37.
 Сабіры III 53.
 Савлій скиѣ III 132, 134.
 Садонъ (ауль) I 161, II 275.
 Садула I 144.
 Сайнагова гора I 145.
 Сайнэгъ-альдаръ I 10.
 Сайтафарнъ III 133.
 Саки III 71, 101.
 Саколь (рѣка) I 27, 35, 121.
 Саламовъ Михайль III 182, 183.
 Самаргановъ I 143.
 Саматканъ I 109.
 Самели II 299.
 Сануасовы I 79.
 Саркелъ III 62, 66, 98.
 Сарматія азіатская III 78, 92, 102, 104, 109, 111, 112.
 Сарматы III 13, 68, 71, 84—88, 92—95, 101.
 Сародій (Сароесъ) III 55, 61.
 Сасана I 47, 49.
 Сасаниды III 24.
 Сатана I, 8, 9, 10, 29, 41, 47, 49, 51, 73, 75, 77, 121.
 Сатиникъ III 26, 27, 91, 106.
 Саудараты III 79.
 Саудонъ р. II 30 III 6.
 Саурмагъ III 19.
 Сафа I 11, 49, 51 II 248, 249, 290, 291, 293.
 Сахъ I 140, 141, 160.
 Сванетія I 138, 159 III 8, 11, 25, 55, 90, 91, 114, 115.
 Светоній III 49.
 Свиньи желѣзнорылыя I 128.
 Свѣтила II 297—301.
 Святославъ кн. III 66, 67, 98.
 Севенць р. III 69, 70.
 Секина I 87, 89, 91.
 Сельджукиды III 34.
 Сериръ (область) III 46.
 Сигинны (народъ) III 85, 135.
 Сидамонъ I 11.
 Сирдонъ (Сырдонъ) I 8, 17, 75, 77, 79, 103, 137, 147, 148.

- Скила скиѡъ III 129, 132.
Скилакъ III 84.
Скиѡы III 13, 52, 85, 87, 88, 93, 101, 117—136.
Скопасиъ скиѡъ III 124.
Смбать III 25—27, 107.
Сонгутъ (ущелье) II 260.
Сосланъ I 8, 9, 71, 75, 77, 115, 137, 147, II 261, 285.
Сосруко (Созрыко) I 7, 8—10, 29—41, 47, 53—59, 161.
Софійскій склепъ I 25, 27, 120.
Спарганейѡа скиѡъ III 131.
Стефанъ Византійскій III 84, 85.
Страбонъ III 85, 93, 94, 119.
Стуръ-Дигоръ (аулъ) I 4, 12, 142—144, 159—161 II 22, 38, 43, 242, 260, 261, 283.
Суанъ I 138.
Сугдея III 77.
Сугровъ (городъ) III 67.
Судакъ (городъ) III 77.
Сунджа р. III 70.
Сурхъ (мѣстн.) I 43, 160, 161, III 8.
Сынты (замокъ) I 8.
Сырху-барзондъ (гора) III 5.
Сыфьттаръ I 53, 124.
Тавры III 48, ихъ языкъ III 76.
Тагаурцы II 30, см. Ироны.
Таксакисъ скиѡъ III 124, 131.
Таманскій полуостровъ III 43, 45, 60, 65.
Тамара царица III 34—36, 46, 174, 175, 176.
Тана (Донъ) I 9, городъ III, 40, 41.
Танаида городъ III 75, 82, 94.
Танаисъ рѣка III 48, 50, 51, 60, 78, 84, 85, 87, 94, 122, 130.
Тараково поле I 59, 125.
Таранджелось I 27, 120.
Таргамось III 18.
Таргитай III 125—127.
Таркское поле I 51.
Тарханъ III 30.
Татары III 36—38, 68, 69, 77; горскіе III 7, 9, 10, 91.
Татаръ-тупъ II 258, 272.
Таусултановы I 101, 161, III 99.
Тацитъ III 78, 93, 95, 119.
Тбауѣацилла I 25.
Тепли-хохъ (гора) III 5.
Терекъ I 33, 143, 161, II 30, 254, III 4, 5, 6, 19, 23, 30, 58, 69, 70, 106, 108.
Тиберда рѣка I 8.
Тиверій Константинъ III 55, 61.
Тимуръ III 38, 70.
Тирасъ городъ III 75, 124, рѣка 123.
Тиссагеты III 122.
Тифлисъ III 30, 33, 34, 36, 37, 38.
Тихо I 144.
Тмутараканское княжество III 46, 64—66.
Тобой I 139.
Тогрульбегъ III 34.
Тотрадъ I 10.
Тотуръ III 8, 9.
Тохтамышъ III 38.
Тріалетъ III 38.
Туальскій говоръ II 22, 24, 30, 31, 40—43 туальцы III 100.
Туганъ I 140.
Туккаевъ С. А. I 4, 5, 11, 120, 129, 131, II 13, 21, 238, 264,

- 269, 270, 281, 282, 284, 295,
297. Туккаевская болѣзнь I 99
и слѣд.
Тульме III 90.
Турки восточные III 55, 56, 61.
Турксантъ III 55, 56, 61, 112.
Тутыръ I 73, 127 II 243, 244,
253, 273, 274, 278.
Тхостовъ II. Г. I 162.
Тцыфгинъ (мѣстн.) I 87, 129.
Тынты I 18, 19, 20—23, 37, 41,
55, 118.
Тыхость (дзуаръ) II 257, 258,
293.
Уаза (гора) I 93, 130.
Уалия I 140.
Уановы I 140.
Уарцалдаръ I 161.
Уастырджи (Уаскерги) I 25, 29,
31, 47, 49, 53—59, 103, 119,
156—158 II 239—243, 253,
256, 281—284.
Уасхо I 119, II 259.
Уацилла I 25, 53, 55, 119, 149,
II 240, 241, 258, 271, 280.
Узи-дзуаръ II 259.
Узы III 62.
Уналъ (ауль) II 257.
Унигуры III 56.
Уобось III 18—23, 75.
Ураль р. III 87, 101, 122.
Уральскій хребетъ III 12.
Урсдонъ (рѣка) I 130, 161.
Урусбіевъ С. II. I 8.
Урусбіевцы III 7, 10, 97, 104.
Урухъ (рѣка) II 285, III 6, 7, 10,
106.
Урызмэгъ I 6, 10, 11, 16, 17,
37, 41, 43, 45, 49, 51—59,
71—79, 115, 121, 161. III
170—174.
Усларъ баронъ III 90.
Утургуры III 60, 61.
Фалвара I 103, 131, II 239—243,
253, 263, 278, 279.
Фанагорія III 60.
Фараскатскій ауль I 91, 153.
Фарасманъ III 49, 50, 54.
Фардыжское поле I 123.
Фарнавазиды III 75.
Фарнавазъ III 19, 24.
Фарсманъ (V) III 33.
Фацбаданъ II 261, 282.
Ферохъ III 29.
Фиадонъ II 30, III 6, 36, 78.
Флавій Юсифъ III 40, 48, 75.
Фортунатовъ Ф. Ѳ. III 137, 139,
140, 141, 145—148, 151—154,
156, 159—161.
Хазары III 18—23, 28—33, 45,
56, 60—66, 97, 111.
Хазмійское поле I 25, 31, 120.
Халатьянцъ Г. А. III 109.
Хаматканъ I 109.
Хамицевы I 143, 144, 161.
Хамиць (Хэмыць) I 8, 9, 14—18,
21, 27, 37—41, 45, 47, 53,
55, 59, 101 и слѣд. 147—149.
Ханазъ (мѣстн.) II 261.
Ханъ (крымскій) I 142, 143.
Харахсей (великанъ) I 93.
Харбанда (ханъ) III 38.
Харуесь (Харіесь) мѣстн. I 103, II
242.
Хевсуры (народъ) III 6.
Херсонъ III 62, 64.

- Хетагуровъ Таймуразъ I, 11, II 31, 40, 266, 272.
Хилакъ (крѣпость) I 160.
Хозское поле I 55.
Хой I 143.
Хоймановы II 283, 284.
Хосровъ III 17, 28.
Хоссаръ (ауль) II 260.
Хуанха III 28.
Худданъ III 35.
Хуламъ (ауль) III 7, 104.
Хумаринское укрѣпленіе I 8.
Хунанъ III 30.
Хутгеръ I 138.
Хутлу-шахъ III 37.
Цанары (народъ) III 108.

Цанкаевы I 148.
Цанхиголь (мѣстн.) I 103, 131.
Царай I 144.
Царгосаты I 118, 144.
Цебельда обл. III 55, 111.
Цей (ауль) I 120 II 255, 256.
Цейдонъ р. II 255, III 78.
Цейссъ III 48, 95, 117.
Цилосанъ I 11, 12.
Цимити (ауль) III 36.
Цоппантн Айдаруко I 161.
Цораевъ I 6, 123 II 13, 31, 42, 246.

Чевшлюевъ (Чешлюевъ) гор. III 67.
Чегемское ущелье III 8.
Чегемцы III 10, 97, 104.
Чегемъ (рѣка) III 7, 59.
Челбагонъ I 138.
Челесханъ I 10, 121.
Черекъ (рѣка) III 7, 8, 59, 104.
Черкесы (адигэ) III 35, 38.

Черное море I 31 III 45, 46, 59, 60, 79, 90, 110, 112 см. Понтъ.
Черноморскія греческія надписи III 75, 79.
Черноярская станица II 22, 38 III 6.
Чеченцы III 7, 108.
Чечня III 45.
Чилахсартонъ I 43, 45.
Чингисъ-ханъ III 36, 37, 98.
Чиристи II 238, 274, 275.
Чонкадзе II 4, 13, 15, 31.
Чортъ I 87, 89, 91, 139.
Чуанъ (замокъ) I 8.

Шамкоръ (область) III 33.
Шанаевъ Гацырь I 6.
Шанаевъ Джантемиръ, I 6, 10, 161, II 248, 249, 252, 258, 271, 272.
Шанаевы II 253, 258.
Шарукашъ (городъ) III 67.
Шахъ I 146.
Шахъ-намэ III 16, 19, 23, 24.
Шёгрень акад. I 4, 13, II 1—25, 30, 31, 38—42.
Шемахъ I 146.
Шерифъ-едъ-динъ III 38, 70.
Шифнеръ акад. I 6, 12, 13, II 12, 15, 23, III 120, 164, 178, 183.
Штакельбергъ баронъ III 145, 167.

Эгрисъ (Эгеръ) область III 19, 110, 111.
Эльбрусъ III 7, 9, 10, 11, 35, 44, 90, 91, 106, 112, 113.
Эльда I 159 см. Альда.
Эрекинъ I 141.
Эристовы князья III 100.

Эрменрихъ III 43.

Эфоръ III 85.

Юстиніанъ III 53, 54, 60.

Юстиніанъ Ринотметъ III 56, 61.

Юстинъ (II) III 54, 55.

Языги (народъ) III 85, 86, 95.

Яксаматы (народъ) III 85.

Ялгузидзе II 1, 2, 31, 40, 41—43.

Ярополкъ Владиміровичъ III 67.

Ясы III 7, 15, 40, 41; 65—71, 98.

Θеодосія III 76.

Θеофанъ III 55, 58, 60, 61, 63.

Θермодонтъ (рѣка) III 88, 89.

УКАЗАТЕЛЬ ОСЕТИНСКИХЪ СЛОВЪ*).

а- II 50.
 абурүн III 155.
 авәрүн II 87.
 авд II 50, 75.
 авд дұар II 259.
 агайн III 146.
 агд III 143.
 ақарүн III 147.
 ад III 167.
 аз д. анз III 143.
 аі II 152.
 аіхузон II 153.
 ајас II 153.
 алг III 142.
 алгау III 161.
 али II 89.
 ам д. амі II 51 III 141.
 амайн II 49.
 анзісәр I 129, II 266.
 аразүн II 82.
 арäq I 123.
 арв II 50.
 арг II 50.
 ард II 50.
 арм II 50.

арс II 50, 82, III 153.
 арт II 49.
 артхурон II 266.
 арүн III 143.
 арфä II 86.
 арц III 142.
 арчї I 126.
 асмä II 49.
 аст II 50, III 153.
 астәрун III 152.
 аўиндүн II 78.
 ахам II 153.
 аходән III 150.
 ахсүн III 142.
 ахұадун III 150.
 ацв II 153.

ä privativ. II 48.
 әвдәу III 157.
 әвдїсүн II 56, III 167.
 әвзаг II 83.
 әвзалв III 154.
 әвзарүн III 154.
 әвзәр II 87, III 168.

*) Въ этотъ указатель вошли только тѣ осетинскія слова, которыя сопровождаются въ текстѣ этимологіями или какими нибудь замѣчаніями.

ävzärүн III 154.

ävzīst III 12.

āgas цū I 129.

ā'залун II 49.

āгзәлун II 49, 59.

ād II 48, 75.

āz II 48, 145.

ājaфун II 49.

āлвасун II 49.

āлвасун II 49.

āлвīсүн III 159.

āлвүнүн III 158.

āl'gä III 143.

āлмәрүн III 159.

āлхāvүн II 60, III 145.

ām- II 75, 214.

āmä III 167.

āmbāхсүн III 155

āmbīin II 85.

āmbīс III 155.

āмбохун III 150.

āмбурд II 53.

āмдūарцīн I 124.

ānāmāt II 105.

āngar II 67.

āngom III 167.

āngулдä II 67.

āngур II 57, 67.

āngурст II 57.

āngūz II 59.

ānqālүн III 168.

āндәр II 48, 78.

āндон III 12.

āндурä II 99.

āнсонун III 81, 153.

āнūсон III 168

āнцад III 167.

āнцä II 75.

āнсувәр II 87.

āппарүн II 96.

āппāt II 158.

ār- II 216.

ārāг фäззäг I 129.

ārвад II 49, III 81, 138.

ārвīгүн II 76.

ārдар III 80.

ārдäг II 77.

ārдүн II 99.

āртä II 60.

ārфун II 58, 86.

ārхū III 12.

āстāмбүн I 125.

āттāmä II 48.

āф- II 218, III 167.

āфсад II 60, III 81.

āфсапä I 131, II 84.

āфсәрм II 50.

āфсä III 138, 141.

āфсән II 86, III 11, 15.

āфсәрүн III 153.

āфсүмәр II 87.

āхсарт III 80, 142, 143.

āхсāv II 73.

āхсäз II 73, III 153.

āхсīн II 73.

āхсīнäг III 153, 168.

āхсүнүн III 143.

āхсүр II 55, 60, III 13.

āхсүрф III 143.

āхсүст II 76.

ба- II 50, 215.

бабүз II 114.

бадүн II 51.

баз II 51, 93, III 141.

базуг II 85.

базүр II 111.

баїдаїн II 49.

бал III 14.

балц I 117.

бар II 49, III 157.
 барәг II 50.
 барүн II 50, III 154.
 барц III 152.
 басілтә II 266, 267.
 басілтү мәі I 129.
 баўәр III 155.
 бәғнәг II 47, 85.
 бәдтүн II 47, 48.
 бәзцін II 47, 82.
 бәл II 89.
 бәлас II 52, III 157.
 бәләг I 129.
 бәлон II 108.
 бәмпәг I 132, II 84.
 бәндән II 108.
 бәрз, д. бәрзә II 85, III 138.
 бәрзонд II 82.
 бәрцә I 131.
 бәстә II 85, III 155.
 бәхбәттән I 125.
 бәхтәрән I 122.
 бійн II 85, III 157.
 бітүна III 14.
 бірә II 56.
 бірәг II 56.
 боға III 13.
 бон II 51.
 бор III 80.
 боцотә II 85.
 бундор II 269, 290.
 бунт, мунт III 155.
 бӯд III 144.
 бӯз III 144.
 бӯлк III 14.
 бӯлкон II 69.
 бӯрәмәлг II 89.
 бӯстә кәнүн III 144.
 бӯл д. білә III 155.
 бүн II 57.

бүнәт II 107.
 бүнәтү хіцау II 253, 270, 293.
 бүнд II 7, 57, 80, III 81.
 гадца II 67, 114.
 гаілаг II 98.
 гал II 51, 67, III 146.
 галіу III 159.
 гәғәт II 107.
 гәдү II 67, III 13, 146.
 гәләу II 113.
 гөўәргоба II 263.
 голлаг II 67, III 146.
 губорә II 240.
 губүнү дўар II 254.
 гуларі габоні дўар II 260.
 гўтон I 128, II 67, III 15.
 гәбәс I 130.
 гәўагкін I, 133.
 қабатәр II 99.
 қадама II 115.
 қаз III 13.
 қазүн III 147.
 қал-кәнүн II 72.
 қарм II 50, 72.
 қаст II 72, 93, III 147.
 қаун д. гаун I 123, II 49.
 қабәр хор III 13.
 қабіс III 147.
 қад II 72.
 қадгом III 146.
 қаз III 147.
 қәздүг III 147.
 қәлқәлаг III 147.
 қәйн II 72.
 қәләс II 53, 72.
 қәр II 72.
 қәрзүн III 146.

qārtɖuŋa II 114, III 13.
qāy III 13, 147.
qāyɿ zād II 253.
qāyɿ II 49.
qīlɿ dūar II 254.
qīc II 56, 72.
qotɿr II 112.
quɖtaŋ III 146.
quɖtaŋ rast I 129.
quzɿɿ III 147.
quɿ II 72.
qur II 54.
qūr II 58, III 13.
qūs II 58.
qur II 72.
qurɿɿ III 147.

давɿ II 50, 51, 87.
дарās III 142.
darŋ II 50, 77.
дaрд III 151.
дарɿ II 50, 77.
даy III 151.
даyāŋ II 261.
даyɿ III 151.
дāɿ II 77.
дālā II 77.
дālīmɿ III 157.
дāɿ II 78, III 165.
дāndaŋ II 47, 78.
дāŋ I 127.
дāŋcā III 139.
дārzāŋ III 151.
дās II 48, 159.
дāsɿ II 47, 77.
дāttɿ II 77.
доінаŋ I 125, II 98.
доіɿ II 115, III 162.
домбаі III 13.
домɿ III 151.

дон II 51.
-дон II 77.
донбɿттɿr I 127.
дудаq III 13.
дуyā II 159.
дūr I 128.
дūrɿ II 77, III 13.
дуіне I 130.
дунгā II 77.
дūar II 49, 77.
дɿ II 78, 147.
дɿккаŋ II 96.
дɿmāŋ II 57.
дɿmɿ II 7, 53.
дɿrɿc II 60.
дɿсон III 168.

дабɿr II 112.
даyма II 79.
дāŋar I 132, III 152.
дānāt II 79.
дāŋ I 79.
дāttā II 79.
-дāф I 126.
діyіт II 79.
дūr II 80, III 152.
дūrɿ II 59, III 145.
дūs II 80, III 152.
дūar II 79.
дɿпп II 79.

цітрі III 14.
з- с- II 217.
зaзантро III 14.
зарɿ III 145.
зād I 120.
зāлдā II 47.
зāmbɿ II 82.
зānāŋ II 82, III 154.

зәнгә II 47, 82, III 138.
зәрватуг III 157.
зәрдә II 77.
-зәрін II 82.
зәронд II 82, III 80.
зәх II 74.
зғәр II 72.
зғүрүн II 59.
здахүн II 49.
здәхүн II 49.
здү III 12.
зіан II 107.
змәлүн II 83, III 154, 168.
змәнтүн III 157.
зоґо II 99, III 146.
зонүн II 51.
зүд-кәнүн III 154.
зүлүн II 82, III 159.
зүмәг I 129, II 54, 82.
зүндон II 83.
зүнон II 83, III 154.

иваз III 144.
ивазун II 49, III 144.
иваін III 144.
ивәзун II 49, III 144.
ігәр II 67, 90, III 160.
ігәрдун III 143.
ігалкәнун III 144.
іґосун III 144.
ідаўәг II 283, 284.
ізајун III 144.
ізәд II 240, III 79.
ізгард кәнүн II 67.
ілән II 272, 273.
інәрун III 144.
інгән II 56.
іннә II 55, 94.
ір II 55.
істун II 81, 179.

ітіндун III 143.
іттәг II 55.
іўазәг III 144.
іўарун III 144.
іхалун II 49, III 143.
іхәлун II 49, III 143.

ів · іф- II 218.
ігар III 13.
ірвәзүн III 154.
іріс-кәнүн II 56, 88.
іфтүндүн II 76.
іх II 74, III 149.

јәу II 47, 90.
јәфс II 47, 90, III 160.
је, јејә II 148.
јемінә II 115, 284.
јеу, ју II 61, 90, 159.
јефтонг III 151.
јонг III 163.
јул II 158.

ка II 154.
кад II 49.
калм II 50, 66.
калүн II 49, III 145.
камарі II 67.
кард II 50, 78.
карз III 145.
карк II 50.
кәд II 105.
кәлгә-ўәлгәі I 133.
кәлмәрзән III 145.
кәлүн II 49.
кәнтә I 133.
кәнүн I 66.
кәр I 130.
кәрдо II 115.
кәрон II 52.

- кәсәңи бәдүр I 8.
 кәстәр II 47.
 кәсүн II 46.
 кәун II 61, III 145.
 кәфти мәйә II 263.
 кәхцгәнән II 291.
 кәдон II 156.
 кәңү II 155.
 кәзбау II 113.
 ком I 131.
 комахсән II 263, 272.
 комүадән II 273.
 комүн II 66.
 ку II 57.
 кувд I 119.
 куд II 57.
 куд II 67.
 куидүн I 129.
 курдиад I 126.
 курм II 66.
 курои II 92.
 күвүн II 59.
 күрүн II 59.
 күсарт I 122.
 күсәг I 118.
 күсүн II 59, III 145.
 • кәбуска II 69.
 кәдтәр II 70.
 кәла III 12, 146.
 кәлаңи II, 69.
 кәмандат II 69.
 кәмтә II 70.
 кәнау II 69.
 кәнәг II 70, III 146.
 кәх II 70, III 146.
 кәбїц I 127.
 кәләт II 69.
 кәләу III 13.
 кәмбөц II 69.
 кәпү II 70.
 кәла I 133.
 кәлдунвәлдағдәи I 133.
 кәрд II 70.
 кәлдүн I 117.
 кәлер II 69.
 кәум I 131.
 кәумүх II 70.
 кәүдїх II 69.
 кәуп II 70.
 кәупрі I 126.
 кәурупа II 69, III 14.
 кәүл I 119.
 кәүлү бадәг үс I 119.
 кәүрї II 69.
 кәүс II 70.
 ласүн II 51.
 лә- II 217.
 ләвар III 156.
 ләгәт II 53, 99.
 ләгсүрд I 150.
 ләгүн I 126.
 ләқуян II 96.
 ләдәрун III 159.
 ләмәг II 99.
 ләппү II, 96.
 ләнк кәнүн II 83.
 лїн II 55.
 лїмән II 87, III 80.
 лїстәг III 158.
 лїдүн II 56.
 лүлә II 115.
 ма II 50.
 мағз II 47 (опечат.) 72, 83, III 141.
 мад, д. мадә II 49, III 138.
 марг II 50.
 марг II 50.
 мәрдтдаг I 123.

мархо II 115.
 марvн II 49.
 матара I 126.
 мах II 49, 145, 146.
 мәi II 87.
 мәләт II 52, III 142.
 мәлдvг II 79.
 мәлvн II 46, 48.
 мәнг III 157.
 мәрдтv бадән II 297.
 мәрзvн II 36, 82.
 мәст II 88.
 мәтvх III 158.
 мәтәл II 77.
 мәцәл II 99.
 мi I, 125.
 мiг II 55, III 138.
 мiдәг II 55.
 мiзvн II 56.
 мiјаг I 125.
 мiх II 56.
 moi II 88.
 мvд II 53.
 мvзд II 55, 83.
 мvккаг II 96.
 наiн II 49.
 наказан II 69.
 налат II 107.
 нарәг III 168.
 нартхор III 13.
 нау II 83.
 наффә II 83.
 нә II 93.
 нәзv II 115.
 нәл II 47, III 158.
 нәмvн II 46, 48, III 155.
 нәүәг III 80.
 нәуәг бон I 129.
 нәхстәр II 47.

нәсi III 14.
 нiз II 56, 83.
 нiцv II 155.
 ном II 51.
 номгiн III 80.
 нудәс, нәудәс II 159.
 нурv III 14.
 нұар III 168.
 нұог дұар II 253, 258, 259.
 нұостә III 168.
 нv- нi- II 55, 217, III 162.
 нvв II 83.
 нvвондаг I 131.
 нvгәнvн II 67.
 нvмаiн II 49.
 нvмәр II 92.
 нvмәд II 106.
 нvр II 58, 83.
 нvсаiнаг I 132.
 нvсан I 108.
 нvх д. нiх II 54, 73.
 падцах II 84.
 паiда II 84.
 пахумпар II 84.
 пец II 78.
 пiл II 84.
 пiлон II 84.
 пiсi II 84.
 праса III 14.
 палет II 84.
 ра- II 50, 87, 216.
 рәвәiнә I 133.
 раг үалдәг I 129.
 рагv дұар II 254.
 рад II 88.
 разәi II 87.
 раiн II 88.

ран II 51.
раст II 49.
рә- II 217.
рәдау II 88.
рәйн II 88.
рәсіін, д. рәсујун III 153.
рәхүс I 127.
рәсүн II 88.
рїхї II 74.
рон II 51.
руімон III 157.
рухән II 263.
рүбас II 59, 85.
рүдүнґ II 79.
рүс II 59.
рүхс II 58, 92.
рүхсаг I 119.
рүг II 67.
рүнү бар дүар II 249, 250.

саґадақ II 116.
саін II 82.
салд II 50.
сантадә II 115.
сапән II 84.
сарґ II 72.
сарүқ II 116.
сау II 49, III 80.
сау барәңі дүар II 254.
сау дүар II 254.
сауләг I 118.
сафүн II 49, 82.
сахар II 74.
саґ II 72, III 13, 153.
сәдә II 48, III 138.
сәдтүн II 47, 82, III 153.
сәдүн II 80, 81.
сәлхәр II 112.
сәмбу I 130.
сәр II 47, 81.

сәрү зәд II 254, 255, 293.
сәфтәг II 86.
сәфүн II 49.
сіаг, сіјаг III 145.
сідә, сүд III 157.
сістә, сүст III 157.
сіүә III 161.
сїмүн д. сёмун III 143.
скәнґә I 120.
скәрүн I 118, II 70.
сқола II 69.
скүїн II 70, III 152.
скүнүн III 152.
смаг II 81.
сосәні мәјә II 263.
ссәд II 95, 106, III 80.
ссоі II 92.
ставд III 168.
стаун II 61, 76.
стәг II 76.
стуг II 81.
стүр II 58.
стүр II 58.
сталү II 81, см. III 162.
сувәллон II 87.
сүґзәріна II 47, III 138.
суїна, сін III 161.
сумах II 49, 147, 148, III 153.
сүг III 144.
сүдін II 79.
сүдүн II 58.
сүвүлд I 133.
сүґдәг I 120, II 57.
сүд II 57, 82, III 153.
сүнт III 168.
сүрх II 57, III 83.
та III 145, 151.
табу I 131.
тавүн II 87, III 150.

таїн III 151.
талм III 150.
тамако II 115.
тар II 51, 76 III 141.
тарф III 150.
тасăг II 51, III 153.
тасун II 76.
таўăрăq II 116.
тăдун II 76.
тăккă II 76.
тăлм III 150.
тăндтă III 150.
тăнтă III 150.
тăргai I 123.
тăрquc III 161.
тăрсун II 46, 76.
тăрун (глагол.) II 48, 76.
тăрун (имя существ.) II 57.
тăф II 76.
тăфсун III 150.
тăхун II 48. III 149.
тева, теўа III 13.
тiг I 129, III 150.
тонун III 150.
тохона II 114.
ту III 168.
тўг iсун I 119.
тўлун III 158.
тумбун II 112.
тун I 118.
тундун II 54.
тунхагўр I 125.
тунхăнăг I 125.
угăрдăн, д. игўăрдăн I 125.
узун д. узун II 55.
улунк II 55 (опеч.).
унаффă II 115.
унун д. уiнун II 56,
ург III 144.

урд III 144.
урдун III 144.
урдунгустăг I 128.
урнун II 89 (опеч.).
урс, ўрс II 59, III 144.
усмăн III 144.
ўдарм III 144.
ўi II 58.
ўихузон II 153.
ўяс II 153.
ўлăфун III 158.
ўмăл III 144.
ўромун II 51.
ўрс II 58.
ўрсун кўрi II 273.
ўс II 92.
ўцун II 153.
ўад II 89.
ўадăхсiн I 127.
ўайдунг I 127.
ўалдăг I 129, II 51.
ўарт III 168.
ўаргiнаг I 127.
ўарун II 49.
ўасăг II 49.
ўатун хiцау II 294.
ўафун II 50, III 156.
ўад II 105.
ўăз II 83.
ўăлiмoн III 157.
ўăнунг III 160.
ўăрăх II 74.
ўăрдон III 168.
ўăрдцă II 47.
ўăрм II 89, 111.
ўăрунг II 88.
ўăрхцă III 139.

үәсс III 153.

үәхсә III 169.

үідон III 168.

үігүн II 56.

үілүн III 158.

үод II 105.

үомун II 88.

үомд, омд II 88.

үотә II 76.

фадүн III 155, 169.

фалдәр III 156.

фараст II 159 III 156.

фардәг I 126.

фарн I 121, II 86, III 81.

фарон II 50, 86.

фарс II 50, 81.

фахс III 142.

фә- II 215, III 161, 162.

фәд II 47, 86.

фәдис I 130.

фәздон II 86.

фәззәг I 129, III 169.

фәл- II 219.

фәлә III 169.

фәлīvүн II 56, III 156.

фәллоі II 98.

фәлм III 156.

фәнд III 169.

фәндаг II 47.

фәндаці зәд II 254.

фәндараст I 124, III, 82, 161.

фәрәт II 52.

фәрв I 132, II 86.

фәрсүн II 46.

фәсмон II 51.

фәстә I 133.

фәтән II 47, 76.

фәхсүн I 124.

фіјаг II 57, III 169.

фіртон III 169.

фідіүәг I 123 II 56.

фїстәг II 56, III 143.

фонд II 52.

фос, фондс I 130.

фусун I 130.

фув, фіу II 55, 61.

фуд, д. фідә II 7, 55, III 80, 138.

фуд, д. фід II 55, 86.

фуд д. фуд III 155.

фүлдәр II 89.

фүн I 118, II 53, III 149.

фүнг I 124, II 86.

фүндтәс III 161.

фүнд II 78.

фүнк II 56.

фүр- II 54.

фүр д. фур III 80.

фүрт II 57, III 80.

фүрү дүяр II 252.

фүс д. фус II 53, 81, III 80.

фүссүн II 55.

фүтцаг II 161, 162, III 164.

фүцүн II 54.

хадт III 150.

халә II 114.

хатүр II 112.

хаун II 75.

хәдәг II 52.

хәзгүл д. хәзгол III 139.

хәірәг II 73.

хәјүан II 108.

хәләг III 150.

хәр I 125.

хәрәг II 47, 73, III 13.

хәрїс I 129.

хәрүн II, 52, 74.

хәссүн II 94, III 149.

хәф III 148.

хәцүн II 52, 74.
хін II 55, 74, III 143.
хист II 264.
хід II 56, 74, III 138
хізүн II 56, 74.
хіцау III 151.
хо, д. хўәрә II 52, 73, 92, III 142.
хонүн II 51, 73.
хорз II 52, 73, III 141.
хор д. хўар III 13, 150.
хорв бон I 120, II 279, 280.
ху II 74, III 13.
хүзесаг I 133.
хүйн II 58, 74.
хүйнүн III 149.
хулф II 75, III 148.
хулфун дауматә I 126.
хурдин II 79.
хуск II 58, 74.
хуссүн II 52, III 142.
хуфүн II 75, III 149.
хуцауун дўар II 251, 253, 277.
хўд II 58, 73.
хўдүн II 58, 73.
хўр д. хор II 52, 73, III 142.
хўрх II 54, 74, III 148.
хўссар I 131.
хўасә III 13.

цад II 78.
цал II 156.
цалх II 50, 78, III 159.
царв II 50, 78.
царм II 50, 78.
цас II 153.
цатр II 78.

цагат I 131, II 107.
цаі (частица) I 117.
цаппорсё II 264, 282.
цәрүн II 46, 78.
цаском III 161.
цаст II 47, 106, III 141.
цаўят III 142.
цау-дўар II 259, 260.
цаун II 61, 78.
цахцин I 124.
цїргїесән II 277.
цўдүн III 151.
цўрүн III 151.
цв II 154.
цвбдун II 115, III 14.
цвбвр II 112.
цвгд III 152.
цвмгә I 125.
цвмвн II 54, 78.
цвппар II 50, 54, 78.
цвраг II 78.
цврв III 151.
цврг II 55, 79.
цврт II 55.
цврвq II 116.
цвт II 55.

цїу д. цёу II 80.
цвнда II 114.
цвф II 79.

чёма II 114.
чілаўі III 14.
чї II 154.

чїрї д. кёре I 119.

ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
13	17 сверху	тăѷа	тѣѷа
—	20 —	ĭгар, ĭегар	ĭгар, ĭегар
14	8 —	какалі	какалі
—	10 —	комбосто	комбосто
—	13 —	бітѷна	бітѷна
—	14 —	булк	бѷлк
—	22 —	кумбѷл, д. кумбул	кумбѷл, д. кумбул
35	3 —	Дургулель	Доргулель
42	9 —	Dalıalmanı	Darıalmanı
62	19 снизу	хозарамъ	хазарамъ
80	5 сверху	фусă	фус
152	6 снизу	астăрун	астăрун
155	9 сверху	баѷар	баѷар
157	8 —	авдѷу	авдѷу
184	6 —	хăĭѷанбăл	хăĭѷанбăл

Miller, Vsevolod Fedorovič,

Osetinskie ŕtjudy Izdanie Imperatorskago Moskovskago Universiteta

Bd.: 3

1887

L.as. 386 qo-1/3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11639824-3